

Январь
2010
№ 2 (02)

ISSN 2077-6438

CONCEPT

Научно-гуманитарный,
художественно-публицистический журнал
Ухтинского государственного технического университета

Королева филологии

Фрагменты глав книги ухтинской писательницы Т. Т. Новиковой о профессоре УГТУ Наталии Васильевне Вулих.

стр. 12

“Буддийское время” или “время” в буд- дизме

Лаконичная реконструкция буддийских представлений о времени в контексте ключевых понятий религии.

стр. 45

Север России как площадка для общего продуктивного дела Востока и Запада

Осмысление центрографического положения Русского Севера в рамках подхода мыслителя и философа Н. Ф. Фёдорова.

стр. 81

О прошлом – с благо- дарностью, о будущем – с вдохновением

В марте 2010 года Ухтинское литературное объединение отметило свой 55-летний юбилей.

стр. 145

Лицензия сер. АА №000872 от 24.02.2009
Свидетельство о государственной аккредитации сер. АА №001780 от 26.02.2009

УХТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Многопрофильный вуз
с полувековой историей**

Мощная материально-техническая база. Интересная учёба,
содержательная практика. Яркая культурная и спортивная жизнь.
Социальная защита. Престижная работа.

Факультеты:

- Нефтегазопромысловый
- Геологоразведочный
- Информационных технологий
- Архитектурно-строительный
- Лесотехнический
- Экономики и управления
- Гуманитарного образования
- Безотрывного обучения

Институт физической культуры и спорта

ИПК-НАМЦ

Технический колледж

Наш сайт: www.ugtu.net

Информация для поступающих:

Интернет-форум УГТУ
www.ugtu.net/forum/index.php
раздел «Абитуриенты».

Задайте любой вопрос относительно поступления и получите ответ в режиме OnLine!

169300 Республика Коми, г. Ухта, ул. Первомайская, 13

**Телефоны: 8 (2147) 7-44-85 – центр по профориентационной работе,
7-44-00 – круглосуточная информационная служба,
6-06-10 – приёмная комиссия.**

ОТКРОЙ СВОИ ВОЗМОЖНОСТИ В УГТУ!

Ухтинский государственный технический университет

CONCEPT

Научно-гуманитарный,
художественно-публицистический журнал
Ухтинского государственного технического университета

Ухта. УГТУ, 2010

Научно-гуманитарный журнал
Ухтинского государственного технического университета.

Издается с 2009 года.

Учредитель
Ухтинский государственный технический университет

Председатель редакционного совета Н. Д. Цхадая, ректор УГТУ, профессор.

Ответственный секретарь редакционного совета Д. Н. Безгодов (УГТУ, г. Ухта)

Редакционный совет

Д. Т. Гавра (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), Н. Ф. Зюзев (КГПИ, г. Сыктывкар),
В. И. Коцоба (МФТИ, г. Москва), А. А. Матвейчук (г. Москва), Д. А. Матвейчев
(г. Москва), И. В. Горенко (РГТУ, г. Москва), Г. М. Горенко (МГИМО, г. Москва),
А. Н. Кустышев (УГТУ, г. Ухта), А. А. Ершов (УГТУ, г. Ухта), Л. П. Рощевская
(СГУ, г. Сыктывкар), диакон Андрей Кураев (МДА, г. Москва), О. В. Солдатен-
кова (УГТУ, г. Ухта), Н. В. Вулих (УГТУ, г. Ухта), В. В. Каюков (УГТУ, г. Ухта),
В. В. Фалин (УГТУ, г. Ухта), В. С. Порохня (МАИ, г. Москва), Н. Н. Латыпов (г. Москва),
И. Е. Задорожнюк (г. Москва), О. И. Беяева (УГТУ, г. Ухта).

Главный редактор И. В. Карабинская
Технический редактор, дизайн, компьютерная верстка – Д. А. Гаманин
Корректор О. И. Беляева

Адрес редакции: 169300 Республика Коми, г. Ухта, ул. Первомайская, 13.
Телефон / факс: (82147) 7-45-16, 7-44-36
e-mail: dbezugodov@ugtu.net; ingerd@mail.ru.

Подписано в печать 18.09.2009. Заявка № 1341. Формат: 190x255 1/8. Печать
офсетная. Усл. п. л. 18.9. Тираж 500.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии УГТУ.

Полная или частичная перепечатка материалов возможна только после со-
гласования с редакцией.

© Ухтинский государственный технический университет.

Приветственное слово	стр. 5
Обращение ректора	стр. 6
Личность	
Т. Т. Новикова	
Отрывки из книги “Королева филологии“	стр. 12
Н. В. Вулик	
Образ Овдия в творчестве Пушкина	стр. 35
Философский дискурс	
И. В. Горенко	
“Буддийское время” или “время” в буддизме	стр. 45
Я. Ю. Васильев	
О будущем в контексте гносеологии прогнозирования	стр. 59
От теории к практике	
Г. В. Данилов	
Возрастная структура профессорско-преподавательского состава УГТУ	стр. 70
И. Е. Задорожнюк	
Север России как площадка для общего продуктивного дела Востока и Запада	стр. 81
Пространство коммуникации	
В. В. Фалин	
Теория социальной коммуникации и методология подготовки специалистов по связям с общественностью в России	стр. 95
О. И. Беляева	
Человек – дом – мир. О некоторых семантических универсалиях в сфере антропоморфной лексики	стр. 107
Точки роста	
Д. Н. Безгодов, С. П. Башкиров, Г. Г. Черноусов	
К развитию концепции “Ухта – Университетский город”: социологический аспект	стр. 118
Б. А. Витович	
Первая гуманитарная специальность	стр. 126
Уроки прекрасного	
И. В. Палладьева	
Как родились “Художники Ухты”	стр. 135
Печатное слово	
По материалам литературного объединения г. Ухты	
О прошлом – с благодарностью, об будущем – с вдохновением	стр. 145
Вспомним их по именам	стр. 151
“Время поэтического зрения”	стр. 155

Дорогие читатели!

Мы рады приветствовать вас на страницах второго номера журнала “Concept” – издания, адресованного широкому кругу читателей. Соответствуя избранному формату, журнал сочетает гуманитарную науку, публицистику, художественное творчество и литературу.

По-прежнему, следуя цели завоевать внимание и интерес научной и творческой интеллигенции, мы стремимся не только следовать в фарватере научной гуманитарной мысли, но и откликаться на актуальные вопросы современности – проблемы демографии, образования, геополитического значения русского Севера. Ознакомиться с позициями отдельных ученых-исследователей по ряду вышеизложенных вопросов можно на страницах номера, который вы держите в руках. Мы надеемся, что большинство затронутых тем найдут отклик у заинтересованных читателей и, возможно, дадут импульс к конструктивному диалогу.

Выполняя одну из основных задач – предоставление актуальной и достоверной научной информации, редакция уделяет пристальное внимание всему, что так или иначе является воплощением

творческого и духовного потенциала. В этой связи “Concept” не обходит вниманием события в культурной жизни города Ухты. Среди таковых нельзя не выделить 55-летие городского литературного объединения и выход в свет печатной версии каталога “Художники Ухты”.

Совершенно особое значение эта духовно-нравственная составляющая жизни любого человека и любого общества приобретает в Год учителя, объявленный Указом Президента РФ. Вполне резонно, что именно в этом контексте темы преодоления пресловутого мировоззренческого кризиса и концептуального вакуума в отечественной науке и культуре из разряда риторических переходят в круг насущных, обретая плоть структурную и организационную.

Вопросы развития системы образования всегда актуальны, а в настоящее время, когда модернизация российского образования достигла кульминационной точки, практически все участники образовательного процесса, особенно в высшей школе, оказываются захвачены этой темой, образуя естественное и весьма активное экспертное сообщество: от студента до ректора.

И, наконец, хотелось бы проинформировать читателей о том, что на сайте УГТУ (www.ugtu.net) доступна электронная версия нашего журнала.

*Ответственный секретарь редакционного совета Д. Н. Безгодов
Главный редактор И. В. Карабинская*

Автор Н. Д. Цхадая

К вопросу о модернизации высшего профессионального образования в Республике Коми

Из доклада ректора ухтинского государственного технического университета на заседании Совета ректоров вузов Республики Коми (г. Сыктывкар, 2010 г.).

Обозначенную тему никак нельзя считать новой для научно-педагогической общественности Республики Коми. Однако отсутствие новизны в нашем случае с лихвой компенсируется актуальностью. Причем актуальность этой неновой темы обусловлена отнюдь не отсутствием соответствующих практических действий. Вот уже почти двадцать лет высшие учебные заведения – и не только в Республике Коми, но и по всей России – подвергаются оптимизации, и не в абстрактном смысле постоянного стремления к лучшему, а в смысле конкретных реформ, которые ведь проектируются и осуществляются не иначе как с целью оптимизации деятельности учебных заведений.

Я вкратце напомню только о некоторых наиболее чувствительных изменениях. Вместе со всей страной мы переходили к рынку, что с первых же шагов выразилось в катастрофическом сокращении бюджетного финансирования. Шоковая терапия удалась. Вузы потеряли значительную часть кадрового потенциала, а технические – получили почти десятилетний провал в обновлении лабораторного оборудования. В каждом вузе появился значительный коммерческий сектор, а преподаватели научились совмещать работу в нескольких должностях или в нескольких учебных заведениях. Вузовские коллективы с большим энтузиазмом внедряли государственный образовательный стандарт первого поколения. И, завершив внедрение, почти сразу перешли к ГОСам второго поколения. В последние пять лет мы с волнением ожидаем третье по-

коление ГОСов. В течение десятилетия, с большим количеством дискуссий, осуществляется переход к двухуровневой системе: бакалавриат-магистратура. В этот же период в вузах проходило внедрение внутривузовских систем качества. Существенные изменения претерпела наша система контроля и оценки знаний: тестирование вытесняет традиционные экзамены. Собственно, само понятие знания как содержания и ключевого критерия образовательного процесса оказалось поставленным под сомнение. Теперь мы должны перейти от так называемой знаниевой модели выпускника к модели компетентностной. Переход к единому госэкзамену также радикально изменил систему набора на первый курс. В последние несколько лет вузы занимаются внедрением инновационных образовательных программ. Кроме того, открываются научно-образовательные центры, инновационные малые предприятия. Активно внедряются дистанционные формы обучения. Не за горами переход к балльно-рейтинговой и кредитно-модульной системам оценивания студентов. Происходят серьезные структурные преобразования. Многие вузы трансформируются в университетские комплексы. Наконец, надо помнить, что в ближайшем будущем большинство вузов будет поставлено перед необходимостью кардинального организационно-правового преобразования – перехода в автономные учреждения.

Думаю, никому не надо доказывать, что даже ординарный образовательный процесс в вузе требует от преподавателей и сотрудников большой самоотдачи. Наша работа сложна и трудоемка сама по себе. А перманентные реформы осложняют ее многократно. Кстати, нелишне будет иметь в виду одну мини-реформу, которую мы уже как-то забыли, однако действие ее ощутимо сказывается на общей ситуации. Почти десять лет назад для большинства вузов и специальностей было изменено соотношение “преподаватель-студенты”. Если раньше оно было один к восьми, то теперь один к десяти. Понятно, что на таком насыщенно-реформационном фоне все нарекания по поводу качества образования звучат для вузовской общественности на редкость логичными и справедливыми.

И сегодня, когда с новой силой и с полной определенностью ставится вопрос о необходимости дальнейшей оптимизации сети образовательных учреждений в Республике Коми, важно учитывать не только объективные экономические и организационно-правовые параметры сложившейся ситуации, но и моральный климат в вузовских коллективах, общее отношение к реформам, которое при всей субъективности происхождения имеет все-таки вполне объективное значение. Мы видим, что верховная власть Республики Коми деятельно проявляет заинтересованность к процессу реформирования системы образования, а значит, готова разделить с федеральными органами власти ответственность за ход и результаты этих реформ. Это добавляет уверенности и энтузиазма нашим коллективам, что совсем нелишне в преддверии нового этапа оптимизации.

Еще несколько крупных штрихов к объективной картине. Мировой экономический кризис и специфически российский демографический кризис... Последний в отношении вузов сказывается в резком уменьшении абитуриент-

ской базы. К этому надо добавить еще и заметное, очень заметное снижение качества школьного образования. Качество собственно вузовского образования, конечно, тоже не безупречно, я уже упомянул проблемы лабораторного оснащения и кадрового обеспечения. Последняя, в частности, проявляется как старение преподавательских кадров.

Уважаемые коллеги, прежде чем доложить видение перспективы развития системы образования Республики Коми коллективом Ухтинского государственного технического университета, я бегло обрисую современное положение нашего вуза.

В настоящее время мы совмещаем традиционную отечественную систему подготовки специалиста с двухуровневой и готовы полностью перейти к последней в срок, установленный федеральным Министерством образования и науки.

Как я уже неоднократно докладывал на различных совещаниях, в УГТУ сложился структурно-функциональный прообраз университетского комплекса: начальная школа, технический колледж, бакалавриат, магистратура, аспирантура, советы по защите диссертаций, система дополнительного профессионального образования. В составе университета действуют семь факультетов, три института (один из них исследовательский) и три филиала в городах Воркуте, Усинске, Сыктывкаре.

Наконец, надо отметить, что наш университет участвует в конкурсе вузов, в отношении которых устанавливается категория “Национальный исследовательский университет”.

В университете определены три приоритетных направления развития. Они подробно отражены в конкурсной заявке. Все они так или иначе связаны с нефтегазовым профилем вуза.

На конкурс было подано сто пятьдесят три заявки, двадцать пять было отсеяно на первом этапе по формальным критериям. Наш университет прошел, ждем следующего этапа. И здесь считаю очень важным отметить следующее обстоятельство: из оставшихся ста двадцати восьми вузов только три не расположены в Москве или в каком-либо региональном центре. Если говорить о городах, то Ухта – это самый маленький город из всех представленных вузами в этом конкурсе. Я давно уже подчеркиваю эту уникальность Ухты. И, с одной стороны, это, конечно, слабость: маленький город вдали от крупных культурных центров. Но с другой стороны – это не просто уникальная черта; мы вполне обоснованно претендуем на выполнение особой геополитической миссии на севере России и, учитывая научно-производственный контекст и культурную атмосферу города, также обоснованной можно считать культурно-просветительскую установку “Ухта – университетский город”. Такое положение дел позволяет нам в принципе рассчитывать на особое отношение со стороны Министерства образования и науки Российской Федерации.

Исходя из данной диспозиции университета и описанной выше общей ситуации в направлении оптимизации, нам представляются первоочередными и наиболее целесообразными следующие шаги.

Нам нужна концепция развития или модернизации системы образования в Республике Коми. Именно концепция, которая представит всю сеть образо-

вательных учреждений в Республике как системное целое, вписанное в более широкий контекст социально-экономического развития Республики.

В концепции должна быть внятно прописана большая позитивная цель предпринимаемой модернизации. Самый худший вид реформы – это попытка приспособиться к негативным тенденциям. Наши реформы не должны определяться банальным желанием сэкономить на образовании под предлогом демографического кризиса. Демографическими процессами, кстати говоря, также можно и должно управлять. И в этом смысле концепция также должна демонстрировать целостное понимание ситуации. Думаю, что эта большая позитивная цель может быть сродни той самой геополитической миссии северных вузов, о которой я говорил выше.

Действительно, наряду с Россией в число стран циркумполярного пояса входят семь высокоразвитых стран мира: США, Канада, Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Исландия. Самая большая северная территория принадлежит России. А это и богатейшая ресурсная кладовая, и пространство транс-континентальных транспортных коридоров, и потенциальная территория для жизни, несмотря на суровые условия. Ведь у быстро растущего человечества не так много альтернатив. А отсюда вывод в отношении северной государственной политики России. Она должна быть направлена на полноценное освоение Севера, что предполагает не только и даже не столько освоение ресурсов, а глубокое познание Севера и выработку технологий обеспечения высокого качества жизни на Севере. Если этого не будет делать Россия, то за нее это сделают соседи, которые выступают не только партнерами, но и конкурентами по циркумполярному поясу.

Далее в нашей концепции должны найти конкретное отражение два основополагающих принципа модернизации отечественного образования, прописанные во всех стратегических федеральных документах: качество и доступность.

Что касается педагогических и управленческих технологий обеспечения качества, то дефицита соответствующих предложений в современной высшей школе не наблюдается. Зато есть дефицит ресурсов, без которых все технологии – голая схема. Думаю, в этом отношении роль нашей региональной власти может быть двойкой. С одной стороны, правительство могло бы взять под прямую опеку процесс согласования деятельности образовательных учреждений начального, среднего, высшего звена и работодателей. И конечно, нам нужны достаточно крупные инновационные научно-образовательные проекты на условиях совместного финансирования из федерального и регионального бюджетов и из собственных, заработанных средств вузов. Без применения серьезных экономических рычагов мы обречены на бесконечную разногласию мнений.

Теперь о принципе доступности. Для нас он конкретизируется в двух вопросах: в вопросе о спектре специальностей и о деятельности филиалов.

Коллективы вузов понимают озабоченность власти проблемой согласования между структурой кадровых потребностей в регионе и спектром направлений профессиональной подготовки в вузах. Однако при принятии управленческих решений важно учитывать конституционное право граждан

на бесплатное высшее образование и то, что выбор специальности зачастую обусловлен не только перспективами дальнейшего трудоустройства, но и личным вкусом абитуриента, долгосрочным анализом родителей, толщиной их кошелька, в конце концов. И если студент не найдет в регионе специальности по своему вкусу, это может и не означать, что он поступит на ту специальность, которая востребована в регионе. Он может просто уехать и потратить деньги на образование за пределами нашей республики. Поэтому в этом отношении следует действовать очень осторожно, подключая потенциал современных социальных технологий.

И, конечно, особенно настоятельным принцип доступности оказывается в связи с судьбой северных филиалов. Сейчас много говорят о последних рекомендациях Федерального агентства по образованию, прозвучавших на февральской коллегии. В филиалы с приведенным контингентом менее пятисот человек рекомендуют на первый курс студентов не набирать. Что касается нашего университета, то в отношении своего Сыктывкарского филиала мы рассматриваем возможность исполнения этой рекомендации. Но в отношении Усинска и Воркуты, на наш взгляд, подобное решение было бы стратегической ошибкой. Ведь именно вузы являются ключевым социальным фактором, предохраняющим наши северные города от сползания к состоянию депрессивных моногородов. Думаю, что в концепции этот сюжет может быть прописан особо.

Что же касается конкретных форм вертикальной и горизонтальной интеграции образовательных учреждений, а также их возможной интеграции с научными и производственными организациями, то в концепции должна быть представлена максимально разнообразная палитра моделей с аналитическим описанием достоинств, недостатков и возможностей реализации каждой.

Я уже неоднократно заявлял, что наш университет готов выступить экспериментальной площадкой для апробации моделей университетского комплекса. В октябре 2009 года университетом получено письмо из Федерального агентства по образованию, в котором сообщается, что по инициативе Правительства Республики Коми Рособразованием принято решение о реорганизации УГТУ путем присоединения к нему Ухтинского горно-нефтяного колледжа и Ухтинского промышленно-экономического лесного колледжа. Свой пакет документов, затребованный агентством, университет подготовил. Таким образом, учитывая вхождение в состав университета мощностей центра обучения кадров Общества «Газпром трансгаз Ухта», к началу следующего календарного года на базе УГТУ должен быть сформирован достаточно крупный университетский комплекс. Наверное, самый важный вопрос в этой перспективе – это объем федерального финансирования будущего комплекса. В документах, прописывающих порядок реорганизации, указывается, что штатное расписание и уровень окладов в объединяемых учреждениях на момент реорганизации сохраняются полностью. Однако тот факт, что федеральное финансирование вузов в 2010 году оказалось значительно сокращено по сравнению с прошлым годом, побуждает нас к осторожности.

Думаю, что всем вузам республики было бы полезно взять небольшую паузу и посмотреть, с какими приобретениями и потерями пройдет реорганиза-

ция нашего университета. Сделать его пионером (я не говорю “подопытным кроликом”) в этом отношении было бы тем более целесообразно, что в Ухте в отличие от Сыктывкара нет проблемных обстоятельств, неизбежных при горизонтальной интеграции. Мы формируем вертикально интегрированный комплекс, что, видимо, не вызывает необходимости закрытия тех или иных дублируемых кафедр или сокращения мест по дублируемым специальностям.

Вообще, надо апробировать все механизмы интеграции. Теоретически они понятны, но практика всегда вносит коррективы.

И, наконец, в нашей концепции должен быть четко прописан механизм социального обеспечения модернизационных процессов. Если прогнозируется хоть какое-то сокращение рабочих мест и студенческого контингента в ссузах и вузах, то федеральные, региональные и муниципальные органы власти должны гарантировать возможность переобучения и достойной профессиональной и образовательной альтернативы. Все это должно быть понятно и ответственно прописано.

Думаю, что параллельно с концепцией должна быть разработана программа ее реализации с конкретным указанием источников и объемов финансирования, этапов реализации и ответственных. Для подготовки этих документов надо сформировать рабочую группу из представителей всех заинтересованных сторон.

Уважаемые коллеги, в текущем году завершается время действия Концепции модернизации российского образования на период 2001-2010 годов. Цели, заявленные государством в этом документе, в принципе достигнуты. Однако получить отдачу от проведенных реформ в виде современного, инновационного, конкурентоспособного образования – это дело еще не одного года. Поэтому было бы абсолютно уместным на уровне регионов подхватить эстафету идей, заложенных в федеральной концепции модернизации.

Спасибо за внимание!

Автор Т. Т. Новикова

Отрывки из книги “Королева филологии”

Это – фрагменты глав из книги о профессоре Ухтинского государственного технического университета Наталии Васильевне Вулих.

Она повествует о жизни Наталии Васильевны – с раннего детства и до сегодняшнего дня. И она сама, и ее коллеги, и друзья, и родные рассказывают о том, как она росла, воспитывалась, формировалась, училась, работала, преподавала, читала лекции и в своей стране, и за рубежом, путешествовала по миру, писала свои многочисленные научные статьи, монографии, брошюры, учебники, пособия и книги

Ее жизнь, ее активная жизненная позиция, ее одухотворенность и увлеченность, ее бескомпромиссность и постоянный полемический дух беспокойной и пылкой натуры делают личность Наталии Васильевны Вулих особенной, уникальной и неподражаемой. Сегодня мы публикуем отрывки из книги “Королева филологии”, а вскоре, надеемся, сможем прочесть и всю книгу.

Вступление

Доктор филологических наук, профессор Наталия Васильевна Вулих работает в Ухтинском государственном техническом университете на кафедре иностранных языков вот уже двадцать семь лет.

А до этого она прошла большой жизненный путь, занимаясь преподаванием и наукой в Ленинградском государственном университете, где в 1937 году закончила отделение классической филологии филологического факультета. Сразу после войны, в 1946 году, она защитила кандидатскую диссертацию по теме “Поэзия Катулла”, а в 1976 – докторскую диссертацию по теме “Мировоззрение и художественный стиль Овидия”.

В область ее научных интересов входит вся римская литература. Она знает латинский, древнегреческий, немецкий, французский, итальянским языки.

Являлась вице-президентом международного общества “Овидианум”. Преподавала историю русской литературы во Франции и в Германии. Написала более двухсот научных статей; книги “Овидий”, “Римский классицизм”, “Сады Древнего Рима”, “Поэзия добра и света” (о творчестве коми поэта И. А. Куратова); учебное пособие для студентов “Античная литература и культура”, а также множество газетных и журнальных статей. Ею сделано большое количество научных докладов на конференциях в высших учебных заведениях Советского Союза и за рубежом, проведены специальные курсы по творчеству Овидия в Вильнюсском, Московском и Ленинградском университетах.

В 1982 году Н. В. Вулих начала свою работу и просветительскую деятельность в Ухтинском индустриальном институте, куда пригласил ее ректор УИИ Г. В. Рассохин. А спустя восемнадцать лет она получила самое почетное звание города – “Ухтинец века”. Это стало настоящим признанием подвижнического научного подвига хрупкой женщины, за плечами которой стоят тяжелые испытания и Ленинградской блокадой, и суровой жизнью в эвакуации, а также научной и преподавательской работой в непростых жизненных условиях. Ей довелось познать горечь потерь близких людей и предательство друзей, пережить непонимание и осуждение коллег и долгое одиночество, но при всем этом она не потеряла ни жизнелюбия, ни стремления к творческому поиску, ни любви к науке, к студентам, к искусству.

Скоро Наталии Васильевне Вулих исполнится девяносто пять лет. Но до сих пор разум у нее острый и любознательный, память – дай Бог каждому, характер твердый, а душа возвышенна и мечтательна. Ей и сейчас интересна жизнь, интересны люди, интересна работа, которую она продолжает делать по мере своих сил. А их, к сожалению, остается все меньше...

Но все так же не иссякает интерес людей к ней, удивительной и непостижимой женщине, чья жизнь – вся, без остатка, до доньшка – посвящена истинному служению Науке.

Память о детстве – на всю жизнь

В ясный погожий день 7 июля Вера Григорьевна Ирбахтина с маленькой внучкой Юлей на руках и в сопровождении своих учеников-лицеистов, несших букет цветов и коробку с тортом, вошла в квартиру Наталии Васильевны Вулих.

Худенькая женщина, полулежа в постели, встретила их светлой улыбкой.

Сегодня она была величественно-красива: в идеально выглаженной, строгой черной юбке и нежно-сиреневой “французской” блузке, сколотой у ворота сверкающей брошью, с неизменными белокурыми локонами на голове, уложенными с особой тщательностью, с тонким макияжем на лице, пахнущая свежим ароматом хороших духов...

Сегодня у Наталии Васильевны день рождения.

Она уже отдохнула от прежних гостей-визитеров: поздравить ее приходили и друзья, и коллеги с кафедры, и лично ректор университета Николай Денисович Цхадая. Он провел у нее довольно много времени, и они имели долгую беседу о гуманитаризации образования в высшей технической школе. Несмотря на то, что Наталия Васильевна в силу обстоятельств была надолго оторвана от внешнего мира, который, как известно, меняется нынче с калейдоскопической скоростью, они с ректором находят общие точки зрения на многие вещи, в том числе и на проблемы сегодняшнего высшего образования.

И то, что всегда занятый “сверх всякой крыши” ректор технического вуза уделил профессору-филологу столько драгоценного своего времени, красноречивее всего свидетельствует о том, что он понимает и чувствует: есть вещи, неподвластные времени и обстоятельствам, и есть люди, достойные самого пристального внимания...

Вера Григорьевна заметила, что Наталия Васильевна уже давно устала, но старается не подавать виду. Поэтому она быстро собрала свою “команду” и увела ее, пообещав зайти еще раз попозже.

Пришла ближе к вечеру. Помощницы Наталии Васильевны уже навели порядок, и комната благоухала тонким и чистым дыханием множества цветов, расставленных по вазам.

Наталия Васильевна в свежем халатике уютно лежала в постели и очень обрадовалась новому появлению своей давней подруги.

Родилась в г. Вильнюсе (Литва). В 1938 г. окончила Ленинградский государственный педагогический университет. С 1981 г. работает на кафедре иностранных языков Ухтинского индустриального института (технического государственного университета). После успешной защиты диссертационного исследования по теме “Поэзия Овидия” Н. В. Вулих в 1979 г. была присуждена ученая степень доктора филологических наук. Профессор.

Как ведущий специалист по античной литературе Н. В. Вулих приглашалась для чтения лекций в университетах России (Москва, Санкт-Петербург), Германии (Гейдельберг, Тюбинген). Наталия Васильевна принимала участие в ряде международных конференций, которые были посвящены творчеству А.С. Пушкина. Широкий научный кругозор и эрудиция позволили Н. В. Вулих проводить комплексные исследования, которые сочетали в себе решение филологических проблем с их философской интерпретацией.

За выдающиеся достижения в научной и просветительской работе Н. В. Вулих было присвоено почетное звание “Ухтинец века”. В декабре 2000 г. она была признана лучшим работником УГТУ в номинации “Мэтр года”.

– Я не помешаю вам? – спросила Вера Григорьевна. – Может быть, вам хочется отдохнуть от всей этой дневной суеты?

– Буквально полчаса, – ответила та. – Сейчас мне этого вполне хватит, а потом вся ночь впереди. Такой, как вы выразились, суеты мне выпадает только раз-два в году. Так что располагайтесь, Верочка, сами немного отдохните, а потом будем пить вечерний чай.

Она уснула почти мгновенно. Вера Григорьевна тихонько вышла на кухню. Села за стол, вытянула поудобнее ноги: действительно, устала...

И сами собой пошла воспоминания.

Она была приглашена к Наталии Васильевне Вулих восемь лет назад – с тем, чтобы оказать ей, так сказать, эмоционально-психологическую помощь, когда та сломала себе ключицу. Люди, близкие Наталии Васильевне, посчитали, что характер Веры Григорьевны, ее взгляды на жизнь и мировоззрения будут понятны Наталии Васильевне и приняты ею...

Сердечная дружба

В 2004 году Наталия Васильевна перенесла еще одну серьезную травму: перелом шейки бедра. Последствия этого бывают, как правило, весьма тяжелыми, не всякий, даже молодой, может подняться на ноги после этого, что уж тут говорить о девятилетней женщине?

Вера Григорьевна увезла ее в городскую больницу, где той наложили гипс, и забрала на какое-то время к себе. Конечно, всем было обидно и досадно за Наталию Васильевну: ведь она только-только оправилась от перелома ключицы, а тут новая беда, еще более серьезная.

Обычный человек уже давно бы устал, сник и махнул на себя рукой. Но Наталия Васильевна... кто бы видел, с каким упорством, с каким старанием и мужеством она продолжала заниматься восстановлением своего здоровья!

Можно только удивляться равнодушию и невниманию наших врачей. Почему не оказалось среди них человека с пытливым умом и научным интересом, чтобы изучить физическое и душевное состояние этой удивительной пожилой женщины – ее необыкновенную выносливость, безграничное терпение и совершенно уникальную способность к восстановлению? Если бы кто-то такой нашелся, то на этом “материале” не одну докторскую диссертацию по медицине можно было бы написать! Что за человек Наталия Васильевна Вулих, что за организм у нее, каковы его ресурсы, параметры, способности, откуда в ней такие огромные жизненные и эмоциональные силы, такая неистощимость творческой мысли? Что за “моторчик” у нее в сердце, в голове, в душе?

Ну неужели это никому неинтересно?!

В организации своего быта Наталия Васильевна человек настолько неприспособленный, что просто диву даешься. Ей, выросшей чуть ли не в дворянских условиях,

теперь совершенно безразличны некоторые “блага”. Долгое время у нее не было даже холодильника, пока Вера Григорьевна не купила его для нее. Не было элементарного радио. А телевизора нет до сих пор. Зато кое-какая мебель, привезенная ею из Ленинграда более двух десятков лет назад, всегда с ней: тумбочка, шкаф и кушетка, которые являются для нее самой большой ценностью. Они уже, конечно, устарели и потеряли свой “товарный вид”, но, когда Наталии Васильевне предложили выбросить старую и сломанную кушетку, та наотрез отказалась, сказав, что ни за что не поступит так с нею, потому что на ней спал ее муж, Борис Захарович...

Чужачество? Пусть так. Все дело в шкале ценностей, которая у каждого – своя.

Когда у Наталии Васильевны был 90-летний юбилей и ее спросили, что бы она хотела получить в подарок, та ответила:

– Что, что... Ну, что обычно дарят женщинам? Мне, например, очень нравится французский крем для лица и для рук, польское косметическое молочко, освежающий тоник... да мало ли чего я хотела бы иметь у себя?

И был такой бум в университете, когда на чествовании юбилярки Наталии Васильевны Вулих ректор Цхадая преподнес ей огромную корзину... не лекарств и медикаментов, нет, а самых лучших косметических средств и парфюмерии!

Отчий дом

Веселая возня в детской была прервана строгим голосом домашней учительницы Елизаветы Глебовны, неслышно появившейся в дверях:

– Mädchen! Belieben sie sich zu waschen und die Zahne zu putzen! (Девочки! Извольте умыться и почистить зубы!)

Десятилетняя Таня и девятилетняя Наташа, путаясь в длинных ночных сорочках, с визгом, наперегонки, помчались в ванную.

Пряча улыбку, Елизавета Глебовна покачала головой и отправилась в свою комнату, чтобы подготовить все необходимое для утренних занятий немецким языком.

Когда к завтраку в столовую вошли мама с папой, Наташа привычно залюбовалась ими: какое же красивое на маме голубое платье с зеленой эмалевой брошью под воротничком, и какая добрая улыбка у папы под аккуратными светлыми усиками!

– Ну-с, юные дамы, по случаю выходного дня у нас с вами несколько иной распорядок дня, чем обычно, – весело объявил отец, усаживаясь за стол и разворачивая туго накрахмаленную салфетку. – Стало быть, так: до обеда я работаю у себя в кабинете, вы – занимаетесь немецким языком, мама... а что, кстати, делает мама? – повернулся он к жене.

– А мама закончит вышивать панно “Утренняя роза”, – ответила та. – Ей осталось совсем немного, как раз успеет к обеду.

– Что ж, славно, значит, до полудня все будут заняты делом, а не праздным времяпровождением, – продолжил отец. – Маруся готовит обед, а Елизавета Глебовна вдалбливает в эти юные головы немецкие глаголы и артикли. Ну, а после обеда мы все вместе пойдем гулять в Таврический сад, где к нам собираются присоединиться Самуил Яковлевич с сыном Эликом.

– Ура! – шепотом сказала Таня.

– А после прогулки и небольшого отдыха девочки немножко поупражняются во французском, после чего мы поиграем в полярную экспедицию, – подытожил отец. – Насколько мне известно, это ваша любимая игра в последнюю неделю.

– Ура! – погромче выразила свое одобрение старшая дочь, а младшая подняла на отца свои громадные голубые глаза.

– А почему ты будешь работать в своем кабинете, папа, если сегодня у тебя выходной? – серьезно осведомилась она.

– Ну... – смешался отец. – Как бы тебе это объяснить, дорогая? Дело в том, что в свой выходной день я не веду прием и не навещаю больных детей на дому. Но за неделю у меня накапливаются не менее важные дела: допустить, просмотреть журнал приема, заполнить истории болезни, проверить исполнение всех лекарственных назначений, выписать новые, продумать для какого-то больного схему лечения – всего и не перечислишь вот так, сразу. Кроме того, хотелось бы почитать что-нибудь новое в медицинской практике, полистать справочники...

– А разве это обязательно?

– Ну, а как же? Чтобы стать хорошим врачом и быть всегда готовым оказать больному помощь, необходимо много работать и многому учиться.

– Ты все еще учишься?! – изумилась дочь. – Такой большой, такой... доктор, который лечит всех людей... и все еще учишься?

– Всю жизнь, – серьезно кивнул отец и принял из рук Маруси тарелку с пышным омлетом. – Человек должен учиться всю жизнь, моя девочка, потому что она никогда не стоит на месте. Заленишься, зазеваешься или решишь, что ты уже умная и все знаешь, – тогда конец, тогда гибель. Ведь жизнь уйдет вперед, а ты так и останешься топтаться на одном месте.

– Ну, довольно, – мягко остановила мама дискуссию отца с дочерью. – Завтрак на столе, впереди еще много дел, хотелось бы успеть сделать все намеченное, так что давайте не будем терять драгоценного времени, ладно?

После омлета подали горячее какао с румяными сырниками и, когда все уравились с завтраком и уже готовы были встать из-за стола, Наташа, пылая щеками, вдруг громко заявила:

– Стойте! Знаете, а я... я решила тоже всю жизнь учиться! Потому что я не хочу топтаться на одном месте на этой...на обочине. И по выходным дням я тоже буду работать в кабинете и чего-нибудь просматривать и листать. Как папа.

– Ох, моя доченька... – растроганно сказал отец, а мама, улыбнувшись, легко чмокнула дочку в пушистую светлую макушку.

– Geh bitte, meine liebe! (Ступай, моя дорогая!) Можешь идти претворять свое решение в жизнь прямо сейчас: Елизавета Глебовна уже ждет тебя. Надеюсь, ты хорошо выучила отрывок из сказки братьев Гримм?

До самого полудня в доме стояла тишина, лишь изредка прерываемая осторожным звяканьем посуды на кухне, где священнодействовала Маруся.

Затем, отобедав душистым супом из рябчиков, которых доставляли отцу благодарные за лечение люди, и жареной камбалой с пышным, на сливках, картофельным пюре, вся семья отправилась на воскресную прогулку. На углу Чайковского и Литейного у Сергиевского собора взяли карету с веселым бородатым извозчиком и хорошо покатались по улицам зимнего Петербурга.

А потом спустились к Таврическому саду, в котором Наташа любила гулять в любое время года, и там встретились с большим другом отца и девочек, знаменитым поэтом Самуилом Яковлевичем Маршакон. Сутуловатый, в теплом пальто и каракулевой шапке, с неизменной тростью в руках, он тут же начал кидаться снежками в девчонок, играть с ними в догонялки, и те, вместе с его сынишкой Эликом, жарко раскрасневшиеся, все в снегу, бегали, визжали и хохотали до полного изнеможения. А когда Маруся привела в сад еще двух “членов семьи” – доbermanов Эльди и Кундри, которых девочки звали по-своему – Элька и Кузька, то веселье стало и вовсе буйным: смех, лай, возня в снегу!

И мама с папой то чинно гуляли по дорожкам заснеженного сада, а то принимались бегать за детворой и собаками, кидаться снежками и смеяться, смеяться...

Ах, как же все это было славно, хорошо!

Вдоволь набегавшись и наигравшись, семья возвращалась домой, где ее с ворчаньем встречала Маруся, спешно разувала и раздевала девчонок, переодевала в теплое и сухое и заставляла пить горячее молоко с медом – “чтобы не захворали со снегом!”

В ожидании ужина мама садилась к роялю и играла что-нибудь, соответствующее настроению: то бравурно-энергичное, то тихо-печальное, а то легкое и игривое. Папа усаживался в кресло с воскресной газетой в руках, а девочки с Елизаветой Глебовной шли разучивать новую французскую песенку.

После вечерней молочной рисовой каши со свежим коровьим маслом и горячего сладкого киселя наступало время любимой девчонками игры “в полярников”. Из простыней делались палатки, доставался “реквизит”: старые шубы,

валенки, котелки, фонарики, ложки. Папа был то “начальником экспедиции”, то радистом, а то – белым медведем. А мама – или поварихой, или медсестрой. Ну, а девчонкам, конечно же, отводилась роль отважных полярниц. Иногда в игру вовлекалась и Елизавета Глебовна, у которой хорошо получалось “пикать” азбукой Морзе. Бывало, что и Маруся поддавалась общему настроению: неловко, стыдясь и краснея, она служила “радиом”, которое извещало о приближении “снежной бури”. А то изображала и саму бурю, для чего ей велелось укутываться в белую простыню, размахивать руками и завывать дурным голосом, от чего доберманы отчаянно лаяли и наскакивали на нее...

Ах, как любила маленькая Наташа свой дом, свою семью, и Марусю, и Елизавету Глебовну, и неизменных товарищей всех их игр, умных и веселых собак – Эльку с Кузькой!

Любила посещение с мамой Мариинского и Александринского театров – с выездами в каретах, с настоящими театральными биноклями, программками и с последующими интересными обсуждениями просмотренных спектаклей.

Любила ежегодные отъезды на все лето на Украину, где родители снимали для всей семьи дом в городке, воспетом еще Николаем Васильевичем Гоголем. Добродушный хозяин со смешной фамилией Петух специально переделал этот дом для своих неизменных постояльцев из Петербурга так, что у каждого из них там была отдельная комната: у папы с мамой, у девочек, у Елизаветы Глебовны и даже у Маруси.

Это было дивное место: с живописным пейзажем; с чистой, в желтых кувшинках, речушкой; с прекрасным фруктовым садом; с ночным небом невероятной красоты, густо и ярко усыпанным огромными южными звездами, и с воздухом, напоенном головокружительными запахами теплой земли, сочной травы и диковинных цветов.

Любила Наташа музицирование и пение своей мамы, и вечернее чтение стихов Пушкина, Дельвига, Фета, Тютчева, которое особенно хорошо получалось у папы.

Она на всю жизнь полюбила свое детство и все, что с ним связано. Именно оно явилось той основой, на которой стала формироваться ее личность.

Поиск пути

Пришло время, и пора было определяться с местом дальнейшей учебы.

Сестра Татьяна собиралась поступать в Ленинградский государственный университет на геологический факультет: ее манили походы, костры в ночи, жизнь в палатках и недра земли.

Подруга Ануся мечтала о Московском государственном университете, знаменитом МГУ, где хотела учиться на физическом факультете, из-за чего Наташа даже сердилась на нее: ну, разве нельзя поступить в их Ленинградский, разве он хуже, зачем уезжать куда-то в Москву? Но тихая Ануся в этом вопросе оказалась непреклонной.

Все – кто куда. А она, Наташа? Какой путь выбрать ей? Родители не помогали в ее поисках: решай сама, это твоя жизнь.

...Однажды Наташа села в трамвай и поехала на окраину города. Там она долго брела, в поисках какого-нибудь уютное местечка, где ей хорошо бы думалось. Такое, чтобы вокруг было много ромашек и васильков, и чтобы трава под ногами была теплой и душистой, и чтобы полянку окружали тонконогие, белокожие и кудрявые березки...

Найдя такую полянку, она постелила на траву большой шелковый платок, который специально захватила с собой из дома, сбросила с ног туфли и легла навзничь, зажмурив глаза и подставив лицо теплому солнцу. Сквозь полусомкнутые ресницы, она сосредоточенно разглядывала облака, неспешно плывущие в синеве летнего неба, и думала: господи, кто же мог создать эти дивные, причудливые, воздушные формы?

Губы сами начинали шептать поэтические строчки блоковских стихов, которыми она всегда была переполнена. И Наташе казалось, что Блок пишет это только про нее и только для нее.

...Так что же все-таки выбрать для жизни – поэзию, прозу?

Увы, таким поэтом, как незабвенный Блок, или Пушкин, или Лермонтов ей никогда не стать – разве кто-нибудь может быть лучше их? А вступить в ряды огромной армии посредственных стихотворцев – ох, нет, только не это!

Скорее всего, нужно получить возможность по самые уши или даже с головой погрузиться во все это громадное, неизмеримое и бездонное по имени ЛИТЕРАТУРА. Русская, советская, иностранная, многонациональная, древнеантичная, разнообразная по жанрам и способам выражения, она имеет столько граней, столько направлений, столько глубоких корней! Жизни не хватит, чтобы изучить все это великолепии: умное и тонкое, грозное и разящее, проничное и трагичное, светлое и духовное...

Литература. Филология. Да, вот чему она должна посвятить свою жизнь!

Итак, решено: она будет поступать в Ленинградский государственный университет на филологический факультет.

Наташа еще долго лежала в траве, обдуваемая теплым ветерком и слегка опьяненная сладкими и нежными ароматами цветов и зелени. Она ушivalась любимой своей природой и думала о том, какая же она все-таки романтичная барышня, будто вся сотканная из грез, красоты, поэзии, любви и воздушной легкости... Ей уже семнадцать лет, такая славная пора юности! Самое бы время влюбиться в кого-то – сильного, мудрого, красивого, исполненного чести, достоинства, благородства и мужества. Ну... как папа.

Да где же его взять, такого? За ней вечно увиваются какие-то юнцы – глухие, самонадеянные и развязные, которых она про себя называет “розовыми пошлячками”. Разве такие способны вызвать к себе настоящую любовь? Отпрыски богатых и знатных родителей, сами из себя они ровным счетом ничего не представляют.

Нет уж, с любовью придется подождать – до тех пор, пока не явится Он... Тот единственный, которого она узнает в любой толпе.

А пока надо думать об учебе. Школа закончена, аттестат получен, выпускной бал позади. Сейчас уже июнь заканчивается. Пора готовиться к экзаменам в университет.

И Наташа, легко вскочив на ноги, стала быстро собирать сумку. Все, все. Надо бежать. Надо действовать. Надо обязательно объявить дома о своем окончательном решении.

Вхождение в мир филологии

Уже на втором курсе Наташа увлеклась переводами с немецкого. А началось все с немецкого поэта, современника Гейне, Гете и Шиллера – Генриха Гельдерлина. Когда она услышала о нем на одной из лекций, то сразу заинтересовалась непростой и трагической судьбой этого удивительного поэта. Отыскала в библиотеке Академии наук все, что там имелось о нем, и прочла залпом. Потом выписала через эту же библиотеку томик его стихов из Германии (в Советском Союзе они практически не издавались) и прочно засела за их перевод. Несколько вечеров подряд для нее ничего больше не существовало. Сразу после лекций в университете она прибегала домой и усаживалась за стол в своей комнате. Мама тихонько стучала в дверь, но Наташа кричала:

– Умоляю, не мешайте мне! Меня нет и не будет до ужина и после него!

Позже дверь осторожно открывалась, тихо шлепали босые ноги Маруси, в воздухе возникла ее рука с подносом, на котором дымился горячий чай с лимоном, а на тарелке горкой возвышались пышные оладьи, и слышался укоряющий шепот: “Ну-ка, поешь, бедовая, не то совсем стоцаеть от науки своей, ужин-то еще нескоро”. Не отрывая глаз от книги, а ручки от тетради, Наташа салфеткой (чтобы не измазать маслом пальцы, а ими – книгу!) брала оладышек и торопливо жевала его, продолжая жадно впиваться глазами в немецкие строчки стихов, за которыми вставало перед ней горячее, любящее и страдающее сердце молодого поэта.

Вскоре Наташа уже знала о нем все – как о близком и родном человеке. И вся ее пылкая душа глубоко возмущалась тем, что такие маститые поэты, как Гете, Гейне и Шиллер не чувствовали его гениальности и с обидной пренебрежительностью относились к его творчеству. Зато ее радовало то, что поэта почитала и любила почти вся немецкая молодежь.

Наверное, с тех самых пор в Наташе Моревой появилась одна черта, которая долгие годы была доминирующей в ее характере: она немедленно вступала в полемику, а зачастую и в гневную, почти непримиримую оппозицию с каждым, кто принижал чью-то значимость или неверно интерпретировал чье-то глубокое творчество, судя о нем поверхностно или пренебрежительно.

Но все это будет потом, много позже, а пока Наташа Морева усердно училась, часами просиживала в библиотеке над книгами, а дома – над переводами.

И при всем этом еще умудрялась оставаться забавной, веселой и общительной. По-прежнему очень придирчиво относилась к своему внешнему виду: золотистые кудряшки, какие-то нежно-воздушные платья, неизменные высокие каблочки, дорогие духи и обязательный маникюр. И образ жизни образованной барышни из хорошей семьи: книги, стихи, серьезное отношение к учебе, мечты, музыка, прогулки по парку...

И в этом ее мире по-прежнему не было места для лохматых, небрежно одетых, громкоголосых и манерных молодых людей, которых она упрямо относала к категории “розовых пошлячков” и всячески избегала их общества.

Ей всегда нравились мужчины постарше – как правило, ее преподаватели еще с той, школьной поры. Нравились их ум, образованность, интеллигентность, вкус в одежде.

Первой полудетской ее любовью был учитель литературы Григорий Генрихович Розенблат. Наташе безумно нравилась даже его фамилия, означавшая “лист розы”. И сам он был весь такой аккуратный, славный, с совершенно неотразимой улыбкой. А как он рассказывал о литературе, о писателях и поэтах, об их творчестве и жизненном пути! Наташа слушала его, затаив дыхание, и живое ее воображение делало ее то есенинской “девушкой в белом”; то некрасовской крестьянкой, замерзающей в зимнем лесу; то тургеневской Джеммой; то пупкинкой Татьяной...

Наташа обожала свой Петербург, хоть он и назывался теперь Ленинградом, обожала университет и своих педагогов. Вся ее студенческая юность прошла под этим знаком обожания и любви, и это тоже было отличительной чертой ее пылкой души, способной на сильные привязанности.

Каждое утро в любое время года (кроме летних каникул, конечно), она шла на занятия в университет пешком: просто не могла отказать себе в удовольствии любоваться утренним Ленинградом. Путь от улицы Шпалерной, где она жила, до Университетской набережной был неблизким, но зато он давал ей возможность ежедневно любоваться старинными зданиями прекрасной архитектуры, дворцами, мостами, скульптурными группами. Она шла быстро, легко, предвкушая про себя: вот сейчас здесь начнется чутунная ажурная ограда Летнего сада, дальше надо будет идти мимо Марсова поля, потом вдоль Мраморного дворца, Дома ученых, а здесь будет поворот к Зимнему дворцу, от него – к Эрмитажу, и вот он – Дворцовый мост, ведущий к Университетской набережной, где выстроились в ряд бело-зеленые здания Двенадцати Коллегий...

Он всегда был чудесен и прекрасен, ее Ленинград: хрустальный от морозного инея зимой; пылающий от разноцветья и тихого умиротворения ранней золотой осенью; прозрачно-голубой и звонкий весной и зелено-пышный тепло-дождливый летом.

Но вот учеба в университете закончилась и для Наташи. Позади экзамены,

сумасшедшее волнение, торжественный выпуск, восхитительный бал... И в руках новенький, тисненый золотом, диплом – с отличием!

Наталья Морева стала дипломированным филологом.

В последний раз со счастливо-светлой печалинкой она обошла корпуса и всю большую университетскую территорию, дворы, арки и галереи своей любимой “альма-матер”, которую сотворил для нее сам великий царь Петр I.

Вот и любовь

Незадолго до окончания учебы Наталья случайно встретилась на университетском балу с молодым аспирантом Борисом Вулихом. Ей представили его как “будущее математическое светило”, и тот, не смущаясь и не отрицая этого, молча поклонился ей и отошел в сторону. Девушка, привыкшая к всеобщему восхищению и преклонению, удивилась этому, и весь вечер тайком наблюдала за ним: как он себя держит, как скуповато улыбается, как слушает других, как временами будто уходит в себя...

Все, абсолютно все в этом человеке нравилось ей.

Больше их пути не пересекались, но Наташа стала думать о случайном знакомом чаще, чем ей того хотелось бы.

Она поехала в Таврический сад, когда там буйно расцветала ее любимая розово-белая сирень. Зарывшись с головой в густые сиреневые ветви, Наташа жадно вдыхала их дурманящий аромат и вспоминала историю о том, как ее кумир Александр Блок встречался в этом саду со своей возлюбленной, певицей оперного камерного театра, в которую влюбился, когда она исполняла арию Кармен из оперы Бизе, и посвятил ей целый цикл своих стихов.

*О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе!..*

Поэт с певицей искали здесь, среди душистых сиреневых соцветий, пятилепестковые цветки, которые, по примете, приносят счастье влюбленным. Наташа не помнила, нашли ли они такие цветки или нет, но знала, что счастье их было недолгим: вскоре они расстались навсегда.

Вот и сейчас Наташа, пьянея от густого и сладкого духа сирени, долго бродила в кустах, терпеливо разыскивая “счастливый” пятилепестковый цветочек. Ей так хотелось отыскать его, и тогда, возможно, строгий и серьезный, с мальчишеской улыбкой на лице, молодой аспирант Борис Вулих вспомнит о ней и подойдет. Но поиски эти так и не увенчались успехом.

Вскоре она сама стала аспиранткой, но их пути, как ни странно, больше не пересекались.

А потом Наталья получила письмо от своей верной подруги Ануси, в котором та рассказывала, что недавно вышла замуж:

“Представляешь, Наточка, тот самый серьезный аспирант Жора Флеров, о ко-

тором я тебе писала, сделал мне предложение! Сначала я побаивалась его немножко, он ведь такой умный, что в его присутствии я чувствовала себя несмышленной девчонкой. Но он очень милый и хороший, и я безумно счастлива, что стала его женой. Свадьба у нас была очень скромной, просто посидели в столовой с его друзьями, такими же учеными, правда, веселыми и открытыми, выпили две бутылки шампанского и съели целую гору бутербродов! Очень, очень жаль, что ты не смогла приехать, ты как раз поступала в аспирантуру, но мне тебя так не хватало!”

“Надо же, вот уж и Ануся замужем, – думала Наталия. – А я все одна да одна. Ну, и ладно, это даже очень хорошо: никто и ничто не отвлекает меня от главного – от науки”.

А потом на ее семью обрушилось такое черное горе, которое затмило собой весь белый свет: от рака желудка в неполных сорок семь лет умер Василий Иванович Морев, отец, муж и самый близкий друг. На его похоронах на Охтинском кладбище был, наверное, весь Ленинград...

Когда Наталия с мамой немного пришли в себя, то оказалось, что нужно все-речь задуматься о будущем, ведь не стало главного человека, который содержал всю семью, причем на достаточно высоком уровне.

Наталия стала подрабатывать преподаванием в своем университете, а Лидия Ивановна – учить студентов немецкому языку в педагогическом институте имени Герцена. Пока в семье не появились какие-то деньги, приходилось продавать кое-что из бесценных вещей, которые всю жизнь собирал отец. Потом как-то все вошло в свою колею, и жизнь продолжалась.

Наступила весна 41-го года. Наталия работала ассистенткой на кафедре, преподавала в университете и одновременно училась в аспирантуре. Очень уставала, поэтому ей выделили путевку в университетский санаторий – отдохнуть и подлечиться.

И вот там-то неожиданно и произошла вторая встреча с Борисом Вулихом, который тоже приехал в этот санаторий на отдых. Когда Наташа увидела его на тропинке в парке, она так затрепетала, таким пламенем занялось ее лицо, что он бросился к ней, схватил ее руки и сильно жгал. Никаких слов было не нужно.

Между ними моментально вспыхнул бурный роман, который по возвращении в Ленинград завершился простой, но теплой и счастливой свадьбой.

– Скажи, почему ты в первую нашу встречу совершенно не обращал на меня внимания? – приставала молодая жена к своему мужу. – Я, что, действительно совсем не понравилась тебе?

– Ну, разве ты можешь кому-нибудь не понравиться? – усмехался тот. – Просто ты была вся такая... даже не знаю, как сказать. Короче, не для меня, сухого математика, лишнего всяческих иллюзий. Но я часто о тебе думал как о прекрасном видении, как о сказочной фее, каких в реальной жизни не бывает. А когда увидел тебя в санатории, уже совсем земную, бледненькую, уставшую... ну, думаю, все – это судьба.

– И я так подумала! Точно такими же словами: это судьба...

Через войну как по тонкому льду

Борис Вулих был призван вместе с Военно-морским училищем в Кронштадт. Ленинградский государственный университет эвакуировали в Кировскую область. Домработницу Марусю отправили в деревню – подальше от войны.

А Наталия Вулих наотрез отказалась покидать свой любимый город. Она была полна решимости преодолеть все тяготы войны, которая не должна быть долгой, вместе со всеми ленинградцами. В свою очередь, и мама, Лидия Ивановна, отказалась оставлять дочку одну. Она помогла Наталии устроиться на работу лаборанткой в Институт переливания крови. Там сотрудникам выдавали продуктовый паек, за счет которого они и выживали.

Каждый день с раннего утра Наталия добиралась на работу пешком через весь город, так как никакой транспорт уже не ходил. И с болью видела, как на глазах изменялся, цепенел и будто старел ее родной город.

Блокада Ленинграда началась с того, что первая же немецкая бомба попала в дом, где жили Наталия с мамой, изрядно повредив его. Многие чудесные антикварные вещи, которые с такой любовью собирал отец, были разбиты или уничтожены. Жильцы дома оказались живы только потому, что успели вовремя спуститься в бомбоубежище.

Наталии с матерью выделили уцелевшую квартиру на первом этаже, где они и стали жить.

Совсем рядом, в соседнем доме, жили друзья Наталии и Бориса. Однажды поздним вечером оповещение о налете немецких бомбардировщиков запоздало, и люди не успели покинуть свои квартиры. И все, все, кого Наташа хорошо знала и с кем дружила, погибли. Все до единого... Это было так страшно и горько, что она еще долго оплакивала их, но не сообщила об этом мужу в Кронштадт, чтобы не расстраивать его еще больше, ведь он уже и без того весь извелся от тревоги за нее, живущую в блокадном кольце.

Его родители и дед Наташи были эвакуированы в Казахстан, по дороге туда дед умер. А сестру Таню с ребенком взял с собой в эвакуацию двоюродный брат отца, Владимир Филимонович, доктор Военно-медицинской академии, которая на время войны была отправлена в Узбекистан. Словом, все были более или менее надежно укрыты от войны, кроме Наташи и ее мамы.

А потом пришла первая блокадная зима, и с ней – голод и холод. Тогда Наталия, молодая, нежная и романтичная, впервые увидела смерть, которая демонстрировала себя на каждом углу. Господи, люди умирали сотнями – кто от голода, кто от холода, кто во время бомбежек!

В городе были съедены все продовольственные запасы, не было электричества, тепла, воды. Женщины и мужчины, старики и дети падали и умирали прямо на улице, падали и умирали в очередях за хлебом, падали и умирали у проруби

на Неве, куда ходили за водой...

Наталию спасла мама. Ее умение делать своими руками практически все тысячу раз выручало их от неминуемой гибели: она шила, вышивала, вязала и свои красивые изделия меняла на хлеб, постное масло, крупу и сахар. Пока дочь была на работе, Лидия Ивановна без усталости бродила по разрушенным районам города, отыскивая все, что только можно было использовать для топки железной печки-буржуйки.

А потом она сильно простудилась и слегла. Аптеки уже давно не работали, никаких лекарств не было, и лечить маму было нечем. И тогда, обезумевшая от страха за мать, Наталия решила идти в госпиталь Военно-медицинской академии, где когда-то работал ее отец. Но госпиталь располагался на другом берегу Невы, и добраться до него можно было только по льду. Господи, как же это страшно!

Что ж, теперь пришел черед дочери спасти свою маму.

Никогда она не забудет этого пути по льду через всю Неву. Она, сама голодная и ослабевшая, одетая во все теплое, что только нашлось в доме, шла по скользкой тропке, падала, больно ушибаясь, вставала и снова шла. И всю дорогу плакала – от страха, что непрочный лед вот-вот провалится под ней, и она упадет в ледяную воду, которая затянет ее туда, на дно...

Но еще страшнее были трупы, много трупов тех людей, которые умерли, не дойдя туда, куда им было нужно, и тех, которых родственники или соседи просто вывозили сюда на санках и оставляли на льду, потому что негде было хоронить умерших...

Наташа добралась-таки до госпиталя, и врачи, хорошо знавшие Василия Ивановича Морева, выделили для его вдовы все, что нашлось: какие-то антибиотики, жаропонижающее, таблетки от кашля. Прижимая к груди драгоценный пакет, Наталия тем же страшным и опасным путем вернулась домой и стала выхаживать маму: поила лекарствами, давала пить много горячей воды и укутывала с головы до ног дорогими шубами, которые сейчас утратили любую ценность, кроме способности согреть в промерзшей комнате.

Ее заботы увенчались успехом, и вскоре Лидия Ивановна стала понемногу выздоравливать.

Наверное, отец уже оттуда, с небес, еще раз спас свою семью от гибели. Из госпиталя городским властям поступило сообщение о бедственном положении семьи профессора Военно-медицинской академии, знаменитого врача Морева, и власти приняли решение вывезти его жену и дочь из блокадного Ленинграда на “большую землю”.

Как же прекрасен мир!

И вот, наконец-то, победа! Жизнь вошла в свою колею. Семья Вулих вернулась в родной Ленинград. И теперь Наталия Васильевна получила время и возможность вплотную подойти к изучению глубоких и древних пластов античной литературы, в которой более всего ее заинтересовала личность римского поэта

Публия Овидия Назона.

Она зачитывалась трудами А.Ф. Лосева – величайшего знатока Древнего Рима, который открыл для нее римского поэта и мыслителя, чьему перу принадлежат гениальные поэмы “Метаморфозы”, “Тристии” и множество других.

Наталья Васильевна “проходила” Овидия и в университете, но особого внимания на его творчестве поначалу не заостряла. Знала, что официальная филологическая наука XIX века относила его к разряду легкомысленных и беспечных “певцов любви” и не более того, которые не идут ни в какое сравнение с такими великими художниками античной классики, как Вергилий и Гораций.

Однако замечательные ее педагоги в университете и в аспирантуре заставили сначала юную студентку, а потом и молодую аспирантку по-новому взглянуть на существующую точку зрения и захотеть “докопаться” до истины.

Возможность “покопаться” появилась у Натальи Васильевны, когда она вернулась в университет после рождения дочери. Засела за книги, какие только нашлись в университетской библиотеке, да еще заказала по каталогу через библиотеку Академии наук все, что было издано за рубежом о литературе и искусстве Древнего Рима, в том числе о творчестве Горация, Вергилия и Овидия. И вся ушла в этот удивительный мир античной древности, откуда берет начало все то, чем живут сегодняшние поколения.

Она испытала настоящее потрясение, когда прочла в оригинале Овидиевские “Метаморфозы”, на что у нее ушло несколько месяцев. Потом перечитала заново, еще глубже погружаясь в их суть и смысл. С каждым прочтением она будто все более взрослела и обретала все более глубинное понимание.

“Метаморфозы” открывали перед молодой женщиной путь восхождения человека от бессилия и беспомощности перед богами к великому торжеству над ними – в силе любви, духовности и искусства. Великая поэма “Метаморфозы” прославляла человека, который, неоднократно подвергаясь метаморфозам, т.е. превращениям его человеческого облика во множество форм животных, растений и даже созвездий, упрямо шел через жизнь к вечности и бессмертию.

Наталья Васильевна понимала, что, поругиваемый небрежными и поверхностными исследователями, Овидий на самом деле был очень тонким, глубоким и высокоталантливым поэтом-мыслителем. Он мощно раскрыл себя в “Метаморфозах” и “Тристиях”, показав свою высочайшую гуманность и трогательнейшее обаяние. Одним из первых заметил и оценил в нем это наш великий русский поэт А.С. Пушкин в своем стихотворении “Овидию”.

Наталья Васильевна до такой степени “заболела” Овидием и “золотым веком” императора Августа, что была просто вне себя от счастья, когда в 1966 году у нее с мужем появилась реальная возможность отправиться в путешествие по Средиземному морю – как раз по родным местам Овидия.

В университете возникали, конечно, какие-то трения по поводу того, почему такая драгоценная путевка выделена именно Вулих. Но этот ропот не имел под

собой никакого основания: кому же еще должна достаться такая поездка, если не той, которая еще с институтской скамьи занималась вопросами античной культуры, искусства и литературы, а теперь, будучи кандидатом филологических наук, она делает это уже вполне профессионально, проявляя при этом безусловный интерес вкупе с невероятной работоспособностью, терпением и усидчивостью – качествами, достойными настоящего ученого.

На теплоходе собралась большая группа людей, таких же специалистов древнеримской культуры, собранных со всей страны. Даже стоя у борта теплохода и вдыхая свежий, соленый морской воздух, Наталия Васильевна все еще не могла поверить в это чудо: она своими глазами увидит мир, населенный прекрасными странами, о которых она знала лишь по книгам: Италия, Испания, Греция, Ливан, Румыния...

Спустя годы Наталия Васильевна Вулих, уже будучи ученым, доцентом не раз посетит разные страны мира, но той своей первой, доверху переполненной яркими впечатлениями и новыми знаниями поездки она не забудет никогда.

Они шли морским путем через Босфор и Дарданеллы по всему побережью Средиземного моря, посещая практически все его города и селения.

Ливан – чудная природа, живописнейшие места с остатками античной цивилизации, бережно сохраняемые государством. Наталия Васильевна с Борисом Захаровичем приходили в восхищение от кедровых лесов – такие великолепные, старые и могучие кедры растут, наверное, только в этой прекрасной стране.

Испанская Майорка – знойная, огненная, вся усыпанная дикорастущими пурпурно-красными цветами – такой нетронутой первобытной красоты советские туристы еще не видели никогда в жизни. Они попали как раз к каким-то большим и серьезным раскопкам в плоской долине, и вся группа с азартным интересом несколько часов подряд наблюдала за этим процессом.

Посетили они и старый монастырь, в котором когда-то жили польский композитор Шопен с французской писательницей Жорж Санд. Это было место потрясающей красоты: огромный монастырский сад, сплошь заросший розовыми, белыми и красными розами. Но сам монастырь, сырой и холодный, погубил великого композитора, у которого были слабые, больные легкие.

Шопена уже давно нет в живых, а в старом монастыре все еще стоит его яль...

Разумеется, больше всего на свете Наталия Васильевна хотела побывать в Италии, на родине Овидия, в городе Сульмоне.

И она там побывала. Вместе с мужем они прошли практически весь путь поэта – от Сульмоны и Рима до Греции и Румынии, – который он проделал, когда император Август отправил его в изгнание в румынский город Констанцу.

Проходя дорогами Овидия, Наталия Васильевна смотрела во все глаза, насыщалась, впитывала в себя, стараясь понять и прочувствовать хотя бы малую толику того, что видел, понимал и чувствовал этот великий поэт.

В Констанце, где он умер, стоит памятный знак с надписью:

“Я здесь лежу – тот поэт, кто нежные страсти прославил. Дар мой меня погубил, имя поэта – Назон. Ты же, мимо идущий, ведь сам любил ты, промолви: “О, да будет легка праху Назона земля!”

Из этого незабываемого путешествия по Средиземноморью Наталия Васильевна извлекла серьезный вывод: чтобы точно и правдиво исследовать историю государств и народов, их культуру, язык, литературу и искусство, необходимо непременно побывать там, пропитаться атмосферой и духом той эпохи, вобрать в себя красоту и уродство, изобилие и скудность, усердие в трудах и праздность – все то, чем жили и дышали, любили и ненавидели люди тех эпох. И тогда откроется вся великая суть и глубина смысла творчества таких незаслуженно непризнанных художников, каким был Публий Овидий Назон.

Вернувшись домой, Наталия Васильевна уже точно знала: она будет писать докторскую диссертацию о литературе, культуре и искусстве римских поэтов, философов и мыслителей. Во время своего путешествия она исписала несколько толстых блокнотов, а Борис Захарович сделал огромное количество фотоснимков.

А пока она изучала горы архивных материалов по Древнему Риму, читала в университете общие и специальные курсы и преподавала латинский язык.

Скорбь

Все изменилось в жизни Наталии Васильевны и пошло по-другому после внезапной и неожиданной смерти мужа и друга, Бориса Захаровича Вулиха. Совместные счастливые и будничные годы пролетели на одном дыхании, и казалось, так будет всегда, вечно.

Незаметно и дочь Елена выросла, выучилась, вышла замуж и уже родила двух внуков. Наталия Васильевна любила их и радовалась им, но, увы, она не унаследовала от своей мамы, Лидии Ивановны, ее таланта к рукоделию и домоводству, поэтому внукам Илюше и Стасику никогда не доводилось щеголять в связанных бабушкой носках, шарфиках и свитерах и лакомиться испеченными ею тортиками и пирожками.

Нет, такого не было.

Наталии Васильевне всегда было достаточно знать, что в семье у дочери все в порядке, что внуки живы-здоровы и ни в чем не нуждаются. А все остальное в ее жизни было посвящено мужу и науке. Они много работали, преподавали на кафедрах, писали научные труды. Летний отдых проводили в Прибалтике, в санаториях. Выходные посвящали единственному своему увлечению – ходили слушать симфонические концерты в Ленинградскую филармонию.

Такова была их жизнь, их судьба, и никакой другой им было не надо.

И вот Бориса нет. И для нее на какое-то время тоже все перестало существовать. Она просто не представляла себе, как жить дальше.

...Любое горе, сколь бы глубоким оно ни было, благословенно уже тем, что никогда не длится вечно. Бывает, что слабых оно ломает или убивает, но силь-

ных и переживших его делает еще сильнее.

Наталья Васильевна, несмотря на всю свою внешнюю хрупкость и трепетную романтичность, оказалась сильной. Горькую потерю единственного близкого ей человека она смогла пережить.

А вот продолжать работать дальше в своем родном университете – не смогла.

Она пошла к ректору и сказала:

– Пожалуйста, направьте меня на работу куда угодно. Но только туда, где я действительно была бы нужна.

Вскоре Наталья Васильевна скупно и уже как-то отстраненно попрощалась с семьей и любимым городом, села в поезд и уехала на Север, в столицу Коми АССР – Сыктывкар. Она знала, что будет возвращаться в Ленинград еще не раз, и по делам, и в отпуск, поэтому острой тоской от разлуки с городом, с университетом и родными не терзалась. И, тем не менее, в ней что-то навсегда оборвалось...

В северной столице Наталья Васильевна работала в Сыктывкарском государственном университете на кафедре русской литературы с 1979 года. Там она вела общие курсы “История античной литературы”, “История литературы средних веков и эпохи Возрождения”, “Теория литературы”. Кроме того, еще факультативные курсы по античной мифологии.

А потом, спустя два года, произошла случайная встреча с ректором Ухтинского индустриального института Геннадием Васильевичем Рассохиным, который заехал как-то по делам в Сыктывкарский университет. В беседе с ним выяснилось, что он хорошо знаком с научными работами Бориса Захаровича Вулиха и высоко ценит их. Наталье Васильевне было очень приятно, что здесь, на далеком Севере, есть люди, которые знают и уважают ее мужа.

Они сидели в пустой аудитории и долго разговаривали. Рассохин оказался человеком, обладающим редким даром расположить к себе собеседника буквально с первых же минут. К таким людям почему-то сразу испытываешь доверие и уважение.

Возможно, и он увидел в этой уже не очень молодой, но все еще красивой женщине с усталыми, холодноватыми глазами что-то такое, что при прощании вдруг сказал:

– А знаете, Наталья Васильевна, я бы хотел забрать Вас к себе, в Ухту, в наш институт. Если бы Вы знали, какой это город, какой вуз! Вот увидите, Вам у нас обязательно понравится. Есть только одно “но”: как бы там ни было, а на все должны быть свои законные основания. Вы, безусловно, ученый, доктор наук, имеющий огромный опыт преподавательской и научной работы. И, тем не менее, Вам придется пройти отборочный конкурс на должность в нашем институте – как всем. Таковы правила, и мы с Вами не будем их нарушать.

Самое удивительное во всем этом было то, что Наталья Васильевна сразу же и безоговорочно согласилась! Более того, почти год она с нетерпением ждала

оговоренного срока и торопила время. То ли личность этого необыкновенного человека сыграла здесь свою роль, то ли ее собственное внутреннее предчувствие, что именно там, в Ухте, ее ждут “великие дела”.

Предчувствия ее не обманули.

Второе дыхание

С самого первого дня ее работы в Ухтинском индустриальном институте в 1982 году на кафедре иностранных языков ректор взял над Наталией Васильевной очень трогательную опеку, что не могло не вызвать в ней чувства глубокой признательности к нему. Естественно, что она очень старалась оправдать его доверие и заботу о себе: выкладывалась в работе “на всю катушку”, впрочем, как всегда: работать по-другому она просто не умела. К каждому занятию со студентами готовилась очень тщательно и старалась дать им все, что необходимо для их образования, развития интеллекта и общей культуры.

Отношения с коллегами поначалу складывались не очень просто: не каждый мог понять и принять ее методы преподавания и цели, которые она при этом преследовала. На первых порах, пожалуй, только ректор Рассохин, который часто приходил на ее лекции и слушал их очень внимательно, относился одобрительно к тому, как она работает со студентами и разделял ее точку зрения. Да еще преподаватель немецкого языка Тамара Ивановна Марченко, женщина образованная, отличный специалист и культурный, чуткий человек, понимала, что и как делает в своей работе Наталия Васильевна.

Некоторые сначала отнеслись к ней настороженно, с недоверием и предрешением: им было трудно понять, почему новый преподаватель делает то, почему не делает это и зачем тратит “драгоценное” учебное время на то, что, по их мнению, можно было бы преподносить на факультативных занятиях.

Со временем, правда, многие из них стали иначе смотреть на особый метод преподавания Наталии Васильевны, и с ними у нее сложились добрые, человеческие отношения, в которых она, конечно, нуждалась, но из гордости никогда и никому не призналась бы в этом.

Так проходили годы.

– Все мы буквально впали в оцепенение, когда внезапно ушел из жизни наш ректор, Геннадий Васильевич Рассохин, – вспоминает заведующая кафедрой иностранных языков в прошлом Тамара Ивановна Марченко. – Это трагическое событие привело в смятение многих сотрудников нашего института, у некоторых оно даже породило опасение за дальнейшую судьбу УИИ.

По-настоящему скорбела от столь горькой потери и Наталия Васильевна. Она глубоко уважала Геннадия Васильевича и поначалу не могла думать о чем-то своем, личном, и не задумывалась о дальнейшей перспективе своей научной и преподавательской деятельности.

По истечении времени она все чаще и чаще стала делиться со мной печальными предчувствиями о своей творческой судьбе в стенах нашего института. В ее голосе все четче ощущалась тоска по дорожному ее сердцу Петербургу, по Пушкинскому Дому, по дочери и внукам. Тогда мы довольно много времени проводили вместе, и я все время старалась поддержать в ней уверенность в том, что все сложится хорошо и правильно, и что институту всегда были и будут нужны ее потрясающие знания филологии.

И вся дальнейшая жизнь показала, что так это и есть. Во главе института встал ректор Николай Денисович Цхадая – не просто талантливый организатор и управленец, а совершенно незаурядный во всех отношениях человек. Лично я смогла убедиться в созидательной и животворящей силе его энергетики еще несколькими годами раньше, когда принимала участие в работе групп интенсивного изучения иностранных языков, инициатором появления и организатором деятельности которых являлся именно Николай Денисович.

С его приходом в качестве ректора институт стал быстро развиваться и обновляться. Все ярче проявлялся профессиональный потенциал многих сотрудников со стажем, постоянно подкрепляемый энергией их молодых коллег. А жизненную силу личности Николая Денисовича ощутили и по сей день ощущают наши ветераны, которые до сих пор принимают активное участие в становлении и развитии своего вуза по всем направлениям.

Все крепче вставали на ноги фундаментальные факультеты и кафедры УИИ, возникали и набирали силу новые. В техническом вузе открылся и сразу же стал популярным факультет гуманитарного образования. И, как венец созидательного труда всего коллектива, из института родился государственный технический университет.

Именно в это время талант и опыт профессора Наталии Васильевны Вулих нашли наиболее яркое свое воплощение и горячую поддержку со стороны ректора. В эти годы ею были написаны и при содействии ректора опубликованы одни из самых значительных ее трудов: книги “Овидий” и “Сады Древнего Рима”, а также множество научных статей. Эти труды стали, наконец, доступными для всех, кто любит, понимает и по-настоящему ценит античную и русскую культуру, искусство и литературу.

И сейчас Наталия Васильевна живет не только воспоминаниями “о былом”. Испытывая большую человеческую благодарность Николаю Денисовичу за его понимание и поддержку, она до сих пор старается быть полезной и нужной вузу и студентам. Вновь и вновь она рождает творческие планы, идеи и задумки, будучи уверенной в том, что рядом с нею есть тот, кто даст силы искрам ее вдохновения разгореться ярким пламенем.

Она думает о ректоре как об уникальном, удивительном человеке, которых – один на тысячу. Она сравнивает его с мощным локомотивом для университета, вперёдсмотрящим и вперёдидущим. Она считает совершенно правильным его подход к делу и людям: к ленивым и нерадивым он относится строго и бескомпромиссно, к достойным и усердным – уважительно, к слабым, одиноким и трудным живущим – внимательно и заботливо.

Мир, в котором я живу

Кафедра иностранных языков в Ухтинском индустриальном институте к 80-м годам сложилась очень хорошей, – рассказывает заведующая (в недавнем прошлом) этой кафедрой Тамара Ивановна Марченко. – Я пришла туда преподавателем немецкого и английского языка двадцать лет назад. Через какое-то время стала заведовать ею. И лично убедилась в том, как на редкость удачно сложился педагогический ее состав. Несмотря на то, что коллектив на кафедре был, в основном, женский, тем не менее, там не существовало того, что всегда приписывают “слабой” половине человечества: дрызг, интриг, каких-то подковерных игр.

И вот Наталия Васильевна приходит к нам на кафедру, и мы знакомимся с очень милой, ухоженной, очаровательной женщиной. На ней были надеты черные брюки и роскошное черное вязаное пончо – вещь в нашем городе экзотическая, ультрамодная. Оно красиво оттенялось жемчужными бусами на шее и волосами, окрашенными в благородный, голубовато-сиреневый оттенок... Но, боже мой, ей, оказывается, уже 65 лет! Помимо человеческого восхищения такой “королевой красоты”, которая абсолютно не “тянет” на столь почтенный возраст, мы испытали чувство легкого разочарования. К тому же выясняется, что эта женщина, знающая несколько иностранных языков, вовсе не практик, а теоретик! И, значит, это именно ей предстоит заняться главной задачей: повышением процента “остепененности” наших преподавателей, помощью в подготовке к сдаче кандидатского минимума и защите ученой степени?”

Немецкий язык студентам технического вуза Наталия Васильевна стала преподавать весьма своеобразно: она читала им стихи Гете, Шиллера, Гейне на языке этих поэтов, она раскрывала перед ними всю прелесть немецкой поэзии, немецкой культуры и делала это превосходно.

Некоторые люди отмечают, что у Наталии Васильевны практически не было друзей, что она одинока и даже гуляет всегда одна, и многие замечали, что у нее какое-то отсутствующее, будто “нездешнее” лицо.

Это заблуждение. Наталия Васильевна никогда не была одинокой в общепринятом смысле этого слова. Да, она вдова, дочь и внуки живут в Петербурге. Зато у нее много друзей-коллег и в Ухте, и в России, и за рубежом, много студентов и аспирантов, которые хорошо знают ее и любят.

– Я часто думала о том, почему Наталия Васильевна так разительно отличается от всех людей. – рассказывает Тамара Ивановна Марченко. – И не только своей внешностью, нет, не в этом дело, а в чем-то внутреннем, личностном.

И, как ни странно, ответ нашла однажды, перечитывая своего любимого Гете. Просто наткнулась случайно на его размышления и вдруг подумала: да ведь это о таких людях, как Наталия Васильевна!

“...Да и повсюду что мы видим? И что все это должно значить? А то, что после шести воображаемых дней творения бог отнюдь не ушел от дел, напротив, он неутомим, как в первый день. Сотворить из простейших элементов нашу пошлую планету и из года в год заставлять ее кружиться в солнечных лучах – вряд ли это доставило бы ему радости, не задумай он на сей материальной основе устроить ПИТОМНИК ДЛЯ ВЕЛИКОЛЕПНОГО МИРА ДУХА.

Так этот дух и доныне действует в высоких натурах, дабы возвышать до себя натуры заурядные...”

“Дух доныне действует в высоких натурах, дабы возвышать до себя натуры заурядные...”. Вдумайтесь только в эти слова! Разве они не об этой “странной”, непонятной, непостижимой женщине?

И еще.

“Истинно одаренный человек испытывает внутреннюю потребность в общении с великими предшественниками, и эта потребность свидетельствует о его высоких задатках...”

Вот вам и наиболее точное объяснение того, почему земная женщина Наталия Васильевна Вулих испытывает постоянную потребность в общении со своими “великими предшественниками”...

Потому значительную часть своего времени она предпочитала проводить одна. Во всяком случае, до недавнего времени, когда она могла совершать свои ежедневные прогулки самостоятельно. Но и в то время, когда она гуляла, она не была одинокой. С ней, в ней и вокруг нее всегда жили и, надеюсь, живут до сих пор ее любимые образы: ее великие Учителя, романтические поэты и герои их произведений, гении русской и немецкой художественной литературы, культуры, искусства. Она их видит, чувствует, разговаривает с ними. И только она одна знает, какие удивительные, волшебные картины человеческого бытия они открывают перед ней...

Кто-то скажет: “Чудачество!”. Кто-то заявит, что “нормальный” человек не может жить среди выдуманных образов.

Однако такие люди есть, они существуют – и слава Богу! Многие из “нормальных” зачастую неспособны жить в таком, казалось бы, иллюзорном мире, но те-то, другие – могут!

Поэтому и лицо у Наталии Васильевны во время этих одиноких прогулок становится “нездешним”, отрешенным от реальности – в эти мгновения она живет совсем в другом измерении, куда “простым смертным” хода нет. И не потому, что они недостойны или что-то в этом роде, вовсе нет. Просто они там могут заблудиться, потеряться...

Это только ее мир, куда она, тем не менее, приглашает каждого, кто хочет познать его.

И там она – своя...

Автор Н. В. Вулих

Образ Овидия в творчестве Пушкина

Овидий, как неоднократно указывали исследователи творчества Пушкина, был одним из особенно любимых им античных авторов.

Тема “Пушкин и Овидий” не раз привлекала к себе внимание ученых, и ей посвящена обширная научная литература. К ставшим уже “классическими” работам на эту тему (статьи А. И. Малеина [1] М. М. Покровского [2], Д. П. Якубовича [3]) в настоящее время прибавился ряд новых исследований: З. А. Бориневич-Бабайцевой [4], В. В. Ванслова [5], Л. М. Черфас [6]. – С. Я. Лурье [7], М. Йыэсте [8], Д. П. Костелло [9]. Авторы отдельных статей уделяют много внимания анализу той общественно-политической обстановки, в которой создавалось

стихотворение “К Овидию”. В декабристских кругах римского поэта считали жертвой “предрассуждений века” [10]. Одна из масонских лож, членом которой стал 4 мая 1821 г. Пушкин, носила имя Овидия (“Овидий № 25”). Как справедливо указывают исследователи, судьба Овидия представлялась и русскому поэту в известной степени символичной для общества, в котором господствует режим деспотии [11]. С другой стороны, ученым в последнее время удалось показать, что Пушкин шире использовал овидианский материал, чем это представлялось до сих пор пушкинистам. Так, например, молодой эстонский ученый М. Йыэсте отметил, что, создавая как бы два контрастных образа Овидия – римского гражданина (“Златой Италии роскошный гражданин”) и изгнанника (“В отчизне варваров безвестен и один”), русский поэт берет у Овидия многочисленные детали, на которые авторы прежних исследований, посвященных Овидию и Пушкину, не обратили внимания (Trist., III, 4, 63–66; II, 574–578; IV, 1, 69–74, и др.) [12]. Вместе с тем М. Йыэсте справедливо замечает, что русский поэт избегает прямых цитат и точного перевода [13]. По-видимому, в широко распространенное среди ученых-пушкинистов мнение, что Пушкин читал произведения Овидия лишь во французских переводах, следует внести некоторые коррективы. Русский поэт, который, как утверждал еще М. М. Покровский [14], знал латынь на уровне “хорошего гимназиста”, несомненно сверял французский перевод с

латинским подлинником, тем более что поэзия Овидия живо интересовала его.

Много внимания в последние годы уделялось учеными и вопросу об использовании Пушкиным молдавских легенд о римском изгнаннике, которые сыграли существенную роль при создании образа Овидия в поэме “Цыганы” [15].

Следует также отметить и тот весьма примечательный факт, что точка зрения Пушкина на Овидия, нашедшая отражение как в его стихотворных произведениях, так и в прозаических высказываниях, привлекает к себе в последние пятнадцать лет острый интерес ученых-классиков во всем мире. На международном конгрессе в г. Сульмоне (Италия), посвященном 2000-летию со дня рождения римского поэта (1958 г.), французский ученый Ив. Буино назвал имя “великого русского поэта Пушкина” в числе немногих имен гениальных художников XIX в., глубоко понявших своеобразие творческой индивидуальности Овидия и высоко оценивших его поэзию [16]. На конгрессе, проведенном международным обществом “Ovidianum” в Констанце (Румыния) в августе 1972 г., в ряде докладов также приводились цитаты из произведений Пушкина. В румынских журналах, вышедших в дни съезда, был опубликован первый полный перевод на немецкий язык стихотворения “К Овидию”, сделанный профессором Гейдельбергского университета М. фон Альбрехтом. В книге немецкого ученого В. Штро, в которой собраны мнения выдающихся писателей и исследователей об Овидии, почетное место отведено Пушкину. Здесь опубликованы отрывки из послания “К Овидию” и из “Цыган”, отзыв на “Фракийские элегии” Теплякова [17].

Этот особый интерес филологов к теме “Овидий и Пушкин” объясняется тем, что русский поэт с гениальной прозорливостью как бы предвосхитил то понимание Овидия, к которому мировая классическая филология подошла лишь в XX в.

Действительно, старая точка зрения на этого поэта как на блестящего, но легковесного мастера стиха и воспитанника римских риторов кардинально пересматривается в наше время в монографиях Х. Френкеля [18]. – С. Д’Элиа [19], в многочисленных статьях и диссертациях [20]. В новом свете предстали теперь перед нами и “Тристии”, и “Послания с Понта” [21], в которых прежде видели своего рода поэзию упадка, лишенную особых художественных достоинств. С точки зрения крупнейших ученых наших дней, творчество Овидия представляет собой уникальное явление в истории античной литературы. Его поэзия блещет оригинальностью, полна глубоких психологических наблюдений, проникнута гуманными идеями. В связи с этим и старая тема “Пушкин и Овидий” требует в настоящее время пристального внимания и нового подхода. Она не может быть, естественно, освещена в полном объеме в краткой статье.

Остановлюсь лишь на некоторых проблемах, связанных с стихотворением Пушкина “К Овидию” и поэмой “Цыганы”.

Особенный интерес представляет для нас тот художественный синтез, который дан Пушкиным в послании “К Овидию” – синтез, основанный, как показали многочисленные русские ученые, на внимательном чтении “Тристий” и “Посланий с Понта”.

Стихотворение делится на две части и завершается своеобразным заключе-

нием. В первой части, заканчивающейся строкой “где ты свой тщетный стон потомству передал”, автор рисует обстановку, в которой жил римский изгнанник, и особенности его поведения в ссылке. При этом Пушкин как бы смотрит на изображаемые им картины сквозь призму “Тристий” и “Посланий с Понта”. Во второй части, кончающейся словами “и жалобные звуки Неслися издали, как томный стон разлуки”, на первый план выдвигается образ самого автора послания “К Овидию”, и место ссылки показано таким, каким оно представляется поэту, прибывшему на юг из северной столицы.

Многочисленные параллели из “Тристий”, уже приводившиеся учеными к первой части стихотворения, следовало бы несколько дополнить. После слов “Как часто, увлечен унылых струн игрою, Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!” Пушкин действительно придерживается в своих описаниях той последовательности, которая свойственна расположению материала в “Тристиях”. Римский поэт описывает сначала свое путешествие в Томи (I книга), затем тяжелые условия жизни на побережье: пустынность местности, отсутствие лесов и виноградников, частые нападения гетов и сарматов (III книга). Начиная со строки “Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!)” Пушкин, опираясь на четвертую книгу “Тристий” и на многочисленные элегии из разных книг, дает сжатую характеристику манеры поведения Овидия в изгнании, рисует образ изнеженного “певца любви”, окруженного враждебным населением. Русский поэт с удивительной меткостью выбрал наиболее характерные штрихи, поняв своеобразие той линии поведения, которой совершенно сознательно придерживался в изгнании Овидий. Римский поэт не протестует, не восстает против Августа, но проливает слезы и умоляет друзей и покровителей помочь убедить принцепса приблизить место его изгнания к родной Италии. Овидий полагает, что только мольбы и слезы могут заставить Августа смягчить гнев. Своим главным оружием он считал кротость, душевную чистоту (*sandor animi*) и поэтический дар – ту великую силу слова, которой в античности придавалось столь большое значение [22]. В послании к Ф. Максиму поэт просит высокопоставленного друга передать Августу в своей красноречивой речи “слезы” изгнанника [23]. В письме к Грекину Овидий пишет, что уже готов был покончить жизнь самоубийством, но богиня Надежды убедила его в том, что “нужны слезы, а не кровь, так как гнев принцепса может смягчиться только от них” [24]. Советуя своей жене умолять жену Августа Ливию, изгнанник обращается к ней со словами: “Тебе не повредит, если твоя речь будет прерываться рыданиями, так как слезы имеют часто такое же значение, как слова” [25].

Отношение к слезам в античности было иным, чем в новое время. Греки и римляне считали, что способность плакать, свойственная только человеку, характеризует его как высочайшее и благороднейшее создание природы [26]. Непонимание этого обстоятельства дало основание многим ученым XIX в. обвинять Овидия в “слезливости”. Резко отрицательную характеристику поведения Овидия в изгнании давал в своих лицейских лекциях и адъюнкт Н. Ф. Кошанского П. Е. Георгиевский [27]. Эта точка зрения была хорошо известна Пушкину. Удивительным представляется нам то обстоятельство, что в период увлечения

романтизмом, когда было написано стихотворение “К Овидию”, гениальный поэт России заявил: “Суровый славянин, я слез не проливал, Но понимаю их”. Как бы полемизируя с традиционной точкой зрения, Пушкин восклицает:

*Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиления
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?*

Такое глубокое проникновение во внутренний мир Овидия могло возникнуть лишь при очень внимательном чтении произведений римского поэта. Стихотворение Пушкина неопровержимо свидетельствует о его прекрасном знакомстве с “Тристями” и “Посланиями с Понта”. На то, что Пушкин впервые испытал в это время радость непосредственного знакомства с древним текстом, указывал еще Б. В. Томашевский [28].

Много интересных деталей можно было бы найти и во второй части стихотворения “К Овидию”. Укажем здесь лишь на то, что со свойственным ему художественным вкусом Пушкин особо выделил замечательную 10-ю элегию III книги “Тристий”, написанную в “день, замеченный крылатым вдохновеньем”. Создатель “Метаморфоз” описал в ней волшебство северной зимы. С точки зрения образованного римлянина “века Августа”, природа как бы подражает искусству (*simulaverat artem ingenio natura suo*), и в описаниях природы у Овидия пейзаж дается как бы пропущенным сквозь призму изобразительного искусства [29]. Стремясь доказать, что место его изгнания находится на крайнем севере, Овидий рисует картину покрытого льдом моря, в которое вмерзли похожие на скульптурные изваяния корабли. Лед и снег он сравнивает с мрамором. Осмелившись ступить на затвердевшую поверхность моря, он видит под своими ногами неподвижных, заключенных в ледяные оковы рыб. Отношение Пушкина к природе было иным, чем у Овидия [30]. Русский поэт не передал того специфического отношения к природе Понта, которое было свойственно “Тристям”. Однако самое главное Пушкин все же охарактеризовал, назвав Овидия “роскошным гражданином златой Италии”. Что касается образа самого автора стихотворения “К Овидию”, нарисованного во второй части произведения, то об этом уже достаточно написано. Конечно, поведение самого Пушкина в изгнании было диаметрально противоположно поведению римлянина, и позиция Овидия была неприемлема для него [31].

Чрезвычайно интересны заключительные строки стихотворения. Во всех рукописных текстах, как известно, последних шести строчек не было. После стиха “Не славой – участью я равен был тебе” следовало два заключительных (Акад., II, 386):

*Но не унижил век изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.*

В окончательной редакции эти стихи были заменены другими. После слов “да сохранится же заветное преданье” Пушкин сообщает краткие сведения о месте, времени, когда было написано стихотворение, и о самом себе. Это заключение, по меткому замечанию немецкого ученого М. фон Альбрехта, представляет собой типичную античную *sphragis* – “печать”, которой любили заканчивать свои произведения поэты древности [32]. Такой “печатью” заканчивается, например, поэма Вергилия “Георгики”:

*Эти стихи я пропел про уход за землей и быками
И про деревья, меж тем великий Цезарь войною
Дальний разит Евфрат и народам охотно покорным,
Как победитель, дает законы, путь правя к Олимпу.
Сладкою в те времена был я, Вергилий, питаем
Партенопеей и цвел, обучаясь на скромном досуге,
Песней пастушьей себя забавлял и, юностью смелый,
Титифа пел я в тени широковетвистого бука [33].
У Пушкина мы читаем:
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.*

В противоположность Вергилию, прославляющему военные подвиги Августа, русский поэт говорит о борьбе греков за свободу, тем самым подчеркивая различие между собой, Овидием и Вергилием.

Введение отдельных вставок, взятых из античных оригиналов, было очень характерно, например, для стихотворений А. Шенье. В собственном комментарии к элегии XXIII он пишет: “... Я вставлял сюда, по моему обыкновению, куски из Вергилия, Горация и Овидия” – и прямо указывает античные источники для отдельных мест своей элегии [34]. По-видимому, в данном случае Пушкин в какой-то степени близок Шенье, отдавая дань уважения античной поэзии в целом. С произведениями Вергилия, как известно, русский поэт был хорошо знаком. В письме к брату от 24 сентября 1820 г. из Кишинева он вспоминает Броневского, “человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом и, подобно старику Вергилия, разводит сад недалеко от города” (Акад., X, 214) [35].

К образу Овидия поэт вновь обращается в поэме “Цыганы”, начатой в 1824 г. в Одессе и законченной уже в Михайловском. В этой своей последней “романтической” поэме Пушкин показывает, как известно, трагическую роль страстей в жизни человека и рисует столкновение Алеко, типичного представителя “просвещенного” общества того времени, с моральными законами вольных цыган.

Носителем их морали, по мнению Б. В. Томашевского, выступает старик, отец убитой Алеко Земфиры [36]. Старый цыган выражает, в сущности, те гуманистические идеалы, которые сложились в европейской литературе XVIII в [37]. Овидий, легенду о котором рассказывает старик, гораздо ближе к этому идеалу, чем Алеко. Изгнанник был “стар годами”, но “млад и жив душой незлобной”; он жил, никого не обижая, и пленял полюбивших его людей своими рассказами. “Святой старик” не мог привыкнуть к бедной и убогой жизни вдали от своего родного города. “Иссохший и бледный”, он жаловался на наказание, посланное ему “гневным богом”, и проливал “горькие слезы”:

*И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости
И смертью – чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.*

Только непосредственным впечатлением от латинского текста можно объяснить соседство в этих стихах двух слов – “кости” и “гости”, совершенно так же соседствующих друг с другом и в третьей элегии третьей книги “Тристий”, обращенной к жене Овидия:

*Nam si morte carens vacua volat altus in aura
Spiritus et Samii sunt rata dicta senis,
Inter Sarmaticas Romana vagabitur umbras,
Perque feros manes hospita semper erit.
Ossa tamen facito parva referantur in urna
Sic ego non etiam mortuus exul ero.
(Так, если, смерти не зная, мой дух воспарит по эфиру,
Если Самосский старик прав в заключеньях своих,
Римской тени тогда блуждать меж сарматских придется
И между варваров стать гостьей печальной навек.
Кости, однако, мои, собрав их в малую урну,
В город верни, чтоб не быть вечным изгнанником мне).*

Молдавские легенды, в которых рассказывалось об изгнаннике, “нежном, как младенец”, и добром, “как старец” [38], органически слились у Пушкина с тем автопортретом, который сам Овидий нарисовал в своих элегиях изгнания. Из “Тристий” взята характеристика внешнего вида изможденного страдальца, так как Овидий часто пишет о своей худобе и болезнях, о том, что цвет его кожи напоминает желтизну листьев, тронутых дыханием первых заморозков [39].

В четвертой книге “Посланий с Понта”, изданной кем-то уже после смерти Овидия, поэт постоянно подчеркивает свои дружеские отношения с гетами и тот почет, которым он был окружен в Томи. Он благодарит томитов за почести, которые они ему оказали, утверждая, что только граждане его родного города

Сутьмоны могли бы с такой заботой отнестись к нему [40]. Поэт был освобожден от налогов специальными декретами, увенчан венком за победы в поэтических состязаниях [41].

В послании Люцию Помпонию Грекину Овидий пишет о своем благочестии (*pietate*), которое известно всем на побережье: “Ни одна женщина, ни один мужчина и ни один ребенок”, по словам поэта, не могут пожаловаться на него [42].

Выражение “святой старик”, которое употребляет цыган, говоря о римском изгнаннике, и должно было, по-видимому, охарактеризовать высокую “*pietas*” (благочестие) гражданина Рима.

Исследователи уже указывали на то, что старый цыган похож на старика гета, о котором Овидий рассказывает в послании своему ближайшему другу Аврелию Котте Максиму [43]. В поэме Пушкина слабый и беспомощный Овидий обладает “дивным даром песен”, голос его подобен “шуму вод”. Этот контраст физической слабости и мощи таланта, помогающего Овидию переносить трудности изгнания, часто подчеркивается в “Тристиях” [44].

Таким образом, на новом этапе творчества русский поэт вновь обращается к образу Овидия. В годы, когда он решает проблемы взаимоотношения судьбы человеческой и “судьбы народной”, голос народа в оценке действий героя приобретает для него, как известно, особое значение [45]. Кротость и миролюбие Овидия, обаяние его личности, которые проявились в “Тристиях” и “Посланиях с Понта” и которые были оценены Пушкиным уже в стихотворении “К Овидию”, в поэме “Цыганы” вновь выдвигаются на первый план. Однако если линия поведения Овидия по отношению к Августу не могла соответствовать убеждениям русского поэта, то те же самые принципы поведения римского изгнанника по отношению к окружающему его чужому народу представляются Пушкину заслуживающими высокого одобрения и глубокого восхищения. Как справедливо писал Д. П. Якубович, Пушкин по-разному относится к своим любимым античным авторам в разные периоды своего творческого развития [46]. Русский поэт как бы подытожил свои взгляды на Овидия в известной рецензии на “Фракийские элегии” Теплякова, где он вновь защищает римского поэта от традиционных упреков в малодушии, которыми осыпает Овидия французский поэт Грессе. Пушкин требует внимания к индивидуальности Овидия, глубокого проникновения в художественный мир его произведений (Акад., VII, 421–425).

В заключение хотелось бы отметить, что своего любимого поэта Пушкин знал не только по “Тристиям” и “Посланиям с Понта”. Следовало бы тщательно собрать все реминисценции из поэмы “Метаморфозы”, которые есть у Пушкина. Укажем пока лишь на заключение этой поэмы, которое русский поэт использовал в своем стихотворении “Памятник”:

*Jamque opus exegi, quod nec Jovis ira nec ignis
Nec poterit ferrum nec edax abolere vetustas.
Cum volet, illa dies, quae nil nisi corporis huius
ius habet, incerti spatium mihi finiat aevi:*

*parte tamen meliore mei super alta perennis
astra ferar, nomenque erit indelibile nostrum.
Quaque patet domitis Romana potentia terras,
ore legar populi; perque omnia saecula fama,
siquid habent veri vatum praesagia, vivam!* [47].

(“...и вот я завершил уже труд, который ни гнев Юпитера, ни огонь, ни губительная старость не смогут уничтожить. Пусть, когда захочет, тот день, который имеет власть только над моим телом, принесет конец этой неверной жизни. Однако я буду вечен и лучшей своей частью вознесусь в надзвездные выси и имя мое будет нерушимо. И как далеко простирается власть Рима над подвластными ему землями, так повсюду будут читать меня уста народа. На протяжении всех веков во славе, если только в предчувствиях поэтов есть какая-то истина, я буду жить”).

В стихотворении Пушкина “Памятник” можно найти мотивы, близкие к этим заключительным строкам “Метаморфоз”. Стих “Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит” ближе к Овидию, чем к торжественным строкам Горация: “Нет! Не весь я умру, – лучшая часть меня избежит похорон”. Противоположность тленного тела и вечной души ярче и проще подчеркнута именно у Овидия. Строки “Слух обо мне пройдет по всей Руси великой И назовет меня всяк сущий в ней язык” больше напоминают стихи Овидия: “Quaque patet domitis Romana potentia terras, ore legar populi...”, чем сложный горацианский образ: “...usque ego postera crescram laude recens dum Capitolium scandet sum tacita virgine pontifex. Dicar, qua violens...”.

Державин гораздо точнее воспроизводит образность и стиль Горация, чем Пушкин:

*Слух пройдет обо мне от белых вод до черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал,
Всяк будет помнить то*

и т. д. [48].

Пушкин же, как и Овидий, говорит, что его “назовет всяк сущий в ней язык” – “ore legar populi” [49].

Ссылки и примечания:

1. Малеев А. И. Пушкин и Овидий // Пушкин и его современники. – Вып. IV. – СПб., 1916. – Стр. 8 и сл.
2. Покровский М. М. Пушкин и античность // Временник Пушкинской комиссии. – Т. 4–5. – М.–Л., 1939. – Стр. 39–40.
3. Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. – Т. 6. – М.–Л., 1941. – Стр. 139–140.
4. Бориневич-Бабайцева З. А. Овидиев цикл в творчестве Пушкина // Пушкин на юге. Труды пушкинских конференций Кишинева и Одессы. – Вып. I. – Кишинев, 1958. – Стр. 164.
5. Ванслов В. В. А. С. Пушкин о “золотом веке” римской литературы // Ученые записки Калининского пед. института им. М. И. Калинина. – Т. 36. – 1963. – Стр. 8.

6. Черфас Л. М. “Тристии” Овидия о причинах и первых годах его ссылки // Ученые записки Латвийского гос. университета им. П. Стучки. – Т. XXIX. – Рига, 1958. – Стр. 239.
7. Лурье С. Я. Пушкин и русские революционные демократы о Вергилии и Овидии. // Публій Овидий Назон. К 2000-летию со дня рождения. Львов, 1960.
8. Йыэсте М. Заметки к теме “Пушкин и Овидий” // Сборник студенческих научных работ Тартуского университета. Русская филология. – Вып. 2. – Тарту, 1967. – Стр. 171.
9. Costello D. P. Pushkin and Roman literature // Oxford Slavonic papers. – Vol. XI. – 1964. – P. 48.
10. См.: Бориневич-Бабайцева З. А. Овидиев цикл в творчестве Пушкина. – Стр. 167–168.
11. См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. – Т. I. – М: “Наука”, 1965. – Стр. 356–358; Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. – Стр. 139.
12. Йыэсте М. Заметки к теме “Пушкин и Овидий”. – Стр. 180–181, 176, 177 и др.
13. Там же. – С. 185.
14. Покровский М. М. Пушкин и античность. – Стр. 36.
15. См.: Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. – Кишинев, 1963; Двойченко-Маркова Е. М. Источники легенды об Овидии в “Цыганах” А. С. Пушкина // Вопросы античной литературы и классической филологии. Сборник памяти С. И. Соболевского. – М., 1966. – Стр. 321.
16. Bouynot Y. La misère et la grandeur de l'exil // Atti del Convegno internazionale Ovidiano. – Vol. 2. – Roma, 1959. – P. 250.
17. Stroh W. Ovid im Urteil der Nachwelt (eine Testimoniensammlung). – Darmstadt, 1969. – SS. 104–109.
18. Fränkel H. Ovid. A poet between two worlds. – Berkeley – Los Angeles, 1945.
19. D'Elia Salvatore. Ovidio. – Napoli, 1959.
20. Материалы собраны в сборнике: Ovid. Herausg. von M. v. Albrecht, E. Zinn. – Darmstadt, 1968.
21. См.: Bouynot Y. La poesie d'Ovide dans les œuvres de l'exile. – Paris, 1957; Voulikh N. La révolte d'Ovide contre Auguste // Les Études classiques. – Т. XXV, 4. – Namur, 1968.
22. См.: Marg W. Zur Behandlung des Augustus in den Tristien Ovids // Ovid. Herausg. von M. v. Albrecht, E. Zinn. – Darmstadt, 1968. – SS. 510–512; N. Voulikh. La révolte d'Ovide contre Auguste. – PP. 378–381.
23. Ovid. Ex Ponto, I, 2, 100–116.
24. Там же, I, 6, 43–45.
25. Там же, III, 1, 157–159.
26. Homerus. Ilias, 11, 90; Vergilius. Aen., 6, 472–479; Iuvenalis. Sat., 15, 131–143.
27. См.: Лицейские лекции по записям А. М. Горчакова // Красный архив. – М., 1937. – Т. 1. – Стр. 159.
28. Томашевский Б. В. Пушкин. – Кн. I. – М.–Л., Изд. АН СССР, 1956. – Стр. 541.
29. Ovid. Metamorphos., III, 158–159. См.: Grimal P. Les jardins Romains. – Paris, 1943. – PP. 434–441.
30. См.: Томашевский Б. В. Пушкин. – Кн. I. – Стр. 399 и сл.
31. См.: Бориневич-Бабайцева З. А. Овидиев цикл в творчестве Пушкина. – Стр. 169; В. В. Ванслов. А. С. Пушкин о “золотом веке”... – Стр. 29–31; и др.
32. Albrecht M. v. Der verbannte Ovid und die Einsamkeit des Dichters im frühen XIX Jahrhundert // Arcadia. Zeitschrift für vergleichende Literaturwissenschaft. – Bd. 6. – Th. I, Berlin – N. Y., 1971. – SS. 36–37. Исследователь как на пример такой “печати” указывает и на заключительные стро-

- ки сборника “любовных элегий” (Amores) Овидия. Однако я думаю, что Пушкин вряд ли помнил последнюю элегию этого сборника, в то время как “Георгики” Вергилия он хорошо знал. Кроме того, и по самому характеру его заключение ближе к Вергилию.
33. Vergilius. Georg., IV, 558–565. См. перевод С. В. Шервинского: Вергилий. Сельские поэмы. – Л.: “Academia”, 1933. – Стр. 136–137.
 34. Chénier A. Oeuvres poétiques. – Т. I. – Paris, 1883. – PP. 214–215.
 35. См.: Vergilius. Georg., IV, 125–144.
 36. Томашевский Б. В. Пушкин. – Кн. I. – Стр. 618.
 37. Там же. – С. 622–623.
 38. См.: Двойченко-Маркова Е. М. Источники легенды об Овидии... – Стр. 321.
 39. Ovid. Trist., IV, 6, 41–45; III, 8, 29–30.
 40. Ovid. Ex Ponto, IV, 14, 47–62.
 41. Там же, IV, 9, 101–105.
 42. Там же, IV, 9, 95–96. См.: Voulikh N. Pouchkine et Ovide // Revue de Littérature comparée. – Paris, 1967. – № 1. – PP. 24–36.
 43. Ovid. Ex Ponto, III, 9, 45–96.
 44. Ovid. Trist., III, 7, 5–10, 38; IV, 105–114, и др. В. В. Виноградов приводит библейские параллели к сравнению звука голоса с “шумом вод”. Однако и в Библии, и у Ломоносова с “шумом вод” сравнивается “глас народа”, а не голос одного человека. Если библейские параллели В. В. Виноградова правомерны, то приводимые им примеры свидетельствуют о том, что Пушкин хочет придать особую грандиозность поэтической мощи Овидия (Виноградов В. В. Стиль Пушкина. – М., 1941. – Стр. 201–203).
 45. В это время Пушкин работает над “Борисом Годуновым”.
 46. Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. – Стр. 93.
 47. Ovid. Metamorphos., XV, 870–878.
 48. См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина “Я памятник себе воздвиг”. Л., “Наука”, 1967, Приложения. – Стр. 244 и сл. Костелло не указывает на заключительные строки “Метаморфоз”, говоря о стихотворении Пушкина “Памятник”, но предлагает привлечь для сравнения следующие строки из “Тристий” Овидия (Trist., IV, 9, 19–20): “Nostra per immensas ibunt praesonia gentes, quodque querar, notum, qua patet orbis, erit” (“Мои речи разнесутся среди бесчисленных племен, и то, на что я жалуюсь, будет известно повсюду на земле”) (D. P. Costello. Pushkin and Roman literature, p. 55). Такого рода мысли о бессмертии поэтического слова глубоко характерны для античной поэзии вообще. Однако в заключительных стихах “Метаморфоз” они выражены законченнее и целеустремленнее, чем в “Тристиях”. В своей поэме Овидий дал как бы свой вариант хорошо известной ему оды Горация, использованной и Державиным.
 49. Глагол “lego” как бы сохраняет здесь у Овидия “ореол” своего первоначального значения – “собирать”, “впитывать” (народ, как пчела из цветка, высасывает сладкий сок стихов Овидия).

Автор И. В. Горенко

“Буддийское время” или “время” в буддизме

Аннотация

В статье на широком материале буддологических исследований предложена лаконичная реконструкция буддийских представлений о времени. Эти представления рассмотрены в контексте ключевых доктринальных понятий, таких как “четыре благородные истины”, закон “кармы”, дхармическая “онтология” и т. д. Отчетливо проведено различие между общенародным (мирским) мифологическим пониманием времени и собственно религиозно-философской буддийской концепцией времени, представленной в трудах духовных и интеллектуальных лидеров буддизма (в данном случае в основном по учению Нагарджуны). Проанализирована дискретно-концептуальная логика временного процесса, которая оказывается фактически эквивалентной логике мироустройства, развиваемой в буддийском учении о дхарме.

Ключевые слова: время, дискретность, континуум, дхарма, карма, сансара, психофизический процесс.

О снование любой конкретной культурной традиции неизменно. Возникнув однажды, оно снова и снова воспроизводится в той или иной точке пространства. И даже свойственная культуре пластичность не может скрыть ее исходные смыслы. Будучи тематизированными, они составляют категориальный скелет культуры. Безусловно, можно спорить о том, что следует относить к этому основанию, однако ясно, что религиозная составляющая играет существенную роль в его формировании. Задача поиска “не сформулированных явно, не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентаций и привычек сознания, “психического инструмента-

рия”, “духовной оснастки”...” [1] становится не просто теоретически интересной, а, в контексте современных культурных реалий, жизненно важной.

Феномен “буддийская культура” включает в себя уникальный симбиоз собственно буддийских религиозных истин и многочисленных национальных культур, их принимающих в то или иное время своей истории. Наверное, ни одна религия равно бескомпромиссно не отстаивает два противоположных друг другу тезиса: о равенстве всех живых существ и безусловном их отличии друг от друга. Равенстве перед лицом круговорота бытия и страданий и разности в способности услышать и реализовать в практической жизни эту истину. Будучи адекватен мирскому разнообразию, буддизм представляется равно уместным

и в привычном мире пагод и иероглифов, и в несколько странном на первый взгляд окружении машин и компьютеров. Однако это не воспринимается им как падение или компромисс. Если реализовано Учение Будды (Дхарма), то цель достигнута. Реализация же подразумевает создание человеком такой смысловой структуры, при которой станет возможно его спасение [2]. В этом отношении представляется особенно интересным разговор о понятии “время” в буддизме, без которого невозможно представить себе буддистскую картину мира.

Начиная разговор о буддизме, следует иметь в виду всю неоднородность и сложность этого явления, поскольку “буддизма вообще”, “буддизма как такового” никогда не было и нет. Три Драгоценности, которые принес буддизм в мир – Будда, Дхарма и Сангха [3] – за свою длительную историю были и приняты, и отвергнуты разными народами, претерпели множество изменений, однако всегда оставались верны главной цели – спасению мира из сетей неведения его истинной природы. Буддизм существует в виде многочисленных школ и течений, которые иногда настолько сильно друг от друга отличаются, что это позволяет некоторым исследователям считать их вообще независимыми религиозными традициями. Столь же существенным фактором мы должны признать и национальные особенности тех стран, которые, испытав влияние буддизма и приняв его, привнесли в буддистскую доктрину многие существенные черты. В особенности это касается Китая и Японии [4]. Однако есть ряд принципов, признание которых является безусловным условием принятия буддизма. К ним относятся: четыре благородных (арийских) истины, учение о взаимозависимом происхождении и карме, доктрина не-души, учение о мгновенности и космология. Коротко на них остановимся.

Четыре благородных (арийских) истины – это истина о страдании (пали. санскр. *duhkha*) [5], о возникновении (санскр. *samudaya*) страдания [6], о прекращении (санскр. *nirodha*) страдания [7] и о пути (пали *magga*, санскр. *marga*) к прекращению страдания [8].

Учение о карме является, наверно, одним из самых известных в буддизме. Само слово может быть переведено как “дело”, “действие” [9]. В древние ведийские времена карма означала ритуально значимое, сакральное действие, приносящее желаемый результат или “плод”. В итоге в буддизме под кармой понимается действие [10], имеющее результат. Совокупность всех действий, совершенных в жизни, приносит свой плод, определяя необходимость следующего рождения. Соотношение благих и неблагих побуждений вместе с сопутствующими им проявлениями сознания в совокупности определяет “качество жизни” (то есть рождение богом, полубогом, человеком, животным, голодным духом или крошечником), тогда как плод каждого конкретного деяния влияет на социальные условия рождения, черты характера. Круговорот рождений-смертей буддисты называют сансарой. Сансара безначальна, а значит, чревата вечным повторением событий, ситуаций, “мучительным однообразием циклической воспроизводимости одного и того же содержания”.

Доктрина о карме находит свое обоснование в теории взаимозависимого возникновения (пали *paticca samuppādo*, санскр. *pratītya samutpada*) как объективном законе существования. Он утверждает, что в мире вещей, сансары, все обус-

ловлено и нет ни единой сущности, которая, обуславливая другую сущность, не была бы сама обусловлена чем-то третьим. В этой ситуации не может быть чего-то или кого-то стоящего или находящегося вне всеобщей обусловленности. Все связано со всем. Однако это связь не сводится к отношению причины и следствия ни в качестве первичного и вторичного, ни в форме субстрата-носителя и атрибута, ни в виде содержащего и содержимого [11]. Речь идет о взаимном обуславливании возникновения одного дискретного события другим, об определенном порядке течения событий. В этом потоке всякое живое существо (не только человек) оказывается полностью вовлеченным в поток жизни, страдательным образом претерпевая его. На многих буддистских изображениях этот закон нашел чрезвычайно наглядное выражение, соединяясь с учением о карме и формах рождения – так называемое “колесо бытия” (санскр. bhavacakra) [12].

Всеобщий характер обусловленности предполагается абсолютной дискретностью бытия. И в первую очередь бытия человека, которое нашло свое выражение в доктрине не-души (санскр. anatmavada). Это учение о том, что в человеке, в его природе нет такого начала или элемента, который был бы неизменным, вечным, несущим вечное блаженство и который выступал бы автором, “внутренним правителем”, субъектом всего того, что делает человек. Иначе говоря, нет всего того, что мы привыкли называть “я”, “личность”, “душа”, “самость” etc. Вместо него “существует” [13] поток взаимообусловленных структурно упорядоченных комбинаций пяти групп (санскр. skandha) [14] несубстанциональных и мгновенных элементарных психофизических состояний – дхарм [15]. Дхармы постоянно возникают и исчезают, будучи обусловлены предшествующими комплексами дхарм. Эти “мерцания” дхарм в своей совокупности образуют поток, который человек в силу своего незнания осознает как “живое существо”, “я”.

Всеобщее непостоянство подтверждается и обосновывается учением о мгновенности. Оно утверждает, что как каждая дхарма, так и соответственно комплекс дхарм существуют одно ничтожно малое мгновение, после которого сменяется новой дхармой, обусловленной предыдущей. Дискретность, мгновенность дхарм уравнивается континуальностью всеобщей обусловленности.

И, наконец, последняя составляющая буддийского credo – учение об универсуме, о космосе. Мир буддийской космологии – это психокосм, то есть мир, переживаемый живым существом, мир как аспект его опыта. Он представляется совершенно разным для разных типов живых существ [16]: при этом мир как их местопребывание однозначно соотносится с уровнями сознания этих живых существ. Это означает, что один и тот же мир оказывается совершенно разным для разных существ. Итак, вселенная состоит из трех миров [17]: чувственного мира, мира форм и мира не-форм. В центре находится гора Меру (Сумеру), которая возвышается на 84.000 йоджан [18] и на столько же уходит под землю. На ее террасах находятся дворцы многочисленных божеств (Брахмы, Вишну, Шивы), полубожественных существ и легендарных мудрецов-риши. Гора Меру окружена восемью горными цепями, между последними из них, Ниминдхарой и Чакравадой, в соленых водах океана находятся четыре материка, ориентированные по сторонам света: Уттаракору (Север), Годания (Запад), Пурвавидеха (Восток) и Джамбудвиша (Юг). Именно на этих континентах обитают люди и животные, а

под землей, находятся обиталища голодных духов-прета и система десяти (“холодных” и “горячих”) адов, где мучаются и страдают от огня и холода нараки (обитатели ада, क्रомешники). Мифологичность и сказочность описаний [19] не должна нас смущать, ибо и сами буддисты относились к ним достаточно свободно, признавая за ними известную долю символизма [20].

Эти идеи, составляющие суть Дхармы, являются своеобразным смысловым инвариантом буддизма. В их контексте мы уже можем попытаться найти и описать буддийское время. Однако надо заметить, что, во-первых, хотя древний буддизм и возник в Индии, современный облик он получил после своего творческого усвоения в странах Средней, Восточной и Юго-Восточной Азии. Особенно характерно в этом отношении влияние, оказанное на буддизм в Китае. Замечательный французский синолог Марсель Гране проникательно отмечал, что в Китае не было разработано понятие времени. Никто в Китае “не думал представлять время как монотонную длительность, образуемую однообразным движением качественно подобных друг другу мгновений” [21]. Китайцы предпочитали видеть во Времени совокупность эр, сезонов или эпох; а в пространстве – совокупность областей, климатических зон и стран света. “С одной стороны, время и пространство друг от друга неотделимы: отрезкам времени соответствуют части пространства, у них общие эмблемы, каждый период обладает своим климатом, каждая сторона света связана с одним из сезонов. С другой стороны, в каждой отдельной длительности существует необходимость периодического обновления, каждая фаза обладает своими собственными атрибутами, сообщающими ей содержательность и индивидуальность, а потому подходить к ней и вести себя в ней следует по-особому: китайцы представляли не точки пространства и времени как таковые, а “местопребывания” и “уместные случаи [22]”. Иначе говоря, время в Китае никогда не мыслилось и не представлялось нейтральной, постоянной абстрактной величиной. Именно это мы теперь должны иметь в виду в качестве составляющей времени буддистского.

А во-вторых, будем отличать буддизм народный или популярный от буддизма философского, монашеского. Народный буддизм, принимая все общеподддийские догматы, тесно переплетен “с простонародными суевериями, с верой в демонов, в духов сил природы, с верой в чудотворное действие амулетов и т.д. – одним словом, с наклоном народа к шаманству [23]”. Картина мира буддиста-мирянина и его язык предельно мифологичны, он просто принимает на веру все, что относится к “словам Будды”, надеясь, что через преданность, почитание и ритуальную практику сможет обрести возможность нового благого рождения. Не нирвана привлекает верующих, а всепрощение и новое рождение в божественных сферах буддийского космоса, в надежде на которое они жертвуют средства на изготовление статуй будд и бодхисаттв, преподносят монашеской общине подаяния и совершают множество других благих деяний. “Вышедшие из дома” [24], нуждаются в более доказательном логико-дискурсивном обосновании смысла и систематизации учения, чем обычные миряне, а их цель – обретение чистого знания, свободного от аффектов, – представляется более возвышенной и труднодостижимой. В условном смысле “позволительное” для мирянина оказывается препятствием, ловушкой, которую следует избегать “бо-

лее знающему” монаху. То, что в популярном религиозном сознании обладает статусом высшей ценности, в теоретическом сознании выступает как декор, профанный антураж. Однако эти внутренние отличия никак не влияют на историческое развитие буддизма [25], хотя и очень существенны при изучении категорий буддийского мировоззрения.

Совместный мифологический портрет буддистского времени и пространства очень ясен и нагляден. Фрагментарность, “кинематографичность” жизни человеческого сознания дополняется, подтверждая всеобщий характер закона взаимозависимого возникновения, бесконечной делимостью окружающего мира: пространства и времени. “Предел делимости материи – атом, времени – момент”, – говорит Васубандху [26]. Такая детализированная и наглядная делимость позволяет найти незаметный, но очень эффективный для мистической практики переход из микро- в макро- и мегамир, из мгновенности к вечности.

Хотя пределом делимости вещества в буддистской традиции является атом (санскр. *paramana*) [27], увидеть или каким-то иным образом зафиксировать его нам не удастся, поэтому первой точкой отсчета будет просто мельчайшая частица, которая в семь раз больше атома. В дальнейшем семикратность увеличения сохраняется: за мельчайшей частицей следует металлическая пылинка, водяная пылинка, диаметры кончика шерстинки зайца, овцы, коровы, пылинка в воздухе, гнида в диаметре, вошь, ячменное зерно (равное приблизительно одной шестой – одной восьмой части фаланги пальца), и, наконец, фаланга пальца. Итак, микромир позади, его дискретность закреплена, если не на понятийном, то на образном уровне, последовательностью наглядных картин.

Пространственная делимость в сфере человеческой не вызывает сомнений. В особенности (как считали не только в рамках буддистской традиции) если использовать в качестве меры части человеческого тела: три фаланги составляют размер “палец”, двадцать четыре пальца равны одному локтю, а четыре локтя – одному луку, т.е. длине натянутой тетивы. Хотя “человек закончился”, остается сфера его деятельности, которой и определяется дальнейшая делимость пространства. Пятьсот луков составляют один кроша [28], восемь крошей равны одной йоджане.

Что-то похожее мы видим и со временем. Все начинается с щелчка пальцами сильного мужчины. Необходимое для этого время равно шестидесяти пяти моментам (санскр. *ksana*) – предельным единицам времени [29]. Сто двадцать моментов составляют одно мгновение (санскр. *tatksana*). Шестидесять мгновений – один лава (санскр. *lava*). Тридцать лава равны одному мухурта (санскр. *muhurta*), который, повторенный тридцать раз, даст сутки. Тридцать суток – месяц. Год состоит из двенадцати месяцев и так называемых “исключенных дней”. Это значит, что в году четыре зимних месяца, четыре жарких месяца и четыре дождливых. По истечении каждых полутора месяцев этих трех сезонов из оставшейся половины принято вычитать одни сутки – вот это и есть “исключенный день”.

Следующей временной единицей в буддизме является кальпа [30] или эон. Отмеривая, мировой или космический цикл, кальпа никак не связывается с годовым календарным временем. Однако ее буддисты тоже определяют, предлагая в качестве аналога некий ее образ [31]. И даже если при подсчете и существуют различия

в длительности кальпы (одни говорят, что она длится только 1 344 000 лет, другие – 1 280 000 000) – в любом случае это безмерно огромный промежуток времени. В классическом буддизме выделяют четыре типа кальп: великая кальпа (полный четырехфазный космический цикл), промежуточная или малая кальпа (крупная единица времени, применяющаяся для учета продолжительности фаз полного космического цикла), кальпа разрушения и кальпа созидания. Поскольку космическое время циклично и безначально, ни один из типов не может быть первым. Причиной “начала” можно считать энергию совокупной кармы живых существ предыдущего мирового цикла, следствием которой и является возникновение сфер существования. В “период возрастания” продолжительность жизни человека достигает 84 000 лет, однако постепенно из-за вырождения нравов в “период убывания” он уменьшается до десяти [32]. Эти периоды возрастания и убывания сменяют друг друга двадцать раз в каждой из четырех типов кальп. Таким образом, длительность всего мирового “эона” равна восьмидесяти периодам. Миров существует огромное количество, и ритмы их существований не совпадают. Удивительным образом исчисленная вечность демонстрирует свой непостоянный и страдательный характер [33]. Это мифологическое понимание как пространства, так и времени оказывает огромное влияние на сознание верующего буддиста. Когда он живет и действует в окружающем мире он, так же как и все остальные, смотрит на часы и считает километры. Но, делая все это, он не перестает надеяться, что когда-нибудь, накопив благие заслуги, он переродится в области “чистой земли” Будды Атитабхи и через его рай Сукхавати кратчайшим путем перейдет в нирвану. Или же, находясь в молитвенном сосредоточении, он покидает профанный мир и путешествует в мирах и периодах сакральных, далеких от часов и лет. И тогда, задумываясь *sub specie eternitatis* над целью и смыслом своей жизни, он знает о бесконечной круговерти миров и тягостном бессмертии богов.

Следующей замечательной иллюстрацией отношения буддиста ко времени является история выбора бодхисаттвой времени своего воплощения в качестве Гаутамы Будды [34]. Этот выбор определяется двумя условиями. Первое: бодхисаттва не должен воплощаться в начале какого-либо мирового периода, в пору, когда мир полон сил и сосредоточенности, только тогда, когда он станет клониться к упадку, когда он вступит в линию регресса и появится старость, болезнь и смерть – вот тогда и приходит срок Будды. Однако, поскольку предлагаемый Буддой нравственный и интеллектуальный способ спасения требует для своей успешности сознательного и добровольного отношения к нему, то вступает в силу второе условие. Момент должен быть избран ни слишком рано, ни слишком поздно: он был бы преждевременным и безуспешным, если бы наступила тогда, когда жизнь человеческая продолжалась бы десятки тысяч лет, потому что при такой продолжительности “люди не в состоянии замечать своей подвластности рождению, одряхлению и смерти, и проповедь Будды о невечности всех вещей, о всемирной скорби и об обмане индивидуальности люди не стали бы слушать: она не убедила бы никого. С другой стороны, безуспешной осталась бы она и в слишком позднюю пору, когда жизнь человеческая была бы короче 100 лет, ибо тогда “грех” был бы уже настолько назревшим, что назидательное увещание, обращенное к грешникам, изгладилось бы среди них столь же быстро,

как исчезает черта, проведенная по струящейся воде” [35]. Нужным моментом, соответственно, оказывается время, лежащее между указанными пределами.

Еще одной очень важной идеей в жизни буддиста является идея того, что мы бы назвали “концом света” – “концом Закона-Дхармы” [36]. По мнению буддистов, время упадка можно узнать по следующим признакам: продолжительность человеческой жизни достигает 60-80 лет, в Сангхе появляется все больше женщин [37], традиционные практики достижения освобождения становятся неэффективны, люди нравственно деградируют, землетрясения, наводнения и другие природные катаклизмы, являющиеся обобщенными кармическим последствиями дурных и неразумных поступков людей, разрушают среду обитания человека. Да и сам Будда говорил о “тысячелетнем существовании Дхармы” [38]. В такой ситуации миру не остается ничего другого как исчезнуть. Либо быстро и четко – под воздействием огня, воды и ветра, либо в течение неопределенно долгого периода, иначе именуемого “угасанием” Дхармы (период Подобия Закона) после периода полной энергии (Истинного Закона) [39]. При этом идея мапшо не говорит о конце человеческой истории как таковой, нет здесь и драматической нравственной катастрофы с обещанием оправдания в будущем. Просто заканчивается существование закона Будды в этом космическом цикле, после которого все повторится снова [40].

Что же теоретическая монашеская мысль? Что она понимала под временем? С самых первых дней своего существования, полемизируя с брахманскими системами, буддизм отрицал существование каких-либо субстанций: как духовных внутри человека, так и материальных снаружи. Будда видел во внешнем мире только постоянный процесс, непрерывную цепь бытия, бесконечное рождение и исчезновение явлений, из которых ни одно не останавливается хотя бы на один момент. Процесс бытия сравнивается с процессом сгорания [41]. “Подобно тому, как огонь лампы непрерывно, хотя незаметно, изменяется и исчезает, и ни в одно данное мгновение такой огонь не есть тот же самый огонь, который был в предшествующее мгновение, – подобно этому и бытие, как во внешнем мире, так и во внутреннем, есть непрерывный процесс, ряд явлений, под которыми не скрывается ничего постоянно существующего, никакой субстанции. Нет духовной субстанции за непрерывным течением явлений внешнего мира. Из этого взгляда вытекает и соответственное понимание времени как процесса постоянного, ежеминутного и окончательного разрушения” [42]. Отказав времени в статусе лежащей вне нашего познания бесконечной и вечной субстанции, Будда “благородно молчал” [43] относительно того, как же следует понимать время. Однако его ученики оказались “менее благородны”, они стали утверждать, что во внешнем мире объекты лишь кажутся имеющими длящегося бытие, которого в действительности нет. В каждый новый момент появляется и исчезает новый объект, не имеющий ничего общего с предыдущим, который разрушился и исчез без всякого остатка. Таким образом, то, что называется существованием вещи, есть в действительности ряд отдельных моментов, в каждом из которых имеется совершенно другая вещь, отличная от того, что было в предшествующий момент и того что будет в последующий. Момент как временной атом признается еще и мгновенным объектом, вещью в ее сиюминутном существовании.

В целом буддийская мысль пронизана идеей того, что жизнь не только процессуальна, но и эфемерна (преходяща). Не столько в том, что ограничена смертью, а в том, что между рождением и смертью человек живет в мгновении [44]. Жизнь есть серия эмпирических моментов, каждый из которых уникален и так бесконечно мал, что кроме как через абстрагирование и гипостазирование обычное сознание не в состоянии их постигнуть. В обычном состоянии человек не привык к фрагментарному измерению природы существования вещи. Большею частью он некритически соглашается с тем, что сознающий разум может функционировать только с позиции временного параллелизма, то есть параллелизма, существующего между актом мысли и актом восприятия. Ограничивая восприятие простым и единичным событием, он не принимает в расчет непрерывность, континуальность жизненного потока, его всеобщую обусловленность.

Для буддизма представляется вполне очевидным, что, когда человек говорит о времени в терминах трех временных периодов, он действует в рамках определенной конвенциональной ментальной конструкции. Для разума вполне естественно представлять себе время в таком порядке или таким образом придавать порядок природе вещей. Время как “часы” или как физическое время, связанное с измерением движения, есть абстрактная категория, прагматически вполне уместная. Однако будет неправильно считать эту конструкцию адекватно описывающей истину вещей, поскольку она не схватывает динамическую природу бытия как мгновения. По мнению Нагарджуны [45], три времени не могут существовать в силу своей принципиальной неотличимости друг от друга. Как с абстрактной (имеют смысл только во взаимном отношении друг к другу), так и с конкретной точки зрения (единство существования точки зрения включает в себя все три момента как уникальные взаимосвязанные феномены). И прошлое, и будущее заключены в настоящем, которое, однако, не является просто линейным переходом-“мостиком”, от одного к другому. Настоящее – это “объемное” мгновение бытия, обусловленное бесконечным множеством фактов и событий, единственно верно описываемое через закон взаимозависимого существования (санскр. *pratītya samutpada*). По существу, речь идет о комплексе разнообразных факторов и условий, которые обуславливают возникновение мгновенных элементов жизненного потока. Они настолько малы [46], что ни о каком опознавании их в сознании не может быть и речи. Тем не менее, буддийские мыслители выделяют определенные шаги [47], определяющие “внутреннее” развитие предмета от его восприятия к его осознанию как феномена бытия. Практическая реализация этого знания возможна лишь на определенных ступенях йогического сосредоточения, самадхи. Все эти условия, хотелось бы подчеркнуть еще раз, невозможно (это будет, прежде всего, неправильно) отделить друг от друга и выстроить в какую-либо последовательность. Комплекс влияний настолько динамичен, что это можно только констатировать.

Если человек объективирует и разделяет жизненный поток, навязывая ему рационально удобную и “понятную” линейную временную схему, то он оказывается далек от истинной картины бытия и существует в пространстве ментальных абстрактных конструкций. Такой динамический характер *pratītya samutpada* фиксируется в понятии “временность” как необходимой характеристики сущес-

твования. “Временность” – это не рождение и не смерть, не причина и не следствие, не хорошее и не плохое, это просто “временность”, просто факт, просто “таковость” бытия.

Разрабатывая онтологический аспект буддийской философии, Нагарджуна пришел к выводу, что, говоря словами О. О. Розенберга, “некая абсолютная реальность”, “истинно-сущее”, стоящее за бытием, так сказать, повседневным, “непознаваемо и неопишимо”. Это абсолютное бытие безатрибутно, “пусто”, “перед ним... “слова останавливаются”. Однако этот абсолют никоим образом не противопоставлен бытию реальному, конкретному, осязаемому существованию живых существ и предметов, т. е. тому, что в японской догматической литературе определяется терминами “дзимоцу” (事物, дела и вещи) и “маммоцу” (万物, десять тысяч вещей, т. е. все вещи). “Безатрибутная абсолютная сущность, или “пустота”, (санскр. sunyata) каким-то непостижимым образом развернута (“прапанчатэ”) и проявляется в образе эмпирического бытия (“сансара”) в виде существ и их миров, абсолютное же как таковое, в том виде, какой оно имеет, по существу, независимо от его развернутости, называется “нирваною”. Таким образом, в эмпирическом мы встречаемся с тем же абсолютным, только в другой форме, а следовательно, “сансара” и “нирвана”, в сущности, одно и то же” [48]. Для нас это означает, что механизм “временности” *pratitya samutpada* действует как в области сансары, так и в области нирваны, а значит, как и они, “безатрибутен” и “пуст”.

В этом смысле “временность” становится таким опытом, который совпадает с реальностью вещей как таковых, в их подлинности и истинности. Вполне вероятно, что как “временность” оно необходимо как своеобразное “переводящее”, “уловляющее” понятие, указывающее на Время как Таковое, Время как Бытие. Такое Время есть “Колесо Бытия и Становления”. Такое Время оказывается состоянием величайшего покоя и сосредоточения, открывающего истину. Достижение покоя необходимо тому, кто стремится постигнуть вещи в их подлинной природе, которая реализуется в *pratitya samutpada*. В этом Времени есть все бытие, все “десять тысяч вещей” и вместе, и по отдельности [49], и нет “Ничего”. Такое Время и предельно индивидуально, и столь же обезличенно. Это “размерность” покоя, невозмутимость бытия по отношению к нашему процессу жизни. Достижение такого Времени предполагает единение (стирание всяких концептуальных границ) между покоем и движением, жизнью и смертью, общим и единичным, смыслом и бессмыслицей. Такое Время становится уникальным мгновением живой Вечности.

*Весна – это вишен цветы,
Лето – голос кукушки,
Осень – луна,
А зимою холодный
И чистый был снег.
Догэн “Хонрай мэммоку” [50]*

В отказе от конвенционального времени, через знание “временности” философствующий буддист приходит к реализации живого Времени как Бытия [51].

Три мира. Приложение.

В основу схемы положены данные, приводимые в работе: Ермакова Т. В., Островская Е. П. Классический буддизм. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.

Мир не-форм			
“Небо”		Продолжительность жизни божеств	
Небо Вершина Существования (оно же Небо Без Мысли и Без Безмыслия)		80.000 калып	
Небо Ничто		60.000 калып	
Небо Бесконечного Сознания		40.000 калып	
Небо Бесконечного Пространства		20.000 калып	
Мир форм			
Состояния йогического сосредоточения (“дхьяны”)	Божества	Высота тела в йоджанах (1 йоджана = 8 кроша = 4000 “луков” = 16000 “локтей”)	Продолжительность жизни (в калыпах)
Четвертая дхьяна	Высшие	16.000	16.000
	Ясновидящие	8000	8000
	Прекрасные	4000	4000
	Безмятежные	2000	2000
	Не самые великие	1000	1000
	Обладающие всевозрастающим плодом	500	500
	Обладающие избытком добродетели	250	250
	Безоблачные	125	125
Третья дхьяна	Всецелое блаженство	64	64
	Безграничное блаженство	32	32
	Ограниченное блаженство	16	16
Вторая дхьяна	Лучезарные	8	8
	Безграничное сияние	4	4
	Ограниченное сияние	2	2
Первая дхьяна	Великие Брахманы	1 ½	¾
	Жрецы Брахмы	1	½
	Сонмище Брахмы	½	¼
Мир желаний			
Божества	Высота тела (в крошах)	Продолжительность суток (в человеческих годах)	Продолжительность жизни (в божественных годах данного “неба”)
Божества, управляющие чудесными творениями, созданными другими	1 ½	1600	16000

Божества, наслаждающиеся собственными чудесными творениями	1 ¼	800	8000
Божества неба Тушита	1	400	4000
Божества неба Ямы	¾	200	2000
Божества неба Трипати трех (во главе с Индрой)	½	100	1000
Четыре Государя кругов	¼	50	500

Ссылки и примечания

1. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – Москва: Искусство, 1984.
2. Пока будем его понимать в самом общем смысле как избавление от страданий.
3. Сангха – буддистская монашеская община. В нашем случае есть Путь практического осуществления учения Будды – Дхармы.
4. Важно иметь в виду, что, приходя в Китай или Японию, буддизм превращался в “китайский” или “японский”.
5. Когда буддист говорит о страдании, он понимает его в более широком смысле, чем может показаться, поскольку страдание есть характеристика бытия как такового, а не каких-то его отдельных аспектов. Выделяется даже три типа страдания: “страдание как таковое”, “страдание перемен” и “страдание нестабильности”, которыми маркируется не только степень тотальности страдания, но и осознание его разными типами живых существ. Рождение человека при этом оказывается тем уникальным случаем, который позволяет осознать все три типа страдания, и, значит, иметь возможность от него освободиться.
6. Истина возникновения – это истина о причине страдания, которая понималась как влечение, жажда, привязанность к жизни в самом широком смысле. “Жажда” (пали *tanha*, санскр. *trṣṇā*) жизни касается не только приятного, но и неприятного – всего, что выражается в соответствующих реакциях и мотивациях, базирующихся на фундаментальном заблуждении (санскр. *avidyā*) относительно первой благородной истины.
7. “Полное бесстрашие и прекращение желания, отбрасывание его, отвержение его и освобождение от него без привязанности к нему” – Дхаммачакаппаватанасутта, 7. Цит по: В. Г. Лысенко, А. А. Терентьев, В. К. Шохин. Ранняя буддистская философия. Философия джайнизма. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1994. – С. 173.
8. Речь идет о Благородном Восьмеричном Пути (пали *aṭṭhaṅgika magga*, санскр. *aṣṭaṅgika mārga*), который делится на этап соблюдения обетов (санскр. *śīla-sampāda*): правильное поведение, правильный образ жизни; этап мудрости (санскр. *pañña-sampāda*): правильное воззрение, правильная решимость; этап сосредоточения (санскр. *śamādhi-sampāda*): правильное усердие, правильное памятование и правильное сосредоточение.
9. А не “судьба” или “участь”. Ибо над законом кармы человека не властны ни другие люди, ни боги, ни сверхъестественные силы: “Чистота и нечистота связаны только с самим собой, одному другому не очистить” (Дхаммапада, 165) Ср. у Бодэция: “Судьба связывает действия и ход жизни людей нерушимой цепью причин, берущих начало от неизменного провидения, и также с необходимостью являющихся неизменными” (Бодэций. “Утешение философией” и другие трактаты. – М.: Издательство “Наука”, 1990. – С. 267)
10. Важно иметь в виду, что в буддизме оценивается и, значит, имеет кармический результат или следствие только сознательное действие.
11. Буддистское понимание причинности относилось к категории *asatkāryavāda* (букв. “непредсуществование следствия [в причине]”), противоположной ряду учений *satkāryavāda* (букв.

- “существование следствия [в причине]”) считавших, что следствие предсуществует в причине как растение в семени, и все развитие растения-следствия есть лишь актуализация потенций, заложенных в семени-причине.
12. Двенадцать причин (тж. “связь причин”, 因縁, яп. инъэн, кит. иньюань, санскр. pratitya-samutpada): 1) незнание (無明, яп. мумэй, кит. умин, санскр. avidya); 2) движение (行, яп. ге:/ику, кит. син, санскр. samskara); 3) сознание (識, яп. сики, кит. ши, санскр. vijñana); 4) имя и плоть (名色, яп. ме:сики, кит. минсэ, санскр. nama-rupa); 5) шесть оснований [=органов чувств] (六処, яп. рокусе; кит. лючу, санскр. sadayatana); 6) ощущение (触, яп. соку/авару, кит. чжо, санскр. sparsa); 7) восприятие (受, яп. дзю:/укэру, кит. шо, санскр. samjña); 8) желание (愛, яп. ай/итосий, кит. ай, санскр. trsna); 9) соприкосновение (取, яп. сю/тору, кит. цюй, санскр. upadana); 10) бытие (有, яп. ю:/ару, кит. ю, санскр. bhava); 11) рождение (生, яп. сэй/уму, кит. шэн, санскр. jati); 12) старость и смерть (老死, яп. ро:си, кит. лаосы, санскр. jaramarana).
 13. В дальнейшем махаяна станет утверждать и “бессущность дхарм” – в доктрине dharmānairātmya. Вместе с “бессущностью личности” (санскр. pudgala-nairātmya) это и составляет доктрину “не-души”.
 14. Пять скандх (五陰, яп. го ун, кит. у инь), пять групп дхарм, на которые делится поток воспринимаемого мира: чувственность (色, яп. сики/иро, кит. сэ, санскр. rupa), восприятие (受, яп. дзю/укэру, кит. шоу, санскр. vedana), различение (想, яп. со:/омоу, кит. сян, санскр. samjña), творящие силы (行, яп. ге:/оконау, кит. син, санскр. samskara), сознание (識, яп. сики, кит. ши, санскр. vijñana).
 15. Дхармы (法, яп. хо; кит. фа, санскр. dharma) — обозначение единичных “носителей” неких признаков, не телесных и не бестелесных, на которые распадается поток, принимаемый нами за внешний мир и за наше собственное “я”.
 16. В буддизме различают шесть (иногда пять) типов путей (六趣, яп. року сю, кит. лю цюй) живых существ, которые соответственно распределяются каждый в своем мире.: 1) “подземных темниц” (地獄, яп. дзигоку, кит. дигой, санскр. naraka); 2) “голодных духов” (餓鬼, яп. гаки, кит. эгуй, санскр. pretaloka); 3) “животных” (畜生, яп. тикусе; кит. чупэн, санскр. tiryaḡoni); 4) “асуров” (修羅, яп. сюра, кит. сюло, санскр. asuraloka); 5) небожителей (тж. “богов” 天, яп. тэн, кит. тянь, санскр. devaloka); 6) людей (人, яп. нин, кит. жэнь, санскр. manisyloka).
 17. Три мира (三界, яп. сан кай, кит. сань цзе): мир желаний (欲界, яп. еккай, кит. юйцзе, санскр. kamadhatu), мир форм (色界, яп. сикикай, кит. сэцзе, санскр. rupadhatu) и мир не-форм (無色界, яп. мусикикай, кит. усэцзе, санскр. arupadhatu).
 18. Йоджана – мера длины, 1 йоджана = 160 км.
 19. Каждый материк определенной формы, которая повлияла и на форму лиц живущих на этих материках людей, срок жизни которых тоже четко определен. Подробнее см. Лбхидхармакоша (раздел третий “Учение о мире”) Васубандху. Комм. Е.П. Островской и В.И. Рудого.
 20. Далай-лама XIV сказал однажды, что если быть буддистом означает верить в мировую гору Сумеру, расположенные вокруг нее континенты и расположенный под землей ад, то он вообще не буддист.
 21. Гране М., Китайская мысль. – М.: Издательство “Республика”. 1994. – С. 61.
 22. Жульен Ф. О “времени”. Элементы философии “жить”. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 56.
 23. Розенберг О. О. Труды по буддизму. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 203.
 24. Выход из дома (出家, яп. сюцукэ или сюккэ, кит. чуцзя) — уход в монашество. “Вышедшие из дома”, монахи и монахини, противопоставляются “оставшимся дома” (在家, яп. дзайкэ, кит. цзайцзя), мирянам и мирянкам.
 25. Одной из характерных особенностей буддизма является “гармония между религиозным и философским элементом в буддизме, гармония, которою буддизм так резко отличается от других религиозных учений” – О. О. Розенберг “Об изучении японского буддизма” См.: Буддизм. Проблемы истории, культуры, современности. – Часть 1. – М., Наука, 1990. – С. 101-119. Публикация Т.В. Ермаковой.

26. Васубандху (санскр. *vasu-bandhu* или Добрый друг) – индубуддийский мыслитель IV-V вв., автор философско-религиозного трактата “Абхидхарма-коша” (санскр. *abhidharma-kosa* – Сокровищница высшего Законоучения), в котором изложены основные доктринально-теоретические положения Хиньяны. Этот текст до сих пор является обязательным предметом изучения в большинстве буддийских учебных заведений от Индии до Японии. Именно на его блестяще откомментированный перевод на русский язык, выполненный петербургскими буддологами В. И. Рудым и Е. П. Островской, я опираюсь. См.: Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). – М.: Ладомир, 1998.
27. В отличие от греческого “атом” (соответствующее латинскому “индивид”), который буквально означает “неделимый”, *ragamaṇa* представляет собой нечто иное. Это “тонкий”, материальный агломерат, состоящий в чувственном мире как минимум из восьми субстанций: четырех великих элементов и четырех производных видов материи (цвета-формы, запаха, вкуса и осязательной характеристики). Кроме того, *ragamaṇa* может включать в себя и психическую способность как дополнительную субстанцию, в этом случае он именуется “обладающим” этой конкретной способностью.
28. Это минимальная удаленность мест отшельничества от населенных пунктов. Иными словами, те, кто избрал своим уделом отшельническую аскезу, не должны были приближаться к деревне менее чем на один кроша.
29. Подсчитали, что 1 кшана равна 0,013 секунды.
30. Кальпа (劫, яп. ге:, кит. цзе), неизмеримо долгий временной промежуток, равный отрезку времени, которое проходит между возникновением и уничтожением мировой системы.
31. “Кальпа горчичных зерен”: пусть из амбара длиной в сто йоджан, до краев наполненного зернышками горчицы (芥, яп. кай/гоми, кит. цзе, тж. “мак” или “сезам”), один раз в сто лет вынимают по одному зернышку; кальпа — это тот срок, за который амбар опустеет; “Кальпа каменных глыб”: пусть мимо стены высотой в сто йоджан, сложенной из больших каменных глыб, один раз в сто лет проходит божество, задевая ее рукавом своего одеяния: кальпа — тот срок, за который стена будет стерта и сравняется с землей.
32. Это не означает, что люди умирают десятилетними детьми, просто их жизненный цикл уместается в 10 лет.
33. Даже на самом высшем уровне мира “не-форм” – Небе Без Мысли и Без Безмыслия, где его обитатели живут не меньше 80 000 кальп, все грустно и непостоянно, потому что через “некоторое время” они начинают предчувствовать смерть – прекращение своего существования (есть даже ряд признаков, по которым это становится очевидным: помутнение зрения, увядание цветов, повышенная потливость и т.д.). И не имеет смысла подсчитывать миллионы миллионов лет, которые они проживают, поскольку главное здесь содержится, пускай и на уровне образа, но в считываемости и парадоксальной “конечности вечности”.
34. Это одно из “четырех великих рассмотрений” условий рождения Будды: 1) времени; 2) материка; 3) страны; 4) семьи.
35. Цит. по Кожевников А. В. Буддизм в сравнении с христианством. – Т. 1. – М.: ИД “Грааль”, 2002. – С. 225.
36. Деление истории буддизма на три периода — Истинный Закон (正法, се:бо), Подобие Закона (像法, дзо:бо) и Конец Закона (末法, мапшо:), так знакомое японцам (сокращенно 正像末, се:дзо:мацу), получило довольно недавнее развитие. Появилось оно примерно в VI в. н.э. в Китае, возможно, первым записал его “предоснователь” школы Тяньтай (天台), Хуэйси (慧思, 515-577).
37. В каноническом тексте Чулаваги Будда говорит, что “без женского монашества Дхарма сможет распространяться среди людей в течение тысячи лет, а если женщины будут покидать свой дом ради Учения, то его век укоротится вдвое. Поскольку когда в семье много женщин и мало мужчин, ее имущество может сделаться добычей грабителей, так и Дхарма, охраняемая по преимуществу женщинами, будет беззащитна перед лицом врагов Учения”.
38. В ранних буддистских текстах срок мапшо не определяется, лишь говорится об “упадке” или “исчезновении” Закона. Однако идея, что Дхарма, возвещенная Буддой Шакьямуни здесь, на земле, имеет ограниченное время существования или истинности, очень стара. Уже ок.

- 200 до н.э. некоторые сутры содержат идею, что Закон Будды будет существовать в течение тысячи лет.
39. Последняя схема присутствует в “Абхидхармакоше” Васубандху, который так же определяет различие между этими двумя периодами: “Истинный Закон Татхагаты является двойным: первое — учение, второе — проявление... Дхарма проявления имеет продолжительность только в тысячу лет, но Дхарма учения сохраняется более того”.
 40. Концепция “конца Закона” получает свое развитие с фигурой Будды будущего Майтрейи. См. подробнее в статье Bragt J.v. *Apostalyptic Thought in Christianity and Buddhism// Japanese Religions.* – Vol. 23 (1&2). – Т., 2000. – Р. 11-28.
 41. См. “Дхаммапада”: пер. С пали / Введ. и коммент. В. Н. Топорова. – Самара: Агни, 1998; Вопросы Миллинды (Милиндапаньха). – М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.
 42. Щербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, – Ч. 2 – Санкт Петербург: Аста-Пресс Лтд., 1995. – С. 59.
 43. Будда отказался отвечать (=ответил “благородным молчанием”) на 14 вопросов философского характера: 1-4) Мир постоянен ли? Или нет? Или и то и другое? Или ни то, ни другое? 5-8) Мир ограничен ли (во времени)? Или нет? Или и то и другое? Или ни то, ни другое? 9-12) Существует ли Будда после смерти? Или нет? Или и то и другое? Или ни то, ни другое? 13-14) Жизнь и тело (личность) одно и то же? Или нет?
 44. Эта теория известна как уже упомянутая нами доктрина мгновенности (санскр. *khana-vaada/ksana-vaada*).
 45. Нагарджуна (санскр. *naga-arjuna*, или Змей-дерево) – буддийский мыслитель II в., основоположник мадхьямики (первой религиозно-философской школы махаяны), автор ее базисных текстов, например, такого как “Муламадхьямака-карика” (санскр. *mula-madhyamaka-karikah*, или “Коренные строфы о Срединности”).
 46. “Абидхарма” говорит о том, что продолжительность мысли равна 1/16 дхармы.
 47. Например, в простом восприятии объекта есть объективное отношение (*dramma-na-rassaaya*), отношение близости (*anantara-p.*), отношение смежности (*samanantara-p.*), предшествующее отношение (*purejaata-p.*), последовательное отношение (*raschadjaata-p.*), итоговое отношение (*vipaaka-p.*) и т.д.
 48. Розенберг О. О. Проблемы буддийской философии // Розенберг О. О. Труды по буддизму. – М.: Наука, 1991. – С. 44-254.
 49. Ср. интуицию современного японского философа Нисида Китаро (1870 – 1945): “Все во всем!”
 50. “Изначальный Облик” в пер. И. Е. Гарри, цит по Гарри И.Е. Дзен-буддийское мирозерцание Эйхэй Догэна. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 119.
 51. См. “Юдзи” (“Бытие и время”) трактат из сборника “Себо гэндзо” (“Драгоценная Зеница истинного Закона”) – Эйхэй Догэна (1200-1253) – средневековый японский буддист, философ, основатель направления Сото: Сю в традиции дзен-буддизма.

Author I. V. Gorenko

Buddhist Time or “Time” in Buddhism.

Annotation

This article presents a concise reconstruction of Buddhist concepts of time based on a broad survey of Buddhist studies material. These ideas are considered in the context of key doctrinal concepts such as the “four noble truths, the Law of Karma”, dharmic “ontology”, etc. Buddhists clearly distinguish the public (secular) mythological understanding of time from their own religious and philosophical Buddhist concept of time, provided in the writings of spiritual and intellectual leaders of Buddhism (in this case largely on the teachings of Nagarjuna). We analyzed the conceptual logic of the discrete-time process, which is actually equivalent to the logic of world order developed in the Buddhist doctrine of the Dharma.

Key words: time, discreteness, the continuum, dharma, karma, samsara, psycho-physical process.

Автор Я. Ю. Васильев

О будущем в контексте гносеологии прогнозирования

Прогнозирование оперирует понятием будущего, однако статус этого феномена неоднозначен. Онтологический статус будущего зависит от определенной концепции времени. В реляционной модели времени будущего нет, оно носит умозрительный характер. В субстанциональных моделях времени допускается объективное существование будущего. В случае такого допущения возникает необходимость описания характеристики такого будущего. В работе сделана такая попытка.

Ключевые слова: время, реляционная и субстанциональная модель времени, прогнозирование, будущее, открытое и закрытое будущее, новое.

Аннотация

Время – одна из самых больших загадок, с которой сталкиваются все, кто пытается постичь “начала начал”, понять, как устроено наше мироздание, поставить “предельные” вопросы. Время – это и философская, и научная проблема. Причем если философы понимают всю сложность этой категории, то представители многих наук зачастую вкладывают в понятие “время” собственный смысл. Так, есть “геологическое”, “биологическое”, “культурологическое” время. В наиболее “общем” смысле временем со стороны науки занимается теоретическая физика, цель которой – построение целостной модели реальности.

Философский подход к проблеме времени носит прежде всего аналитический характер. Изучение времени как антропологического или социального фактора заставляет философов ставить вопрос о природе времени “вообще”, ибо локальные трактовки времени приводят к разрыву между разными сферами реальности. Так, постулировав антропологическую природу времени (Августин Аврелий), невозможно объяснить феномены времени социального.

Автор данной работы столкнулся с необходимостью изучения вопросов, связанных с концепциями времени при анализе гносеологических предпосылок социального прогнозирования. Прогнозирование (любое) – это разработка вероятностного суждения о состоянии какого-либо явления в будущем [1]. Уже само

это определение содержит в себе структуру прогнозирования как деятельности. Если объект (какое-либо явление) изменяется во времени (переходит из одного состояния в другое), то для того, чтобы составить суждение о состоянии этого объекта, необходимо знание закономерностей его развития. Это универсальный принцип прогнозирования. Он существует во всех областях науки.

Таким образом, прогнозирование – это прежде всего познание будущего. Но будущее, наряду с прошлым и настоящим, – это известные нам формы проявления времени. Так, поставив вопрос о будущем, мы с неизбежностью приходим к вопросу о самом времени.

На сегодняшний день существуют две принципиальные трактовки времени, на основе которых выстраиваются те или иные теории. Первая из них – это так называемая субстанциональная модель, в рамках которой считается, что время – это независимая от материи и движения реальность. Пьер Симон Лаплас, развивая ньютоновскую концепцию вселенной, опиравшейся на субстанционально динамическую модель времени, пришел к выводу, что точное знание прошлого и настоящего позволяет точно предсказывать будущее. По модели Лапласа только ограниченные познавательные возможности человека не позволяют с достаточной точностью предсказывать будущее.

Другая полагает, что время – это свойство предметов, эту модель можно называть реляционной. Г. В. Лейбниц указывал, что время есть лишь феномен, появляющийся при сопоставлении последовательности событий. Эйнштейн в теории относительности также опирался на реляционную модель времени. Время зависит от скорости, а так как скорость имеет предел, то и понятия “раньше – позже” зависят от наблюдателя.

Синергетика разрабатывает реляционно-динамическую модель времени. Илья Пригожин предложил исследовательскую программу, которая бы включала в физическую теорию понятие “стрелы времени”. Физические формулы дают возможность описания физических процессов как обратимых, направляемых и в будущее и в прошлое, и не учитывают тех изменений, которые происходят в реальности.

Предлагаются и синтетические подходы, так, В. Н. Дубровский и Ю. Б. Молчанов полагают, что на разных уровнях организации материи время обладает разными свойствами. Реляционная модель применима для макроуровня, на уровне квантовой механики она не работает [2]. Близкую концепцию предложил американский ученый Д. Фрейзер. Он полагает, что время также может эволюционировать, изменять свои свойства. Время как свойство материи изменяется вместе с ней. Чем сложнее становился структурный уровень материи, тем более развитым становилось и время. Уровень элементарных частиц Фрейзер называет атемпоральным, здесь нельзя установить временной порядок и бессмысленно применять такие понятия, как прошлое, настоящее и будущее. Частицы, имеющие массу покоя, находятся на прототемпоральном уровне, здесь есть вероятностная причинность. Астрономические объекты находятся на эотемпоральном, и здесь время имеет вид строгой причинности, живые существа – это

четвертый уровень, психика и разум – пятый, а общество – это шестой, самый развитый вид времени. Очевидное противоречие теории Фрейзера заключается в умножении и впадении в дурную бесконечность, для описания изменений самого времени мы должны дополнительно ввести “время времени”, в котором оно должно изменяться.

Некоторые исследователи выводят реляционность времени как раз из свойства необратимости, “объективно-реальное, функциональное время несубстанционально, так как не является отдельной материализованной сущностью, веществом или полем. Поскольку же время несубстанционально и не имеет своего собственного или какого-то другого непреходящего содержания, оно не может быть и обратимым. Дело в том, что даже при обратном протекании материального процесса (если бы оно было возможно) время, образуемое им, не повернулось бы вспять, не будучи субстанциональной реальностью” [3]. Если некий реальный процесс пойдет вспять (например, расширение вселенной сменится сжатием), то вектор времени все равно не изменится. Реляционное объяснение этого феномена базируется на убежденности, что время есть функция реального процесса. Однако в данном контексте время выступает как некая универсальная система отсчета. Если время – функция материальных тел, то оно появляется и исчезает вместе с ними, а следовательно, системой отсчета быть не может.

Интересный ответ на вопрос, почему время вообще существует, дает А. М. Анисов (сторонник реляционного подхода), он отвечает в духе Аристотеля и Платона: “По-видимому, наличие времени обусловлено универсальной нехваткой ресурсов существования. Один из универсальных ресурсов – объективное пространство, вместительность вещей. Однако места всем не хватает. Объектов в мире гораздо больше, чем способно вместить в себя пространство” [4]. Но тогда возникает закономерный вопрос: где, как и в каком виде существ-

Взгляд в прошлое

Наиболее раннее в невосточной философии высказывание на тему времени принадлежит древнеегипетскому мыслителю Птаххотепу (ок. 2650–2600 до н.э.). Он писал: “Не умаляй времени следования желаниям, ибо растрачивание времени впустую противно духу.” В текстах “Вед”, наиболее ранних текстах индуизма (ок. XVI века до н. э. и позднее), описывается индуистская космология, в которой вселенная переживает повторяющиеся циклы создания, разрушения и возрождения, каждый цикл длится 4,320,000 лет. Античные философы, такие как Парменид Элейский и Гераклит Эфесский, писали трактаты о природе времени [Dagobert Runes, Dictionary of Philosophy, p. 318].

Понятие времени для инков было неотделимо от понятия пространства, как это выражается уже в самом слове “pacha”, что значит время и пространство одновременно. Время Пача делилось на: настоящее – пача, и прошлое-будущее – ньявпа-пача. И оно показывается идущим по кругу как назад, это обозначает термин павра пача – прошлое время, так и вперед, ведь это же слово значит будущее время и пространство вперед.

По представлениям жителей Перу в XVI веке, пространство-время бесконечно, поскольку на вопросы историка Сьеса де Леона к индейцам, “постигли ли они, что Мир должен закончиться, они смеялись” в ответ [Сьеса де Леон, Педро де. Хроника Перу. Часть вторая: Владычество Инков. Глава XXVI. (пер. А. Скрамницкий)].

вуют эти не попавшие в пространство вещи? Точно не у нас в голове. Может, в мире идей Платона? Но эти идеи (потенции) обладают стремлением стать существующими (как у Аристотеля). Предположение о том, что на настоящее бытие есть очередь желающих, приводит нас к очень сложной картине мира, в которой настоящее может оказаться далеко не основной формой действительности.

В целом реляционная трактовка времени слишком привязана к настоящему. Будущее и прошлое выступают в ней как некие условия настоящего бытия.

Итак, что же такое будущее? И на какую концепцию времени может опереться прогнозирование? Настоящее конкретно, оно наполнено бытием, оно длится. Будущее еще не существует как действительное, а прошлое – уже не действительное. Наличие прошлого и будущего указывает на необратимость времени. “Абсолютная повторяемость и абсолютная обратимость событий лишают прошлое, настоящее и будущее реальных различий. То, что будет, уже было, и то, что есть, уже было и еще будет; все потенции реализованы, вещи и события не возникают в собственном смысле этого слова, а лишь воспроизводятся. К такому миру неприменимо понятие развития. Именно такой была вселенная Ф. Ницше с ее “вечным возвращением” [5]. Если будущее открыто (изменяемо), а прошлое закрыто (неизменно), то настоящее, следовательно, делает изменяемое неизменным.

Нас прежде всего интересует, конечно, природа будущего. Некоторые исследователи полагают, что оно “...носит умозрительный характер. Будущее мыслится, как заполненное событиями, которые могут когда-нибудь стать настоящими” [6].

Здесь и кроется проблема. Если будущее состояние явлений носит умозрительный характер, то в таком случае прогнозирование – это деятельность по построению неких умозрительных конструкций в настоящем. И чем в таком случае “мысли о будущем” отличаются от других мыслей, например, от мыслей “о пегасах и эльфах”? И вообще, существовало ли “умозрительное” будущее, когда не было носителей ума?

Другие высказывают предположение, что “будущее существует в потенции, в тенденции, это сфера реальных возможностей развития. (Прошлое – это уже реализованные возможности, а настоящее – это момент перехода возможностей в действительность.) С другой стороны, возможности многообразны, их реализация – вероятностный процесс” [5]. Это классический аристотелевский подход – будущее как внутренняя потенция. Действительно, любой существующий объект имеет ограниченный набор возможных состояний. И в этом смысле будущее каждого объекта находится в нем самом.

Наконец, есть третья точка зрения, приписывающая будущему содержательный онтологический статус. Реальное существование будущего допускается в оригинальной концепции времени Н.А. Козырева. Козырев провел ряд физических опытов, в которых фиксировал “действие следствия на причину” или, по крайней мере, их связь в обратную (по времени) сторону [7]. Время у Козырева

энергично, оно, по сути, некое поле с переменной плотностью, в которое погружена вся материя. Универсальная причинно-следственная связь между явлениями выступает каналом, по которому время и изменяет действительность. Вызывает интерес такой аспект концепции Козырева, как зависимость плотности времени от смены сезонов, активности биосферы и других причин. Снижение плотности времени приводит к ослаблению причинно-следственных связей. Будущее в таком ракурсе есть реальность, представляющая собой набор неких альтернатив. Именно реальность, так как для того, чтобы выбор альтернативы состоялся, она (альтернатива) должна быть.

В работе А. В. Антипина “О возможности получения информации из Будущего” [8] таким образом интерпретируется многолетняя статистика игры в “Спортлото”. Количество зафиксированных выигрышей значительно превосходило теоретически допустимое. Автор для объяснения этого феномена также опирается на субстанциональную концепцию времени Н. А. Козырева. Ослабление причинно-следственных связей допускает одновременность альтернативности события, т.е. воздействие будущего на прошлое может выражаться в изменении вероятности этого события. К примеру, выпадение игральных костей. Так – С. Переслегин указывает на отмеченный многими любопытный факт. Перед сражением у атолла Мидуэй в японском генштабе моделировали возможный бой, а для учета фактора случайности использовались кости. Выпавшая в ходе штабной игры комбинация означала гибель трех японских авианосцев. Событие крайне маловероятное, но затем удивительным образом подтвердившееся [9]. Антипин пишет: “Мы предполагаем, что усиление способности предвидения является следствием снижения “жесткости” причинно-следственных связей (инициируемого уменьшением плотности времени)” [10].

Если будущее существует онтологически, то оно может обмениваться информацией с настоящим. Речь идет не о философских доказательствах, а именно об эмпирических фактах, позволяющих допустить такую трактовку. Речь идет о проскопии. Однако мы оставляем за рамками нашей работы анализ многочисленных пророчеств, предсказаний и гаданий, так как это выходит за рамки нашего исследования.

Пожалуй, нецеленаправленные случаи предвидения будущего можно трактовать как действительный контакт настоящего с будущим. Отечественный исследователь В. А. Чернобров в своей популярной книге “Гайны времени” [11] приводит большое количество эпизодов, иллюстрирующих случаи проскопии.

“В 1978 году при неудачной попытке взлететь с Внуковского аэродрома недалеко от автотрассы упал и раскололся лайнер Ту-104 рейса “Москва-Одесса”, при этом около половины пассажиров погибло. Как позже вспоминал криминалист Б. Герасимов, занимавшийся расследованием этого случая, внимание следственных органов привлек нервный пассажир, чех по национальности, который по непонятным причинам буквально за считанные минуты до посадки сдал билеты и поехал в Одессу поездом. Свои действия позже он никак не мог мотивировать, но все подозрения в теракте отпали после того, как выяснились

истинные технические причины катастрофы, знать о которых “нервный пассажир” никак не мог...” [там же].

“14 ноября 1996 года в аэропорт города Ухта вошла женщина, подошла к кассе и сдала билет, а вечером того же дня в районе поселка Пысса республики Коми потерпел крушение пассажирский самолет Ан-12. Из пассажиров и членов экипажа в живых никого не осталось. На вопрос, почему же она сдала билет на тот рейс, счастливица так и не смогла ответить: “Не знаю, я просто чувствовала: лететь не надо. Знаете, как бывает, – подкашиваются ноги при мысли о полете. Я тогда провела на улице и день, и следующую ночь, потому что не было денег на гостиницу. И спокойно улетела домой на другом рейсе...” [там же].

Вышеперечисленные примеры взяты нами из литературы, и возможности перепроверить эти данные у нас нет. Но если эти эпизоды трактовать как доказательство реального существования будущего и возможности получения информации из него, то мы сталкиваемся с большими проблемами.

Стремление человека изменить будущее (например, намерение совершить полет) натывается на препятствие в виде интуиции либо других форм предчувствия. Это вполне объяснимо. По какому же каналу информация из будущего (если таковое есть) может попасть в настоящее? Ответ очевиден: ни одна из известных форм взаимодействия не может передать такой сигнал в силу того, что будущее не имеет реального физического воплощения (согласно теориям, принятым в настоящее время научным сообществом).

Ответ на вопрос, почему человеческий мозг в состоянии воспринимать информацию из будущего (если таковое существует), нужно искать в ответе на вопрос о природе творческих способностей, интуиции и границах рациональности и структуре реальности.

Модель будущего, на наш взгляд, гораздо сложнее. Мы осмелимся предложить свою трактовку этой модели.

1. Если альтернативы одной вещи существуют в ней как потенции, где должны существовать альтернативы сочетаний и отношений различных вещей? Только в объективном будущем. Итак, первое свойство будущего – это альтернативность. Оно возникает благодаря тому, что в будущем пространство и время еще не разделены. Они существуют в виде единой целостности. Именно поэтому мы можем применить к будущему времени описание, более подходящее к пространству. Так, в будущем одновременно сосуществуют различные варианты действительности (параллельные миры), человек именно в будущее проецирует пространство решений, альтернативы своей деятельности. Будущее по своим свойствам подобно информационному бытию мыслей и идей в человеке. Но если человек все же не может мыслить альтернативы одновременно (так как он находится в настоящем), то будущее содержит эти альтернативы именно благодаря тому, что время и пространство в будущем обладают взаимодополняющими свойствами. Будущее содержит в себе пространство вариантов. Становление в рамках такого подхода – это процесс разделения пространства и времени на относительно самостоятельные субстанции.

Обладая свойствами пространства, будущее позволяет и перемещаться в себе как в пространстве – от одного объекта к другому и обратно. Важнейшее свойство времени – необратимость в пространстве вариантов (будущем) – еще не работает.

Кстати, мы опять видим некую субстанциональность, являющуюся нам при описании взаимодействия настоящего и будущего. По мере разворачивания настоящего количество альтернатив (обладающих неполноценным бытием) уменьшается, а наполненность бытием одного варианта растет, как будто некая субстанция перетекает из состояния множества потенциальных альтернатив в состояние бытия одного варианта.

2. Разделение времени на прошлое, настоящее и будущее приводит к определенным парадоксам. Так, например, какова направленность времени? Мы из настоящего движемся в будущее, будущее движется навстречу нам, а прошлое удаляется от нас. Образно это можно передать так: $\leftarrow П \rightarrow Н \rightarrow \leftarrow Б$. Но действительно ли это так? Может, настоящее – это камень на пути потока времени или самолет, летящий во времени, как в пространстве.

Ясного ответа на эти вопросы нет. Мы полагаем, что если будущее может изменяться, то оно может двигаться как навстречу настоящему, так и от него. Способность изменяться и двигаться также присуща будущему.

3. Будущее – это существующий объект, однако его бытие отличается от бытия настоящего (действительности). Можно выделить две принципиальные концепции будущего. Это закрытое и открытое будущее. Концепция закрытого будущего подразумевает наличие жесткого детерминизма, который неизбежно определяет наступление совершенно конкретного будущего. Знание этих законов и причинно-следственных механизмов позволяет делать точные и ясные прогнозы. Такое будущее существует объективно и независимо от субъекта. Концепция открытого будущего подразумевает, что, кроме причинных связей, имеется наличие хаотических и спонтанных отношений, дающих возможность выбрать и реализовать

Есть мнение

Путешествия во времени – тема животрепещущая не только для писателей-фантастов. Современная наука допускает несколько возможных способов путешествия в будущее (строго говоря, любой человек путешествует в будущее, даже когда он просто лежит на диване, так что речь идет об ускоренном путешествии):

– Физический (на основе следствий теории относительности): движение со скоростью, близкой к скорости света. Время путешествия, измеренное по часам того, кто двигался с такой скоростью, всегда меньше измеренного по часам того, кто оставался неподвижен (“парадокс близнецов”).

– Нахождение в области сверхвысокой гравитации, например, вблизи горизонта событий черной дыры.

– Биологический – остановка метаболизма тела с последующим восстановлением. Например, замораживание (крионика).

Следует заметить, что все названные способы не предусматривают какого-либо обратного возвращения в исходный (точнее, любой более ранний) момент времени, то есть не отвечают критериям “машины времени”, описанной в научно-фантастической литературе.

Кроме того, есть несколько гипотетически возможных способов попасть в прошлое.

(Источник – свободная Интернет-энциклопедия “Википедия”)

наиболее желаемую перспективу. Концепция открытого будущего по-иному трактует проблему детерминизма: здесь будущее выступает как следствие воли.

На наш взгляд, будущее двойственно (и открыто, и закрыто), оно при определенных условиях существует реально (на это косвенно указывают случаи с пассажирами самолетов, отказавшимися садиться на обреченный рейс), а при определенных условиях будущего не существует, и его можно конструировать самостоятельно.

Опираясь на трактовку будущего как двойственного, можно даже наметить контуры эволюционной онтологии. Бытие, постоянно изменяясь во времени (двигаясь в будущее), должно сохранять определенную стабильность не только на уровне фундаментальных законов и принципов, но и на уровне конкретных фактов и ситуаций. В определенной степени это достигается благодаря различной скорости протекания процессов (короткие и длинные циклы, внутреннее время различных систем и т.д.). Однако, по всей видимости, существует и еще один механизм, благодаря которому желательные или необходимые изменения бытия, свершившись, сохраняются и не подвергаются угрозе дальнейшей изменчивости – это детерминизм. Бытие (сущее) как бы выстреливает в будущее якорями (ситуациями, которые не должны больше изменяться), и именно они удерживают нашу действительность от хаоса и распада и притягивают в будущее всю действительность. Детерминированные элементы действительности не подлежат изменению, а значит, прогнозируемы независимо от вмешательства человека. Как их определить? Прежде всего, в нашем наблюдаемом настоящем то, что должно в будущем сохраниться (факты, события, ситуации), должно отличаться от событий и ситуаций, которые будут принесены в жертву изменчивости и станут просто строительным материалом. Поиск критериев, разделяющих области уже сформированного будущего и области будущего открытого, – это отдельная и большая работа.

Данная концепция также позволяет глубже и богаче разработать категорию нового. Новое – это то, чего не было в причинах и условиях, это новое породивших [12]. Понятие “новое” обычно используется при характеристике более широкой категории “развитие” и означает изменения в составе объекта, его структуре и свойствах. В самом широком смысле слова содержание нового включает все изменения в объекте: в его составе, структуре, функциях, состоянии. Если опереться на принцип всеобщей взаимосвязи, возникает закономерный вопрос: возможно ли предположить, что все изменения относительны? Если количество типов взаимодействия ограничено, то теоретически можно допустить, что возможен перебор всех вариантов взаимодействия и сочетания объектов. Такое допущение опять приводит нас к вселенной Ницше, к “вечному возвращению”, повторению по кругу. В таком ракурсе новое относительно. То, что ново для нас, не ново для общества, истории или мира в целом. Новое – это хорошо забытое старое.

Такая модель удобна для прогнозирования, но не оставляет места для человека и его свободы. Это тот же железный (лапласовский) детерминизм, выражен-

ный в иной плоскости. На практике этот упрощенческий подход совершенно непродуктивен.

А. Н. Чанышев предлагает искать новое в небытии. "...Новое – это то, чего не было в причинах и условиях, это новое породивших. Но где оно было, когда его не было? В небытии. Это эмерджентный модус небытия" [там же]. За новое можно принять только то, чего не было в старом. Эта трактовка (описание небытия как имеющего качества), на наш взгляд, уже изначально опровергнута Парменидом. Речь может идти о разных формах бытия. Термином "небытие" может быть обозначен источник конкретных видов бытия, если отождествить его содержание со сферой потенциального бытия. Потенциальное и актуальное (ставшее) бытие – это разные моменты одной и той же реальности. Переход первого во второе совершается по определенным законам. В то же время возможная реальность является конкретным небытием, из которого могут возникнуть конкретные объекты. Потенциальная реальность существует в тех же формах, что и актуальная. То есть она изменяется во времени. Существуют и пространственные границы ее актуализации. Но даже если допустить небытие в качестве источника нового, возникает вопрос о механизме перехода из небытия в бытие.

Представление об актуальном бытии формируется у человека на основе чувственных данных и абстрактного мышления. Последнее позволяет выйти за рамки чувственного восприятия, мысленно проникнуть в глубь вещей, преодолеть в их изучении пространственно-временные границы "здесь и теперь". Возможная реальность (небытие вещей), в отличие от актуальной, имеет неопределенный, вероятностный характер (нечто вроде "безымянного дао" Лао-цзы). Небытие – это сфера формирования устойчивых связей из хаоса случайностей. Поскольку научный прогноз – это знание о "небытии", спроецированное в будущее, степень проникновения науки в данную сферу обуславливает точность прогноза.

То есть говорить о новом как о небытии можно только условно. Новое в

Есть мнение

Общая теория относительности допускает возможность существования "кротовых нор" (английский термин *wormhole* – червоточина). Это нечто вроде туннелей (возможно, очень коротких), соединяющих удаленные области в пространстве. Разрабатывая теорию кротовых нор, К. Торн и М. Моррис заметили, что, если перемещать один конец (А) короткой норы с большой скоростью, а потом приблизить его к другому концу (Б), то – в силу парадокса близнецов – объект, попавший в момент времени Т во вход А, может (см. ниже) выйти из Б в момент, предшествующий Т (таким способом, однако, невозможно попасть во время, предшествующее созданию машины времени).

В 1936 г. Ван Штокум обнаружил, что тело, вращающееся вокруг массивного и бесконечно длинного цилиндра, попадет в прошлое (позже Ф. Типлер предположил, что это возможно и в случае цилиндра конечной длины). Таким цилиндром могла бы быть так называемая космическая струна, но нет надежных свидетельств, что космические струны существуют, и вряд ли есть способ создавать новые.

Можно, наконец, вообще ничего не предпринимать, а просто дожидаться, пока машина времени образуется сама собой.

(Источник – свободная Интернет-энциклопедия "Википедия")

предложенном нам образе (двойственном будущем) присутствует как пустое недетерминированное поле возможностей и порождает бесконечность вариантов, которые безграничны. Также можно предположить, что в генезисе нового есть элементы эклектики, т.е. совмещения несовместимого. Такое возможно при допущении, что в эволюции систем нет границ и принцип всеобщей взаимосвязи допускает трансформацию всего во все.

Здесь хотелось бы дополнить концепцию реально существующего будущего постулатом об иерархии систем. Каждое взаимодействие порождает свое “облако” вероятностного будущего, его еще можно представить в виде кругов на воде, а детерминированные связи порождают устойчивые каналы будущего, и нет видимых препятствий для проекции этой модели на более устойчивые и длительные уровни реальности. Если выделить внутреннее и внешнее время системы (внутренняя последовательность событий на линии, а внешняя последовательность событий данной системы с позиции более крупной сверхсистемы, в которой система является элементом). Внешнее время дает нам картину циклов. Скорость, в таком случае, – это характеристика внутреннего времени. Наш темп жизни, наш уровень взаимодействия, как маленькая матрешка, находится в лоне более длительных периодов и процессов (например, геологических), а те, в свою очередь, – элементы ритмов космического масштаба. А раз есть процессы и взаимодействия, которые в силу своей медлительности кажутся нам фоном нашей быстро меняющейся жизни, то и будущее этих процессов (которое также есть в виде вероятностных перспектив) для нашего будущего будет тем же реальным фоном, что и в настоящем.

То есть с точки зрения малой системы можно делать прогнозы относительно системы большей по масштабу. Хотя и в очень ограниченном объеме. Так, показателен пример с проблемой антропогенного воздействия на атмосферу. С тем, что есть антропогенный фактор, никто не спорит, но как поведет себя атмосфера (будет ли это потепление или ледниковый период), никто точно сказать не может. Малая подсистема (человечество) влияет на большую систему (биосферу земли), и предсказать последствия своего влияния не может.

Тут мы напрямую сталкиваемся с еще одной особенностью взаимодействия систем во времени. Находясь на одном темпоральном уровне (человек – человек), уверенные прогнозы делать легко. Но если воздействие происходит на систему гораздо более масштабную, то и ответ ее будет отложенным (“божки мельницы мелют медленно”).

То же верно и по отношению к большой системе. Большая система может делать устойчивые прогнозы для систем малых. Опираясь на самый простой эмпиризм (к примеру, наблюдая смену поколений микробов), можно проецировать будущее микросистем только за счет разницы в темпах существования.

Безусловно, изучать такие аспекты времени, как прошлое, настоящее и будущее, надо комплексно. И возможно, что проблемы предвидения будущего, прогнозирования будут решены как частный случай общей теории времени.

Современная практика прогнозирования пока не может опереться на катего-

рию будущего как основной источник прогнозной информации. Выше мы уже упоминали, что контакт с будущим – дело крайне затруднительное. Информацию о будущем мы должны черпать из настоящего. На наш взгляд, настоящее не может быть отождествлено только со становлением (в чем, например, упрекает синергетику Кутырев [13]). В настоящем присутствует и бытие в виде ставшего. Именно ставшее участвует в процессе становления, в процессе рождения нового, и его нельзя свести к роли “повивальной бабки” или “навоза истории”. Ставшее само по себе есть бытие. Бытие, имеющее, безусловно, конечную длительность (время своего существования), но все-таки полноценно существующее в конкретной форме бытие. Если будущее движется навстречу настоящему, то настоящее движется навстречу будущему. Таким образом, именно принципы изменения настоящего дают возможность увидеть контуры будущего.

Ссылки и примечания:

1. Прогнозирование // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 26.
 2. Дубровский В. Н., Молчанов Ю. Б. Эволюционирует ли время, пространство и причинность? // Вопросы философии. – 1986. – № 6. – С. 137-144.
 3. Лолаев Т. П. Почему время принципиально необратимо // Вестник Владикавказского научного центра. – 2001 – №2.
 4. Анисов А. М. Свойства времени [электронный ресурс] // Электронная полнотекстовая “Библиотека Ихтика”. – Свободный доступ из сети Интернет. – URL: <http://ihtik.lib.ru/philosbook>
 5. Аскин Я.Ф. Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: “Наука”, 1974. – С. 67-73.
 6. Казарян В. П. Будущее [электронный ресурс] // Институт исследований природы времени. – Свободный доступ из сети Интернет. – URL: <http://www.chronos.msu.ru>.
 7. Левич А. П. Субстанциональная интерпретация концепции времени Н. А. Козырева [электронный ресурс]. // Институт исследований природы времени. – Свободный доступ из сети Интернет. – URL: http://www.chronos.msu.ru/Public/levich_sub_interpretaciya.html.
 8. Физическая мысль России. – 1999. – № 1/2. – С. 80-103
 9. Переслегин С., Переслегина Е.. Тихоокеанская премьера. – М.: АСТ, 2001. – 621 с.
 10. Антипин А. В. О возможности получения информации из Будущего // Физическая мысль России. – 1999. – № 1/2. – С. 80-103.
 11. Чернобров В. А. Тайны времени. -М.: Олимп, 1999. – 587 с.
 12. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 160.
 13. Кутырев В. А. Оправдание бытия // Вопросы философии. – 2000. – № 5.
-

Author J. J. Vasil`ev.

About the future in the context of epistemology foreseeing.

Prediction uses the term “future” but the status of this phenomenon is ambiguous. The ontological status of the future depends on the particular concept of time. In a relational model of time there is no future, it is speculative in (by) nature. In models of the substantial time may be the objective existence of the future. In case of this assumption it is necessary to describe the characteristics of such a future. We made such an attempt.

Keywords: time, the relational model and the substantial time, forecasting, the future, opening and closing future, new.

Annotation

Автор Г. В. Данилов

Возрастная структура профессорско-преподавательского состава УГТУ

Аннотация

На примере Ухтинского государственного технического университета (УГТУ) изучена возрастная структура профессорско-преподавательского состава (ППС) регионального вуза. На фактическом материале описана тенденция старения ППС, особенно его мужской компоненты, приведены меры противодействия этой тенденции в УГТУ. С помощью математико-статистических методов объяснены провалы в возрастных категориях ППС 35-50 лет, получены численные оценки недобора штатных преподавателей в период 1985 – 2009 г.г. Обнаружена линейная зависимость от времени (с шагом 12 лет) процесса продвижения по служебной лестнице среднестатистического преподавателя от ассистента до профессора, полезная при планировании своей карьеры начинающему преподавателю вуза.

Ключевые слова: возрастная структура, профессорско-преподавательский состав, тенденция старения кадров, планирование карьеры, гендерный дисбаланс.

На страницах российской вузовской печати традиционно широко освещаются такие вопросы, как качество подготовки специалистов, методические, воспитательные, информационные и научные аспекты образования. Вместе с тем, значительно меньше внимания уделяется исследованию интеллектуального ядра любого вуза – его профессорско-преподавательского состава (ППС) как профессионального сообщества людей, как специфического социума.

Так, за все время существования Ухтинского государственного технического университета/Индустриального института никаких социологических исследований, посвященных изучению характеристик ППС, не проводилось. В результате мы не знаем ни возрастной структуры ППС УГТУ, ни

ее гендерных характеристик, ни мотивационных параметров, ни склонностей, устремлений и предпочтений наших преподавателей (вообще, такого рода исследования должны проводить в первую очередь социологи и психологи, но ни тех, ни других у нас, к сожалению, нет).

Недавно в нашем университете была предпринята первая попытка восполнить этот досадный пробел. И начали мы с изучения возрастной структуры профессорско-преподавательского состава УГТУ. Объясняется это прежде всего тем, что все (или почти все) необходимые для таких исследований исходные данные сравнительно легко извлекаются из имеющейся в университете системы учета, а сами данные обладают высокой степенью достоверности.

Так, управление кадрами предоставило в наше распоряжение даты рождения всех штатных преподавателей, включая внутренних совместителей, с указанием их пола, должности, ученой степени и звания. В отделе аспирантуры мы получили сведения о датах защит кандидатских и докторских диссертаций за 11-летний период (с 1998 по 2008 г.г.). Кое-какие данные подобного рода, касающиеся преподавателей государственных вузов Республики Коми, нам любезно предоставило Министерство образования республики, что позволило сравнить отдельные возрастные параметры ППС УГТУ с аналогичными параметрами по республике в целом.

Прежде всего отметим, что в нашей республике функционирует 15 государственных высших учебных заведений, в которых занято 1250 преподавателей, из них 286, то есть около четверти (а точнее, 22,9%) сосредоточено именно в нашем университете.

Гендерный дисбаланс, то есть, в данном случае, превышение численности женщин над мужчинами в составе ППС, в нашем университете составляет 14,7%, что примерно на треть ниже, чем по республике в целом (там – 21,6%).

Это имеет свое объяснение: УГТУ – вуз технический, в то время как в республике наряду с техническими вузами (УГТУ, СЛИ, ВГИ) имеется ряд гуманитарных (КРАГСнУ, КФ КГМА, КРИРОиПК, СФ ГАСнЭ) и “смешанных” (СГУ, КГПИ), в которых большую долю составляют преподаватели-женщины.

Перейдем непосредственно к рассмотрению возрастных характеристик преподавательского коллектива УГТУ. Поскольку все мы живем в Ухте или в ухтинском районе, рассмотрим вначале половозрастную пирамиду населения Ухты, полученную по данным последней переписи (к сведению: половозрастная пирамида – это две гистограммы распределения по возрасту численности мужчин

и женщин с общей осью возрастных интервалов).

Из нее, в частности, можно узнать, что средний возраст ухтинца составляет 33,1 года (для сравнения: по РК – 33,5 года), ухтинки – 37,4 лет (по РК – 36,4, на год моложе). Таким образом, средняя женщина в нашем городе на 4,3 года старше среднего мужчины. В этом нет ничего удивительного, поскольку женщины в среднем живут значительно дольше мужчин. Например, по республике средняя продолжительность жизни женщин составляет 70 лет, в то время как мужчин –

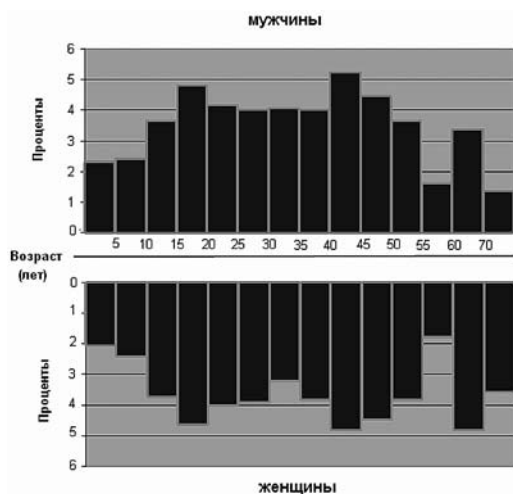

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения города Ухты

только 58 лет. Поэтому “хвост” женской гистограммы жирнее, чем мужской, отсюда и превышение среднего возраста женщин над возрастом мужчин.

Профессорско-преподавательский коллектив УГТУ – это выборка из населения Ухты и ухтинского района. Но выборка – особая. Во-первых, она, как говорят статистики, цензурированная. Поскольку преподаватель университета обязан иметь высшее образование, то он не может быть моложе 22-23 лет (в среднем 22.5 года). Значит, для того чтобы сравнивать пирамиду населения Ухты с возрастной структурой ППС УГТУ, ее (пирамиду) прежде всего надо обрезать слева на уровне 22,5 года.

Средний возраст таких, “обрезанных” мужчин уже будет, естественно, больше, а именно – 43,7 лет, соответственно женщин – 47,0 лет (рис. 2).

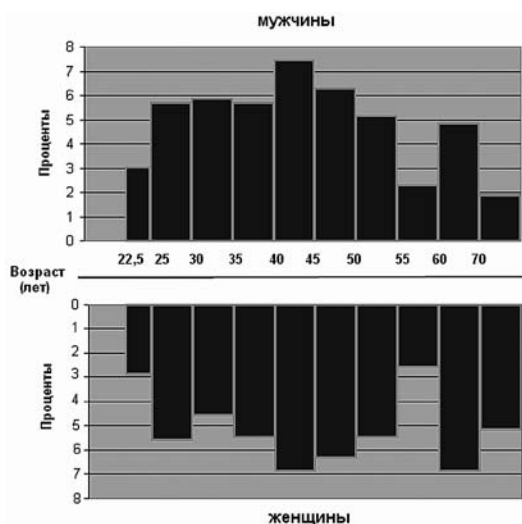

Рис. 2. Обрезанная слева половозрастная пирамида населения города Ухты

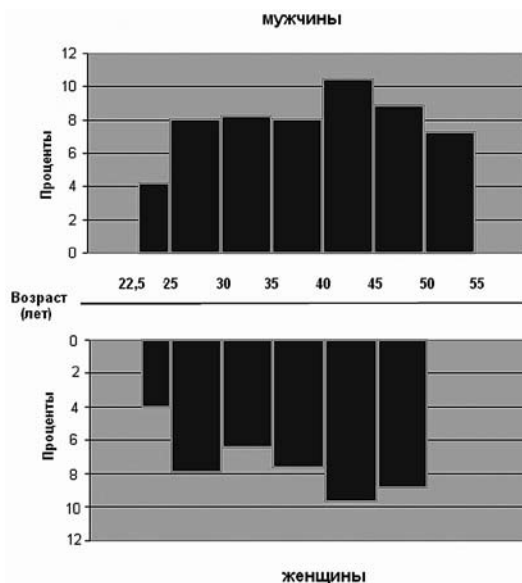

Рис. 3. Обрезанная слева и справа половозрастная пирамида населения города Ухты

Теперь учтем, что у нас речь идет только о работающих людях. Представим себе на секунду, что каждый преподаватель-мужчина, как только ему исполнится 55 лет (пенсионный порог на Севере), немедленно уходит на пенсию. Точно так же поступает преподаватель-женщина в 50 лет.

Тогда пирамида приняла бы следующий вид (рис. 3).

В этом случае средний возраст преподавателей-мужчин и женщин уменьшился бы и, как показывают расчеты, стал бы равным для мужчины 38,8 лет, для женщины 36,9 лет. Теперь уже мужчина старше женщины, правда, всего на пару лет.

На самом деле средний возраст преподавателя-мужчины УГТУ сегодня равен 54,2 года, а женщины 45,1 лет, то есть реальные цифры значительно больше, чем гипотетические. Это понятно, ведь часть мужчин и женщин после достижения пенсионного возраста остаются работать в университете, а не увольняются. Но что самое интересное, средний преподаватель-мужчина в нашем университете старше среднего преподавателя-женщины на 9,1 лет! Это огромная разница. В чем здесь дело?

Для ответа на этот вопрос посмотрим на половозрастную пирамиду ППС УГТУ.

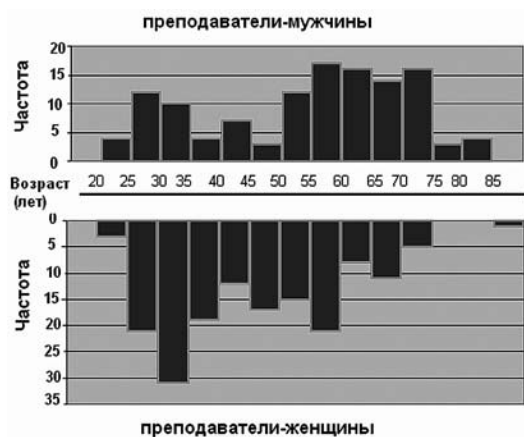

Рис. 4. Половозрастная пирамида ППС УГТУ

УГТУ составляет 57,4% : 37,2%, то есть доля мужчин в этих возрастных категориях выше доли женщин более чем в 1,5 раза.

Объясняется это тем, что мужчины не торопятся уходить на пенсию. Поскольку их активная жизнь тесно связана с профессиональной деятельностью, они в большинстве своем работают “до упора”. В то же время женщины находят себе полезное применение по домашнему хозяйству и в семье, и многие из них сразу по достижении пенсионного возраста или чуть позже охотно уходят на пенсию.

В более общем плане было бы интересно количественно оценить, насколько “старым” (или “молодым”) является наш преподавательский коллектив. В демографии такая классификация существует, и притом в самых разных вариантах (шкала ООН, шкала Э.Россета-Ж.Боже-Гарнье и другие). Однако нам эти шкалы не подходят, поскольку они включают в себя такие возрастные группы, как младенческий и подростковый возраст, которые среди ППС начисто отсутствуют. Будем считать, как это делают при возрастной классификации ученых, “молодыми” преподавателями тех, чей возраст не превышает 35 лет, в диапазоне 35-50 лет – “зрелыми”, а старше 50 лет – “пожилыми” (название последней группы ППС, нравится нам или нет, довольно часто мелькает сегодня на страницах вузовской печати).

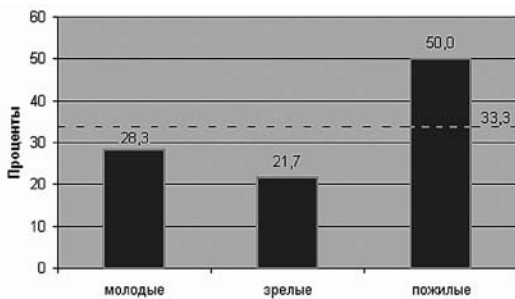

Рис. 5. Распределение ППС УГТУ по возрастным категориям

Как у мужчин, так и у женщин гистограммы простираются далеко вправо в сторону возрастов, больших пенсионного, но теперь уже у мужчин “хвост” толще и длиннее, чем у женщин. Таким образом, несмотря на то, что женщины живут в среднем дольше, чем мужчины, доля пожилых работающих преподавателей среди мужчин заметно выше, чем среди женщин. Расчеты показывают, что соотношение между работающими мужчинами и женщинами пенсионного возраста в структуре

но часто мелькает сегодня на страницах вузовской печати).

Существует точка зрения (и притом не лишённая логических оснований), что в преподавательском коллективе должны в равной степени присутствовать лица этих трех возрастных категорий: молодежь – это наше будущее, зрелость – это локомотив, старшее поколение – это опыт.

У нас в университете молодых преподавателей 28,3%, зрелых – 21,7%, пожилых – 50,0%.

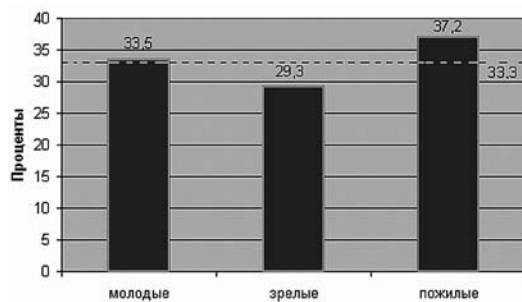

Рис. 6. Распределение преподавателей-женщин УГТУ по возрастным категориям

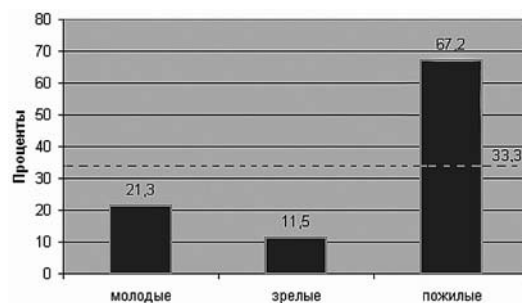

Рис. 7. Распределение преподавателей-мужчин УГТУ по возрастным категориям

мужчин”. Во всяком случае, как превентивная мера необходим соответствующий возрастной мониторинг.

Объединяя возрастную информацию о мужчинах и женщинах – ППС УГТУ, заключаем, что средний возраст преподавателя в нашем университете (независимо от пола) составляет 49 лет;

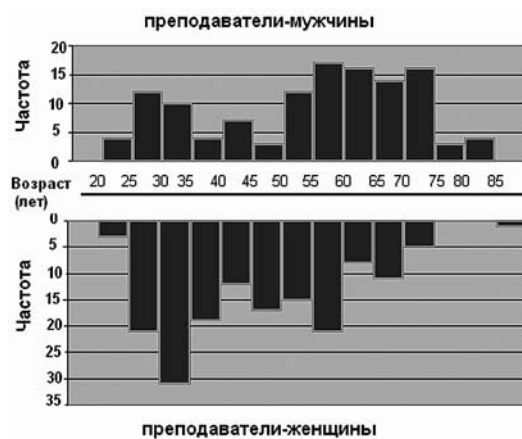

Рис. 8. Половозрастная пирамида ППС УГТУ

Первая – демографическая. С учетом наиболее активного детородного периода женщин 20 – 29 лет, вторая волна военного дефицита припала на конец

Таким образом, налицо сильный перекоп в сторону старших возрастов – сам по себе уже тревожный факт. А кто больше “виноват” в этом перекопе – мужчины или женщины? Оказывается, у женщин это соотношение 33,5: 29,3 : 37,2 и отклоняется от оптимального (33,3: 33,3: 33,3) всего на 4%.

То есть возрастное распределение преподавателей-женщин у нас практически оптимальное.

Зато у мужчин оно составляет 21,3 : 11,5 : 67,2 – сильнейший перебор пожилых и недобор зрелых и молодых!

Если не принимать соответствующих кадровых решений, то с годами этот перекоп будет только увеличиваться, и через какие-нибудь 10 лет университет рискует превратиться в “дом престарелых мужчин”.

Во всяком случае, как превентивная мера необходим соответствующий возрастной мониторинг. Объединяя возрастную информацию о мужчинах и женщинах – ППС УГТУ, заключаем, что средний возраст преподавателя в нашем университете (независимо от пола) составляет 49 лет; это немного выше, чем по государственным вузам РК (там – 47,3 лет), так что мы почти на два года “старее”, чем средний ППС по вузам республики.

Для более детального анализа возрастного спектра преподавателей обратимся снова к возрастной пирамиде ППС УГТУ.

Обратите внимание на явный провал в диапазоне возрастов 35 – 50 лет как у мужчин, так и (в несколько меньшей степени) у женщин. Он объясняется двумя причинами.

60-х, которая и дала некоторый спад в 2008 году в возрастной категории лиц 35 – 50 лет.

Вторая причина – социально-экономическая.

Начиная с горбачевской “перестройки” и далее в период “дикого” капитализма в России доходы лиц, работающих в коммерческих структурах, стремительно росли по сравнению с зарплатой бюджетников. Естественно, выпускникам вузов (в том числе и УИИ-УГТУ) более привлекательны стали рабочие места в этих структурах, нежели преподавательская работа в вузе. Поэтому если раньше молодой человек с высшим профессиональным образованием после нескольких (обязательных) лет работы на предприятии (скажем, 3-5 лет) решался перейти на преподавательскую работу в вузе (больше свободного времени и научные перспективы), то теперь этот приток в вузы значительно сократился именно по причине низкой заработной платы, а также непрестижности профессии преподавателя. Эти рассуждения общего характера подкрепляются следующими арифметическими выкладками: **2008 год – 50 (верхняя граница “провального” интервала) + 23 (возраст получения диплома вуза) + 4 (работа на предприятии по распределению) = 1985 год** – и мы получаем начало того самого особого периода в России, который и привел к упомянутому спаду в возрастной структуре ППС УГТУ.

Между тем, если бы эти внешние причины отсутствовали, то возрастное распределение скорее всего подчинялась бы нормальному закону, как это имеет место в природе и обществе со многими аналогичными демографическими и социологическими параметрами.

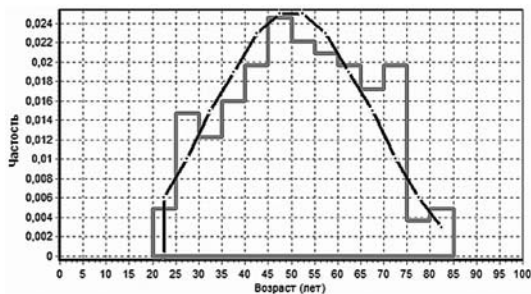

Рис. 9. Гипотетическая гистограмма “Возраст преподавателей-мужчин УГТУ” с натянутой кривой Гаусса

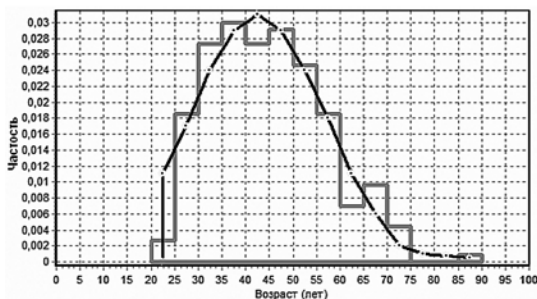

Рис. 10. Гипотетическая гистограмма “Возраст преподавателей-женщин УГТУ” с натянутой кривой Гаусса

Искусственно скомпенсировав наблюдаемый дефицит в интервале 35 – 50 лет, мы получим гипотетическую гистограмму, показанную на рисунке 9 (ограничимся пока мужчинами).

На эту гистограмму “натянута” усеченная слева кривая Гаусса, которая по критерию согласия Пирсона дает удовлетворительный результат.

Если взглянуть на гистограмму “Возраст преподавателей-женщин УГТУ” (рис. 10), то мы увидим практически ту же картину, что и у мужчин (чуть менее ярко выраженную). Это дает нам повод повторить те же рассуждения и действия, что и в отношении мужчин, и получить те же удовлетворительные результаты.

Теперь посмотрим на гистограмму возрастов ППС УГТУ безотносительно к полу (рис. 11).

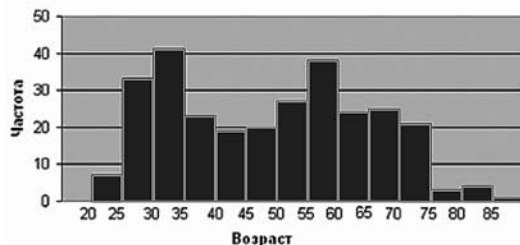

Рис. 11. Гистограмма “Возраст ППС УГТУ (безотносительно к полу)”

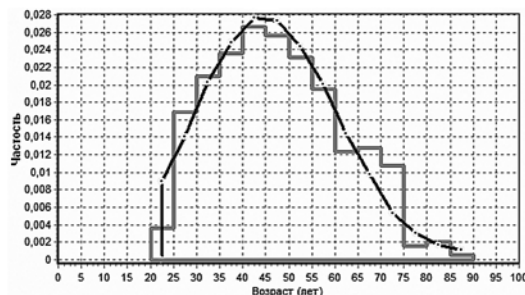

Рис. 12. Гипотетическая гистограмма “Возраст преподавателей УГТУ” с натянутой “взвешенной” кривой Гаусса

все наши искусственные надстройки в результирующей гистограмме (рис. 12).

Получается, что за все эти годы УГТУ недополучил 104 преподавателя, или 4-5 преподавателей ежегодно. Между прочим, эти оценки удивительно точно совпадают с количеством вакантных должностей в УГТУ в 2008 году, а именно 101 вакансия.

Перед тем как идти дальше, сделаем небольшое отступление.

Всем известно крылатое выражение “История не знает сослагательного наклонения”. Между тем, мы только что затронули демографические процессы недавнего прошлого, рассуждая при этом как раз в манере “что было бы, если бы ...”, то есть применяя именно сослагательное наклонение, и получили заслуживающие доверия количественные оценки интересующих нас параметров. Отсюда вывод: не надо абсолютизировать упомянутое изречение и упоминать его всуе. Вместо этого следует энергичнее привлекать квалифицированных математиков и системных аналитиков для моделирования сложных стохастических процессов в сфере демографии, социологии, экономики и финансов, то есть в гуманитарных областях. Я глубоко убежден, что если бы это было своевременно сделано при анализе мировой экономики и финансов, мы получили бы достаточно полную картину всех возможных сценариев развития финансовых рынков, включая и катастрофические, с соответствующими оценками вероятностей их возникновения, масштабов ущерба и, что самое главное, способов их предотвращения. А так... мир имеет сегодня глобальный финансовый кризис, и великие финансисты прилюдно каются в том, что не смогли предвосхитить это стихийное бедствие. А каяться надо не в этом (они и не могли его предвосхитить), а в том, что не догадались (или просто не захотели) прибегнуть вовремя к услугам математиков, даже не обязательно великих.

Вполне естественно, что на ней мы видим тот же провал и в тех же возрастных границах.

Нам осталось лишь искусственно восполнить этот провал и натянуть на эту гипотетическую гистограмму кривую “взвешенного” нормального распределения, где веса – это доли мужчин и женщин в общем объеме выборки.

Проверка по критерию согласия хи-квадрат дает вполне удовлетворительный результат.

Теперь это небольшое демографическое исследование дает нам возможность количественно оценить тот дефицит специалистов с высшим образованием, который наш университет испытал в смутные времена перестройки и постперестроечный период. Для этого достаточно сложить

Но не будем о грустном и перейдем к заведующим кафедрами. Их средний возраст в УГТУ составляет 55,3 года, то есть примерно на 6 лет выше среднего возраста преподавателя вообще. Более подробно возрастной “срез” заведующих представлен на следующей гистограмме (рис. 13).

Поскольку средний возраст далек от пороговых 22,5 лет, эта гистограмма, даже несмотря на малый объем выборки, хорошо аппроксимируется обычной нормальной кривой, что и подтверждается критерием хи-квадрат.

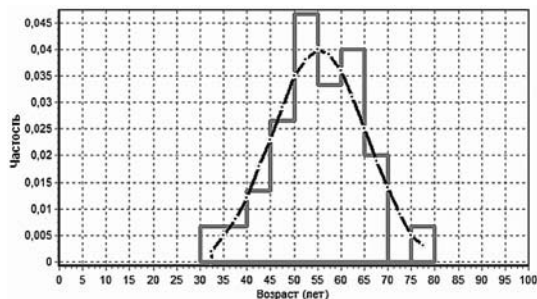

Рис. 13. Возраст заведующих кафедрой УГТУ с натянутой нормальной кривой

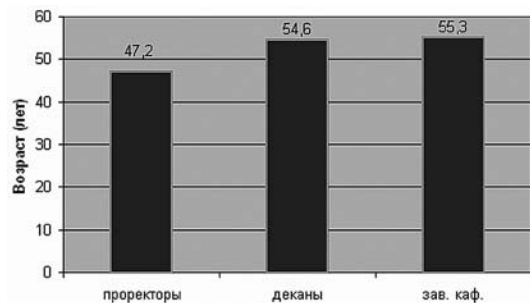

Рис. 14. Средний возраст заведующих кафедрой, деканов и проректоров УГТУ

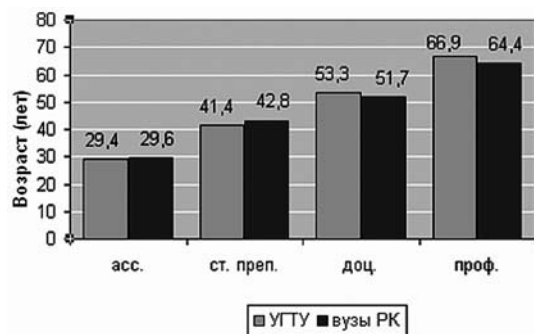

Рис. 15. Средний возраст преподавателей в УГТУ и в вузах Республики Коми по должностям

Интересно отметить, что диаграмма почти линейна, причем как для УГТУ, так и в целом по вузам республики. Это означает, что время “созревания” среднего преподавателя до очередной, более высокой должности постоянно и примерно равно 12 годам. Этот факт может быть полезен начинающему преподавателю при планировании своей карьеры.

Более того, если взять профессоров и учесть, что в российских вузах средняя продолжительность жизни последних равна 72 годам, то бросается в глаза тот

При переходе к среднему возрасту заведующих кафедрой, деканов и проректоров нас ожидает “маленький сюрприз”: среди преподавателей, занимающих управленческие должности, наиболее молодые у нас – проректоры, постарше – деканы и совсем “старые” – заведующие кафедрой. Таким образом, вместо того чтобы, как это принято во всем мире, человек с возрастом поднимался вверх по ступенькам иерархической лестницы, у нас он, наоборот, опускается вниз. Это объясняется тем, что ректор вуза взял решительный курс на омоложение управленческих кадров и в первую очередь – своего ближайшего окружения (проректоров и деканов).

Распределение возраста преподавателей по должностям в УГТУ и в среднем по вузам республики представлено на следующей диаграмме (рис. 15).

Как видим, наши доценты и профессора немного старше, чем в среднем по республике, в остальном картина среднереспубликанская.

факт, что вся жизнь среднего профессора строго разделена на шесть качественно различных и притом равных временных интервалов длиной 12 лет каждый: в 12 лет от роду – половая зрелость, в 24 года – ассистент с дипломом вуза, в 36 лет – ст. преподаватель, в 48 лет – доцент, в 60 лет – профессор, в 72 года – уход из жизни. Случайно ли это? Трудно сказать... Однако возникает искушение считать этот факт лишним доказательством того, что человечество не зря выбрало число 12 в качестве базового в системе счисления времени. Более глубокие выводы под силу только объединенным усилиям математиков, физиков, философов, генетиков, социологов, психологов, геронтологов и других специалистов.

А пока, не впадая в мистику, обратимся к возрасту “остепенения” преподавателей. Среднее число ежегодных защит кандидатских диссертаций в УГТУ за период 1998 – 2008 г.г. составляет 6,5, докторских – 1,8, или в 3,6 раза меньше, чем кандидатских. Средний возраст преподавателя-кандидата наук в УГТУ – 53,1 года; самый молодой из них – 26,8 лет. Средний возраст доктора наук – 64,7 лет, то есть на 11,6 лет (заметим, опять около 12 лет) старше среднего кандидата наук. Самый молодой доктор у нас – 47 лет.

Особый интерес представляет вопрос, в каком возрасте защищаются диссертации. Так вот, средний возраст защиты кандидатской диссертации составляет в УГТУ 34,8 лет. Если учесть, что молодой специалист получает высшее образование в среднем в 22,5 года, ему требуется $34,8 - 22,5 = 12,3$ лет (снова 12!), чтобы достичь первой ступени научной карьеры – защиты кандидатской диссертации.

Средний возраст защиты докторской диссертации составляет в УГТУ 53,5 года. Таким образом, преподавателю, защитившему кандидатскую диссертацию и преследующему цель защитить докторскую, требуется для достижения этой цели в среднем $53,5 - 34,8 = 18,7$ лет, то есть примерно в 1,5 раза больше времени, чем для написания кандидатской диссертации. Еще одна любопытная вещь: средняя разница между защитами докторской и кандидатской диссертациями превышает 18 лет, в то время как средняя разница в возрасте доктора и кандидата меньше 12 лет. Как такое может быть? Нет ли здесь ошибки? К счастью, нет. Если бы речь шла только о двух конкретных преподавателях, один из которых защитил в некотором возрасте кандидатскую, а другой, будучи старше его на 18 лет, – докторскую, то с течением времени эта разница, естественно, оставалась бы постоянной вплоть до кончины одного из них, причем скорее доктора как более старшего. Но мы имеем дело со средними значениями, усредняя возраст по множеству кандидатов и докторов наук. Все элементы первого множества стареют синхронно с астрономическим временем (прошел год и все на один год стали старше), а во втором, помимо этого естественного процесса, происходит и другой (не менее естественный) – процесс смертности, в результате которого более старые элементы исчезают и заменяются вновь прибывшими, более молодыми. В итоге наблюдаемое множество докторов молодеет и, как следствие, разница между средним возрастом докторов и кандидатов уменьшается, достигая, как мы видели, некоторой установившейся величины, равной 11,6 лет.

Отметим еще, что докторов у нас примерно в пять раз меньше, чем кандидатов (21 против 108).

Осталось лишь привести формулы и алгоритмы, которые были использованы для получения оценок всех упомянутых выше параметров.

1. Плотность усеченного слева нормального распределения:
 α – левая точка усечения.

$$f(x) = \frac{1}{\gamma\sigma\sqrt{2\pi}} \exp\left[-\frac{(x-m)^2}{2\sigma^2}\right], \quad x \geq \alpha,$$

$$\gamma = \frac{1}{2} - \Phi\left(\frac{\alpha-m}{\sigma}\right), \quad \text{где } \Phi(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \int_0^x e^{-\frac{z^2}{2}} dz. \quad (1)$$

2. Алгоритм итерационного вычисления оценок максимального правдоподобия параметров и усеченного слева нормального распределения:

$$U_i = \frac{\alpha - m_i}{\sigma_i},$$

$$m_{i+1} = \bar{x}^* - \sigma_i \frac{\varphi(U_i)}{0,5 - \Phi(U_i)},$$

$$\sigma_{i+1}^2 = D_x^* + \left(\bar{x}^* - m_{i+1}\right)^2 - \sigma_i^2 \frac{U_i \varphi(U_i)}{0,5 - \Phi(U_i)}. \quad (2)$$

$\varphi(U)$ – плотность вероятности стандартного нормального распределения,
 \bar{x}^* – выборочное среднее,
 D_x^* – выборочная дисперсия.

3. Критерий согласия хи-квадрат Пирсона:

x^{\wedge} – левый конец i -го интервала,
 x^{\vee} – правый конец i -го интервала.

$$\chi_{набл}^2 = \sum_{i=1}^k \frac{(m_i - nP_i)^2}{nP_i},$$

$$P_i = F(x_i^{\vee}) - F(x_i^{\wedge}),$$

$$F(x) = \frac{1}{\gamma} \left[\Phi\left(\frac{x-m}{\sigma}\right) + \Phi\left(\frac{\alpha-m}{\sigma}\right) \right] \quad (3)$$

4. Плотность “взвешенного” нормального распределения:

$$f(x) = r_m f_m + r_{жс} f_{жс}$$

$$r_m + r_{жс} = 1 \quad (4)$$

Подчеркнем, что если бы мы ограничились только озвучиванием каких-то процентов и средних, как это любят делать наши демографы, не применяя соответствующего математического аппарата, никаких интересных, *новых* результатов в этом небольшом социологическом исследовании получить бы не удалось.

В связи с этим приведем некоторые выдержки из обзора состояния гуманитарного образования в России, который выполнил авторитетный комитет по образованию Госдумы РФ в прошлом году:

“В результате многолетней изоляции советской социальной и гуманитарной науки сегодня наше образование в этих областях... отстает от уровня, достигнутого в лучших университетах развитых стран. У нас оно до сих пор понимается как своего рода “разговорный жанр”, как некое смутное “рассуждение”. Важно понимать, что современные социальные науки в высшей степени формализованы. Поэтому в программе любого современного университета имеются многочисленные курсы, посвященные методу научного исследования.

В России таких курсов либо совсем нет, либо они... востребованы лишь как факультативное знание. В результате не только студенты, но и большинство преподавателей не в состоянии читать западные политологические, социологические... журналы, где огромная часть статей снабжена формальным математическим аппаратом. В таких обстоятельствах трудно даже говорить об отставании, можно говорить о... принципиальном *разрыве направлений* образования. Это имеет печальные последствия.

Образование в данных сферах перестает быть воспитанием профессионалов. Появляются либо наукообразные публицисты, либо ремесленники, натренированные в области... политической и социальной пропаганды... Академическая традиция прерывается, научные школы не возникают, происходит интеллектуально-культурная деградация”.

Рискуя нажить себе врагов среди прочитавших данное эссе преподавателей-гуманитариев, позволю себе выразить надежду, что *они* сделают правильные выводы из прочитанного и совместными усилиями начнут *постепенно* поворачивать этот огромный корабль – гуманитарное образование – в нужном направлении, хотя сделать это в одном, отдельно взятом университете будет очень и очень непросто. Здесь нужны объединенные усилия всего вузовского сообщества России.

Author G. V. Danilov

Analysis of teaching staff age structure at regional institutions

Annotation

According to the example of Ukhta State Technical University (USTU) we studied teaching staff (TS) age structure at regional institutions. On the basis of factual material the tendency of teaching staff aging is described, especially male aging, the countermeasures of this tendency at USTU are showed. By means of mathematical-statistical methods we can explain the collapse of teaching staff aged 35 – 50. The numerical evaluations of lack of teaching staff at USTU for the period 1985 – 2009 are done. We discovered the linear dependence from the time (12 years period) of career development of an average teacher that goes from assistant professor to full professor that is useful to new university teachers in planning their careers.

Keywords: age structure, faculty, the propensity to aging staff, career planning, gender imbalance

Автор И. Е. Задорожнюк

Север России как площадка для общего продуктивного дела Востока и Запада

Центрография трактуется как одна из ветвей экономической географии и одновременно научная дисциплина, значимая для многофункционального представления о стране, регионе или территории. Она соотносит пространственные их центры с центрами населенности и концентрации природных ресурсов, а также различных производственных отраслей в статике и динамике. Ее методы применяются для обоснования оптимальной территориально-экономической структуры хозяйства стран и регионов, а также их (гео)политического статуса. Центрография способствует познанию России, а в первую очередь северных ее регионов; она содержит не только познавательную и проективную, но также культурологическую и патристически-воспитательную функции.

Ключевые слова: центрографические исследования, количественные измерения пространственных соотношений, геостатистика, взаимодействие технологических процессов и экономических потоков, пункты пересечения коммуникаций, поведенческо-социальная география.

Аннотация

Сегодняшнее освоение Севера – в общероссийском и в планетарном масштабах – имеет много измерений. В принципе оно непродуктивно и даже невозможно, если не разрешатся вопросы более широкого порядка относительно статуса человека в этом крайне сложном для жизни регионе. Фигурально говоря, вопрос о том, как здесь жить, предшествует вопросу, как осваивать. И тогда окажется, что Север обладает большим потенциалом в плане переустройства жизни на всей планете, и в первую очередь по оси Восток – Запад. И нет сомнений в следующем: если данное переустройство как предпосылка того, что можно назвать неэгоистической глобализацией, состоится, то ключевую роль в нем сыграет Россия.

Север (а если учитывать Аляску 18-го века – то и циркумполярная зона в целом) всегда притягивал русского человека и российского гражданина, а также иностранцев, соучаствовавших в его освоении, что отражено и в географических названиях. Это во многом уникальный и социально значимый опыт освоения крайне сложных для жизни акваторий и территорий, явивший собой пример

продуктивного содружества представителей самых различных этносов. Именами голландца В. Баренца (1550 – 1597 г.г.), офицера русского флота, датчанина В. Беринга (1681 – 1741 г.г.). – С. И. Дежнева (1605 – 1673). – С. И. Челюскина (ок. 1700 – после 1760) названы моря, проливы, земли, крайние географические точки континента в границах Российской Федерации.

Векторы данного освоения подвергались многостороннему осмыслению, включая философское. Один из подходов в рамках последнего представлен, хотя и крайне пунктирно, в многогранном творчестве Николая Федоровича Федорова, ряд идей которого лишь начинает быть востребованным в полной мере в новом тысячелетии. Одна из причин того, что они были предметом обсуждения лишь в довольно узких кругах специалистов, заключается в том, что этот мыслитель выражал некоторые свои всеохватные умопостроения (включая даже главное из них – идею воскрешения отцов и связанного с ним освоения околоземных пространств) крайне лапидарно, часто в форме всего лишь газетной статьи. Вторая причина – проектный характер мыслей Федорова, когда исходное явление в его анализе не отбрасывается, а переконструируется под более высокую идею. В-третьих, отечественный мыслитель по-особому сопрягал развитие науки и технологии, с одной стороны, и социальных процессов и моральных начал, с другой. Во многих отношениях он предвосхитил разработку и современных социальных технологий, всегда ставя акцент на ведущем месте в них человека.

Эти и ряд других причин невосприимчивости к идеям Федорова привели к тому, что целые пласты его наследия в полной мере не только не осмыслены, но даже и не раскрыты на содержательном уровне, несмотря на то, что его труды в основном изданы и обстоятельно прокомментированы С. Г. Семеновой и А. Г. Гачевой [1].

Так, в некую информационную пропасть между двумя крупнейшими мыслями и делами его жизни: закреплением прошлого (реконструкцией в храмах и музеях культа и жизни предков как общечеловеческого дела) и преобразованием настоящего как предпосылки надземного будущего (с опорой на науку и проектное мышления, данная идея послужила одним из главных источников русского космизма) нелегко отыскать его крайне смелые идеи о современном ему геополитическом статусе Российской империи и средствах его укрепления. Это целый пласт оригинальных умопостроений по линиям Россия – Запад (Европа и ее “реплика” – Соединенные Штаты Америки), Россия – Восток (в основном Китай и Индия), Россия – Юг (в первую очередь мусульманский – западнее Памира), наконец, Россия – Север (освоенный и подлежащий освоению).

Тема Восток – Запад является сквозной и формообразующей для всех идей Федорова, но он только намечает продуктивность их встречи на Севере, что даже сегодня выглядит суперпарадоксом. Вопреки обычным представлениям, радикальным для него предстает как раз восток. Запад же – терпеливо стабилен, а Россия является преломлением этих двух умонастроений и способов деятельности.

Выявление релевантности его идей в анализе всех указанных линий – дело будущих исследований, и есть все основания утверждать, что статьи и даже мо-

нографии по теме, к примеру, “Н. Ф. Федоров о Китае, Индии, Константинополе, Памире” послужили бы предметом дискуссий, причем как можно более острых. Новаторство высказанных в них идей философа, родившегося 180 лет тому назад и умершего в начале XX века – незадолго до острого и предсказываемого им конфликта по линии Россия – Восток (Русско-японская война, 1904 – 1905), сомнений не вызывает.

Однако надо отметить, что они в малой степени привлекли внимание даже знавших основные идеи Федорова евразийцев, для которые геополитические умопостроения были ключевыми: ни Н. С. Трубецкой, ни П. П. Сувчинский, ни даже географ П. Н. Савицкий, разрабатывавший проблематику Евразии как среднего материка и особого географического мира со своими геоэкономическими, геополитическими, геоэтнографическими и даже геoarхеологическими измерениями, не обратили на них должного внимания, хотя активно осваивали творчество своего раннего современника [2].

Остановимся на тех работах Федорова (главным образом извлеченных из архивов и впервые опубликованных в вышеуказанном четырехтомнике), где затронута проблематика Севера – в увязке с проблематикой других линий в отношениях России с окружающим ее миром. Прежде чем углубиться в содержание этих работ – крайне небольших по объему в рамках газетных статей (не принимаемых столичными изданиями и не всегда доходивших до изданий провинциальных, где они все-таки появлялись), наполненных провидческими мыслями и даже проектами, – отметим, что сегодня интерес к Арктике и способам ее освоения растет ускоренными темпами. Это вызвано рядом причин, включая в первую очередь наличие здесь огромных энергоресурсов (на ее шельфе находится до 13% неразведанных запасов нефти и 40% природного газа) и новые возможности Северного морского пути, связанные как с общим потеплением, так и – в большей степени – с расширением технического потенциала судоходства. Все это известно не только специалистам, но и читателям сегодняшних газет (кстати, того источника информации, который высоко ставился не только Н. Ф. Федоровым, но и таким ярким политическим мыслителем, как поэт Ф. И. Тютчев, разрабатывавшем линию Россия-Запад).

В формате газетных статей и были написаны несколько трудов Н. Ф. Федорова, где в крайне широком геополитическом контексте и на уровне проектного мышления освещается перспектива развития (российского) Севера.

Первая по времени заметка появилась вскоре поле принятия решения и начала строительства Транссибирской магистрали [3]. Федоров пишет: “С постройкой Сибирской железной дороги полагается начало не только соединения западных и восточных берегов Российской империи, европейской и западной частей ее, но и северных и южных окраин, ибо исследуется Карское море, устье Оби и Енисея, а в Алтайских и Саянских горах возникает, кроме Уральских, металлургическая деятельность. Эта великая дорога представляет завершение Русской земли, составляющее лишь начало собирания всей земли”. Столь широкую трактовку функций данной дороги – масштабного российского проекта, который можно сравнить в XX веке лишь с освоением космоса – не давал никто, не повторял ее в полной мере и сам Федоров в более поздних трудах.

Федоров Николай Федорович (1829–1903), русский религиозный мыслитель и философ. Родился 26 мая (9 июня) 1829 в селе Ключи Тамбовской губернии. Незаконно-рожденный сын князя П. И. Гагарина. Учился в Ришельевском лицее в Одессе, но из-за материальных затруднений не смог завершить образования. С 1854 преподавал историю и географию в различных уездных училищах. С 1869 работал библиотекарем в Москве, с 1874 – в библиотеке Румянцевского музея. С 1899 и до конца жизни работал в архиве министерства иностранных дел. Идея Федорова оказали влияние на Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, Л. Толстого, К. Циолковского и др.

Федоров полагал, что средневековое мировоззрение несостоятельно после Коперниканского переворота, открывшего человеку космическую перспективу. Но главное, по мнению Федорова, в учении Христа – весть о грядущем телесном воскрешении, победе над “последним врагом” – смертью он сохранил неколебимо, выдвинув парадоксальную мысль о том, что эта победа свершится при участии творческих усилий и труда объединившегося в братскую семью Человечества.

ответвлениям надлежит устраивать храмы и школы, “т. е. полагая просвещение в основу каждого поселения, насаждая промыслы как зимнее занятие”.

Федоров писал, что железнодорожным ответвлениям от Транссибирской магистрали предстоит стать центрами консолидации социальной жизни, где в первую очередь должны быть построены церкви и храмы. Однако по линии, по крайней мере, северных ответвлений и храмы, и школы были. Кроме того, у него трудно обнаружить даже упоминания о малочисленных северных

Фактически данную дорогу можно, по его логике, рассматривать как конечный пункт того сосредоточения России, о котором говорил канцлер А. М. Горчаков и которое было прервано войнами и революциями в XX веке (“Россия не угрожает, она сосредотачивается”).

“В деле построения всей дороги может объединяться вся деятельность власти. Комитет Сибирской дороги (к коей присоединяются как ее части дороги на Котлас, Архангельск и особенно Мурманск) станет не Комитетом лишь министров, а Советом государственным”. В данной части фрагмента нужно в первую очередь отметить акцент на северных ответвлениях данной континентальной железнодорожной магистрали. Особо следует подчеркнуть, что одним из конечных пунктов северных ответвлений является Мурманск (до 1917 года называвшийся Романовым-на-Мурмане, планы его основания были разработаны в 1870-е годы, а с 1914 г. через него шли грузы от союзников России по Антанте). Внимание к Мурманску (его название шло от анаграммированного “норманны”) с этого времени у Федорова постоянно нарастало, хотя документальных свидетельств об этом крайне мало.

“Заведование переселениями – это первое, что должно быть присоединено к Комитету Сибирской железной дороги”, – заключает Федоров свою заметку, подчеркивая, что по линии и

народах (по крайней мере, в рамках четырехтомника). Отметим, что в их этнической картине мира храмом и школой выступает вся окружающая природа. Наличествующее, по слову Федорова, небратское отношение к этим народам (да и к населяющим Север русским) сегодня почти преступно, поскольку без их уникальных и накапливаемых веками знаний об этом храме освоение (трактующее как бесконтрольное приобретение в частную собственность) может привести (и уже приводит) к экологическим катастрофам. Уникальные знания этих народов о выживании в экстремальных условиях (за которые некоторые местные этносы заплатились почти полным вымиранием) лишь предстоит использовать в полной мере.

Особенно следует отметить растущую востребованность опыта людей, издавна населяющих Север – малочисленных северных народов, выработавших многовековые приемы выживания в экстремальных условиях, равно как и представителей русского и других этносов, начиная с поморов – выходцев из древнего Новгорода – и заканчивая поселенцами, по своей и не по своей воле проживавшими на Севере и в Сибири.

Север предстает в этом плане как некая лаборатория продуктивного сожительства народов, по-новому выстраивающих свои отношения как к природе, так и между собой – без разновидностей любого эгоизма, по-братски. Опыт же малочисленных народов Севера может пригодиться для освоения других экстремальных территорий и даже космоса. Они накопили большой опыт выживания в условиях эмоциональной депривации, в экстремальных природных условиях. Данный опыт лишь предстоит изучить в полной мере с учетом момента регуляции природных процессов, как они описывались Федоровым.

Статья “О сухопутных и морских обходных движениях как факте и как проекте, т.е. о сухопутной воинской (сельской) повинности и морской (крейсерство) с двойным употреблением оружия” является одной из ключевых в фундаментальном труде “Философия общего дела” [4]. С ней соотносится ключевая заметка “О Полярной столице” [5]. Можно обнаружить и другие соответствия данного и последующих фрагментов с материалами первого и второго томов, впервые изданных соответственно в 1906 и 1913 годах.

Дата написания следующей статьи “Распределение задач всемирной регуляции природы” с точностью не установлена, хотя можно отметить одну граничную дату – 1899 год, когда молодой русский император выступил одним из инициаторов проведения Гаагской мирной конференции. Это полузабытая страница истории отечественной и мировой дипломатии, а рассматриваемая ниже статья может быть очень проективно значимым комментарием к ней.

“Что скрывается, что готовится под всеобщим приготовлением к войне? – ставит ультрапарадоксальный вопрос Федоров в самом ее начале. – Не изумительно ли будет, если народы, приготовившись к взаимному истреблению, окажутся союзниками в деле всеобщего воскрешения? Не менее и даже более будет изумительно, когда люди, вооруженные тем оружием, которое вместо взаимного истребления может спасти от смерти, употребив это оружие на взаимную гибель, вызовут грозу, которая истребит оба враждующие войска!” Это лейтмотив едва ли не доброй половины работ Федорова; специфика данной работы в том,

что ответ на данный вопрос увязывается с геополитической проблематикой – и в глобальном, и в континентальном масштабе” [5, с. 301]. Далее идет рассказ о том, как воинская команда по собственному почину спасла Оренбург от взрыва порохового погреба, прикрыв во время страшного пожара пороховой погреб своими телами. Война и средства вооружения должны активнее подключаться к борьбе против голода, язв и смерти, превращая всеобщее истребление во всеобщее спасение.

Это общее дело планетарного масштаба, и вот – по логике Федорова – почему: “Человечеству, объединенному в деле мирного применения всеобщей воинской повинности, предстоят вместо войны народов и рас друг с другом следующие военные действия: 1) борьба на два фронта, северный (полярный) и южный (тропический), с обходным движением против последнего, причем это движение будет иметь в тылу у себя стужу южного полюса; 2) борьба на два фланга: восточный (край засух) и западный (край ливней и наводнений); и наконец, 3) атака центра, “кровли мира”, пустынного, холодного Памира, как завершение обходных движений уже не против ислама, а против ига тропического зноя”.

Федоров подчеркивает, что только с Англией может быть заключен союз для данной борьбы – не с каким-либо народом, а с той силой, которая в одних местах убивает жизнь холодом, а в других – жаром, причем как с Великобританией, так и с США. Одна из причин в том, что они – как и Россия – могут вести борьбу на два фронта: с одной стороны, с полюсом северным (особенно США), а с другой – к экватору (европейские англичане из двух полуостровов Ост-Индии и на истоках и озерах Белого Нила). В союзники могут быть взяты и китайцы как народ, способный переносить экваториальный зной. “Атака центра, кровли мира, Памира, поднимающегося до высших холодных слоев атмосферы, есть атака, надо полагать, центрального для регуляции места, так как холодный Памир (в обширном смысле), лежащий над знойною Индией и Индийским океаном, не отделяющимся от Южного Ледовитого, занимает середину между экватором и полюсом как в одном направлении, так и в другом, будучи расположен между Западным и Восточным океанами. Отсюда, т. е. с Памира, и надо действовать, чтобы спасти и Китай от наводнений, и Европу от засух” [5. – С. 301]. То, что можно назвать теорией Памира – одна из мало разгаданных загадок геополитической мысли Федорова, упоминания об этой высшей точке (горной плоскости) земного шара можно постоянно встречать в его работах.

Какова же роль в этих продвижениях Севера? На нем Россия – естественный примиритель конфликтующих сил на юге (в то время Италии и Абиссинии, в XX веке множества более масштабных конфликтов, достаточно вспомнить войну между Индией и Пакистаном) – играет куда более активную роль.

“Россия на всей своей длинной северной границе соприкасается с такой полосой или страной, в которой то, что служит к взаимной борьбе, так быстро истребляется, что уже пора подумать о совокупном действии, чтобы вызвать истребленную жизнь. В этой полярной стране, кроме России, сходятся два родственных врага – европейские англичане и американские; последним Россия ус-

тупила свои владения в Америке и тем, будем надеяться, приобрела союзника не против европейских англичан или кого бы то ни было, а союзника в борьбе с полярным холодом: это северный фронт будущего человечества” [5. – С.302]. Такой экологически конструктивной трактовки знаменитого приобретения Аляски нет ни у кого из политических мыслителей. Надо отметить, что опыт продуктивного сожительства русских поселенцев с алеутами Аляски был в полной мере востребован уже повзрослевшей Америкой после покупки этого штата. По крайней мере, четко выраженной и благочестиво оправдываемой линии на их истребление или резервации – как в континентальных штатах Америки происходило с индейцами – там не наблюдалось.

Англия с европейскими народами и на жарком поясе встречает того же полярного врага на Памире, Россия же не может не устремляться к югу. Это сформулированный Федоровым императив геополитики конца XIX века не реализовался в XX веке – времени ожесточенных конфликтов по всем векторам и параметрам, для его воплощения отведен следующий XXI век.

Заключительный параграф статьи содержит целую программу такого воплощения в качестве поистине общего дела всех народов, начиная с русских и англичан, с дальнейшим присоединением немцев и французов, а также народов других континентов. “Россия, заменив нынешнюю северную столицу полярною, у незамерзающего Варангерфиорда, вместе со всем христианско-европейским человечеством откроет новую борьбу на два фронта: с экваториальным, тропическим жаром с одной стороны и с полярным холодом – с другой. Для России прежние два фронта, кочевая Азия и городская Европа, заменяются борьбою с набегами степных, сухих ветров Азии и влажных ветров Европы. Россия, носящая четверное иго, иго тропического зноя летом и иго полярного холода зимою (а последнее иногда и позднего весною, и даже летом), нося вместе с тем и иго океана с Запада и иго материка с Востока, Россия без зависти и даже с радостию может смотреть на распространение Англии и к полярным, и к тропическим странам. Россия будет с радостию смотреть на распространение не Англии только, но и Франции, и Германии, и других государств, соприкасающихся как с полярными странами, так и с тропическими. Дело общее, братское, сыновнее, отеческое не знает зависти; оно дышит одною любовью. Ужели же не подаст ему благословения Бог любви, Отец небесный?..” [там же]. Остается добавить, что Варангерфиорд по-иному именуется Варяжским заливом; с одной стороны он ограничен полуостровом Рыбачим, а с другой полуостровом Варангер; на его берегах была и есть церковь Бориса и Глеба – по имени двух убиенных братьев как напоминание о необходимости устранить небратские отношения для общего дела.

Небольшой фрагмент касается меткого наблюдения о добыче золота как факторе, преобразующем экономики и открывающем новые горизонты человеческого единения. “Новое время начинается открытием южноамериканского золота (Перу) и североамериканского золота (Мексика). Новейшей время, XIX век, знает сибирское золото, калифорнийское, южноафриканское и, наконец, полярное золото (Клондайк). Но и полярное золото есть ли последнее?..” [5; с. 371]. На наш взгляд, этот фрагмент ориентирует не только на поиск новых

золотосодержащих земель, но и на поиск золота идеального для сплочения человечество в общем деле.

Еще один фрагмент связан с осуждением обмана в политике, жертвой которого стала Россия. Он иллюстрирует, как его сильная тоска по всечеловеческому единению – больше даже, чем у Достоевского – дополняется острой до истеричности заботой о сиюминутных интересах России, пониманием того, что ее повседневный и тяжелейший труд – это разборка завалов и ловушек, которые ставятся как Востоком, так и Западом. Например, трагедия Крымской войны, в ходе которой Россия подвергалась давлению со стороны как Востока, так и Запада, была воспринята им, как и Л.Н.Толстым, в качестве личного горя.

Поводом к данной заметке послужили события 1900 года, когда китайские войска блокировали посольский квартал в Пекине. Войска под командованием русского генерала первыми пришли на помощь его обитателям, которых не смогли защитить войска Запада. И вот вполне разумный комментарий русского мыслителя, актуальность которого не теряется и до наших дней: ведь современная Россия столь же часто получает в воздаяние за добро пренебрежение – достаточно вспомнить политическую благодарность Дж. Буша-младшего за помощь США после 11 сентября 2001 года. “До сих пор мы были посредниками между Западом и Китаем в постоянной вражде между собою находившимися. Теперь же после того, как по наущению запада совершили подвиг – среди мира (в мирное время) разрушили китайский город, мы приобрели в Китае славу самого коварного народа, не приобретя доверия Европы, а лишь насмешку на наше крайнее простодушие” [5; с. 379].

Следующий фрагмент, по видимости, противоречит генеральной линии рассуждений Федорова о Транссибирской магистрали: в нем описываются связанные с нею риски и угрозы. Таковые действительно были и есть – как они есть в любом продвижении в новые пространства (в XX веке в космические – и они чреваты саморазрушительными для человечества конфликтами). Эти угрозы связаны с развитием железнодорожной сети в России – под иностранным контролем. “Торжество Запада обеспечено. Последний ударом, смертельным, нельзя не признать построение двух следующих дорог: северной, проводимой по малонаселенной финской (зыряно-вотьяцко-пермской) стране до соединения с Сибирской, а другой – по враждебному Великороссии западному краю до Черного моря. Благодаря этим двум дорогам Центральная Россия, уже истощенная, обратится в захолустье, каким она была до начала Москвы. Сибирская дорога, которая для русских переселенцев доставляла лишь землю для могил, а неумерших отправляла назад, умирать на родине, конечно, станет гостеприимною для немецкой колонизации, найдутся земли не для могил, а для жилищ с щедрыми наделами” [5; с. 380 – 381].

Более пристальный взгляд на этот фрагмент показывает, что Федоров вовсе не отказывается от высказанной выше идеи соединения посредством железных дорог западных и восточных берегов Российской империи, европейской и западной частей ее, более того – сближения Карского моря, устьев Оби и Енисея с севера и Алтайских и Саянских гор с юга. Более того, его мысль о том, что

Транссибирская великая дорога представляет собой завершение объединения Русской земли, составляющее лишь начало собирания всей земли для общего дела, получает апофатическое доказательство (подтверждение через отрицание). Дело в том, что Федоров подводит к мысли относительно русского торжества над указанными дорогами – лишь тогда они станут поистине братским делом для всех, включая немцев.

Фрагмент 1902 года фиксирует “необыкновенное усиление Северо-Американских Штатов, недалеких от того, чтобы всю Великобританию присоединить, как особый новый штат, – а с другой – глубокий упадок континентальной России, пораженной в самом центре истощением и в самых окраинах одолеваемой, забираемой инородцами; т.е. падение 3-го Рима и возвышение всемирного Карфагена. Сюда нужно причислить и объявление немцами войны славянам внутри немецкой империи, чтобы потом обратиться против славян, вне империи прозябающих. Между 3-м Римом и Новым Карфагеном находится Германия в ее тройственном союзе. Но этот тройственный союз разлагается, благодаря двойственному: Италия притягивается Францией, а Австрия начинает тяготеть к России и очень сблизится с нею, если сделается славянскою. Германия, оставшись в одиночестве, сблизится с двумя Британиями, или даже с тремя, т.е., кроме Европейской и Американской, еще и с Азиатскою, т.е. с Япониею. Эта-то вражда четырех могущественных врагов и может вызвать жизнь в России” [5; с. 382]. Известно, что данные противостояния завершились Русско-японской войной 1904 – 1905 гг., до которой не дожили, но которую пророчески предсказывали не только Федоров, но и В. С. Соловьев.

Описывая, кроме этого противостояния, метеорические катастрофы, включая гибель людей от землетрясений, он ставит вопрос о невнимании к общему врагу всех народностей и сословий. “Но и этот враг есть враг временный (но презлой), а друг вечный, ибо та же природа и в разумной и в неразумной силах. Чем же должно окончиться это размирие? Разумная ли сила будет управлять слепую или слепая уничтожит разумную? Погруженным в постоянную вражду людям некогда заняться этим вопросом. Что могут сделать люди в совокупности при нынешней возможности соединить свои силы, благодаря нынешним средствам сообщения? Такой вопрос не удостоивается разбора. Вопрос об обращении орудий истребления в орудия спасения составляет только часть вопроса об отношении разумной силы к неразумной, сделавшейся особенно безжалостной и злой [в] нынешний год” [5; с. 382 – 383].

Наконец, обратимся к главному труду Федорова, задающему угол зрения на его философию в целом. Это статья “О полярной столице”, поражающая воображение своей креативной парадоксальностью и ориентацией на проектируемость будущего.

Первый ее абзац сразу же вводит в курс общего дела в его срединном ракурсе, причем вся статья наполнена и новыми смыслами, и новыми – кажущимися на поверхности – противоречиями. “Для нас, отрезанных от океана, запертых в Балтийском, Черном и Японском морях, для нас есть один только выход в океан, выход у Студеного моря, в никогда не замерзающих заливах Рыбачьего полуострова, в бывших владениях Троицко-Печенгского монастыря, сожженного

пшедами (1590 г.), основанного св. Трифоном, апостолом лопарей, на границе Западного (Атлантического) океана с Северным, или, вернее, на первом, чем на последнем, потому что Рыбачий полуостров омывается Гольфстримом. Только временная морская столица, столица-порт, как конечный пункт Владивосточной трансконтинентальной дороги, может нас избавить от англо-немецкого господства, надвигающегося на нас” [5; с.383]. Если в предшествующих работах и даже изложенных выше фрагментах Федоров допускал союз с англичанами – европейскими и американскими, то в предпоследнем и данном фрагментах он говорит об их совместной угрозе. Причина – все те же “наущения Запада”, стремящегося использовать Россию в небратских целях – как это было в Китае с маршем на Пекин. Как известно, в начале XX века это крупнейшая и независимая страна делилась на зоны влияния, и Россия оказалась втянутой в этот процесс. Но выгод от него России ожидать не приходилось, что Федоров отследил достаточно точно. “Дипломатическая англо-германская победа на дальнем востоке, в Китае, выразилась в построении крепостей и стратегических дорог в Маньчжурии, а также и в движении китайцев на Памир – с одной стороны, и с другой – в планах открыть себе путь в Сибирь, устроив железную дорогу от Хайпудырской бухты до Оби, чтобы, заведя флотилию на этой многоводной реке, отрезать азиатскую часть России от европейской и грозить Туркестану и Памиру, содействуя Китаю в занятии этой родины арийского племени” [5; с. 384]. Остается добавить, что Хайпудырская губа – залив в юго-восточной части Баренцова моря, а постройка соответствующей дороги осуществлена не была.

“Столица, перенесенная на перешеек или волоки между Мотовскою губою и Варангским заливом, имея передовой пост на мысу под 70° северной широты (на 10° севернее Петербурга и почти на 15° от Москвы), получит многообразное значение: заменив С.-Петербург, освободит Россию от западного влияния, но не Запад, а холод будет главным врагом России...” [там же]. Конечно, наличие отмеченных Федоровым “главных и неглавных врагов” – крайне важные мотивы переноса столицы как проекта, осуществление которого и сегодня остается под большим вопросом. Можно лишь напомнить, что и такой проект, как перенос столицы в Санкт-Петербург, тоже был нелегким и потребовал для своего осуществления принципиально новых социальных технологий: чухонские болота были в XVIII веке не меньшим препятствием. Оправдывает федоровский проект сверхцель – братское объединение всех людей, включая “неглавных врагов”, в общем деле; это же дело требует и внутреннего очищения самой России.

Мысль эта выявляется Федоровым чрез тщательный анализ наступивших и грядущих бед. “За голодом и моровою язвою, еще не окончившимися, нужно ждать войны. Первые два бича оказались бессильными пробудить нас. Война с океаническим Западом потребует перенесения столицы в полярные страны, к рубежу двух океанов, туда, где оканчивается Ледовитый океан и начинается Атлантический в виде теплого тока (Гольфстрима). Северная столица была протестом против внешнего благочестия древней столицы, а свое явное нечестие оправдывала иногда внутренним, т.е. мнимым благочестием. Cholera показала явное нечестие этого города в виде интеллигентного класса, т.е. в высшей степе-

ни ограниченных людей, которые, принимая общество за организм, умерших – за экскременты, религию заменяют ассенизацией, а под лицемерным спасением целого общества разумеют спасение лишь головы, т.е. богатой интеллигенции, а с большинством (уподобляя их рукам и ногам), не смея обращаться по-астрахански, – т.е. хватая крючьями больных, – обращаются лицемерно, по-петербургски, предоставляя всем право оставлять больных у себя в доме, но на условии только купить себе врача и целую аптеку” [там же].

Обличение Петербурга – прерогатива не одного Федорова, раньше на него накликал беды писатель Ф. М. Достоевский, позже – поэт А. Белый. Но лишь русский философ ставит задачу перенесения столицы на Север для решения целого комплекса задач.

“Перенесение столицы за полярный круг (на 10° на север от Петербурга и на 15° почти от Москвы), это движение от теплой страны к холодной, от легкого к трудному есть не эволюционное движение, само собой совершающееся, не слепой прогресс, а выражение сознания, противодействующего чувственному влечению. В перенесении столицы, центра, выражается коренная перемена в жизни. В переходе от умеренного в холодный прежде всего выражается вступление на высшую ступень самостоятельности. Предложения о перенесении столицы бывали. Для примера можно привести Бялятинского, желавшего перенесения столицы в Киев. Иные желали возвращения Москве прежнего положения. Но обстоятельства указывают на иной пункт. Новая столица означает в настоящем случае самый важный пункт при все более и более обостряющейся вражде Англо-Германии к нам, если только взаимная их вражда не избавит нас на время от морских врагов.

Таким образом, новая столица имеет значение, во-первых, такого места, на которое и власть, и весь народ должны обратить преимущественное внимание, от коего зависит спасение Земли, так как крейсерство – эта война с товарами – может лишить возможности вести войну не только Англию, но и Германию. Во-вторых, перенесение означает коренную перемену в жизни; эта перемена означает не сближение с Западом, как Петербург, не желание мнимого соединения в догмате, а соединения в общем всех деле управления слепыми силами природы. Перемена в жизни в перенесении столицы находит свое наглядное выражение. Как есть полюсы геометрические, магнитные, термические (наибольшего холода), так будет полюс социальный – полярная столица” [5; с. 384 – 385].

В целом ключевая идея статьи Федорова – связь двух портов на крайнем востоке и крайнем Севере России. Северные ответвления транссибирской магистрали, их связывающей, предполагают возможность нескольких выходов на северное побережье Ледовитого океана (в статьях и фрагмента упоминаются Хайпудырская губа, зыряно-вотяцко-пермские земли, устье Оби, Карское море), имплицитно содержат и возможность их морского соединения. Следует подчеркнуть, что прямых указаний на то, что первое транспортное полукольцо может быть дополнено другим, у Федорова практически нет. Одна из причин заключалась в том, что хотя русскими поморами акватория Баренцева моря была исследована еще в XV – XVI веках, а к середине XVII века русские мореплаватели практически нашли проход из Северного Ледовитого океана в Тихий. Проблема

сквозного пути решалась лишь в конце XIX века, когда швед А. Э. Норденшельд в 1878 – 1879 годах прошел до Чукотского моря, а затем после зимовки до мыса Дежнева. Лишь в 1932 году Северный морской путь (в 1920-е годы именовавшийся Северо-Восточным проходом) был пройден за одну навигацию. Имена многих полярников, включая Ф. Нансена (который позже включился в братскую работу, оказывая помощь русским эмигрантам), были Федорову известны, но контуры Северного морского пути им намечены не были.

Несмотря на то, что идея двусоставного транспортного кольца по периметрам российской территории Федоровым полноценно не обосновывалась и четко не высказывалась, его интуиции очень важны для понимания того, что она значит и для современной России, и для всего мира. Дело в том, что трактовки примеров А. И. Солженицыным русского Севера как резервуара национальной идентичности сегодня необходимы, но недостаточны. Необходимы – поскольку освоение севера, особенно его побережья, должно строиться по матрице национального ума (недаром на этих землях родился Ломоносов), но во всеоружии общечеловеческих знаний. Геополитические функции указанного кольца ясны до недвусмысленности: это граница, сберегающая Россию, поэтому ее защита – дело первостепенной важности. Но это же кольцо – периметр сотрудничества со всеми странами, круг которых будет расширяться: от имеющих прямые интересы в Арктике (Скандинавские страны, США, Канада) до всех европейских стран, а в дальнейшем Индии, Китая и Японии, а также тех стран, которые Федоров относил к мусульманскому миру. Относительно последних нетривиальными являются мысли Федорова о роли Памира как некоей крыши мира. В коррекции нуждаются ряд мыслей относительно враждебности примыкающей к Памиру мусульманской цивилизации. Федоров предполагал, что данный чреватый непримиримыми конфликтами регион следует обходить с запада или с востока. Еще более ценно его провидение относительно того, что данный и другие конфликты можно обходить с севера. И в данном смысле двусоставное транспортное кольцо России – мощная альтернатива Великому шелковому пути, который многие современные геополитики сравнивают с постоянно прерывающейся линией высокого напряжения. Поэтому общий вектор превращения Севера в зону сотрудничества получает все новые подтверждения.

С опорой на труды Федорова можно четче определить контуры и функции двусоставного транспортного кольца России, одновременно защищающего ее и делающего более открытой. Дело в том, что такое кольцо крайне притягательно в плане не только оптимальных торговых путей, но и является опорой в научно обоснованном освоении природных богатств севера. Естественно, при условии, когда рента от них идет на освоение не лондонских кварталов и королевских дворцов, а на устройство жизни севера. Свободный рынок и в этом деле – путь к несвободе от природы, что все чаще признается и международной общественностью. Характер задач, поставленных Федоровым, вызывает до сих пор крайне негативное отношение и спектр обвинений: от апологии консервативного православия до союза с марксизмом. Все эти обвинения рушатся, если переходить на почву анализа его реальных проектов, например, северного. Необходимо выразить трансгосударственный и даже трансконтинентальный характер филосо-

фии Севера, как она просматривается через призму идей Федорова. Для нее характерно устранение не только личного, но и национального эгоизма, видение условий братского единения народов.

В заключение можно привести два фрагмента, как бы закольцовывающих тему Севера на более высоком уровне. Первый намечает перспективу всеохватной железной дороги и превращение Берингова пролива в перешеек.

“Карфагеном 3-го Рима будет уже не Англия, не Германия, а Америка (которая из должника Европы стала кредитором, т.е. уже приобрела экономическое господство над нею, превратила в своего должника и благодаря войне с Испанией воссоединила Юг с Севером, т.е. восстановила свое внутреннее единство) в союзе с Австралией, а быть может, и с Японией. Если 3-ий Рим останется верен своей миротворной или союзотворной задаче (против слепой силы), т.е. чтобы не было нужды в 4-м Риме, то “дорога от 3-го Рима к 3-му Карфагену” чрез Русско-американский пролив, пролив летом, а перешеек зимой, требующая большой победы над слепой силою, – дорога от 3-го Рима к 3-му Карфагену будет Панконтинентальной дорогой, ибо ее ветвями будут: Африканская (строющаяся) и Панамериканская (проектированная) и, наконец, Австралийская чрез прерывающийся множество раз перешеек; [эти дороги] были бы верхом торжества железнодорожного дела” [5; с. 383].

Последний фрагмент – часть материалов, собранных в небольшой рубрике “Самодержавие”, утверждает настоятельность идеи сторожевого государства. В первую очередь в отношении к опоясывающему Россию транспортному кольцу, но и в значительной мере – “кругоокеанской дороге”, о которой говорится в предыдущем фрагменте.

“Обязательное сторожевое государство, устроенное для прямого и обходного движений, только тогда достигнет полного объединения (и станет возможным превращение войны в регуляцию), когда естественные пути, по коим совершаются эти движения, превратятся в искусственные, способствующие наиболее быстрому продвижению с Запада на Восток, и притом будут снабжены еще собирательными ветвями на Севере и Юге” [5; с. 389].

В заключение хотелось бы рельефнее выявить одну из важных мыслей, как бы зашифрованных Н. Ф. Федоровым: оказывается, местом продуктивной встречи Востока и Запада в значительной мере может служить Север (Россия). На это косвенно указывал величайший отечественный мыслитель конца XIX века, и это кристаллизуется во многих практически ориентированных инициативах начала XXI века.

Естественно, освоение Севера в этом столетии должно производиться с опорой на новые социальные технологии, важнейшим измерением которых является антропологическое. Это значит, что активная преобразующая деятельность здесь должна производиться с учетом параметров научной обоснованности, выводимой в первую очередь из высоких образовательных стандартов, и здоровьесбережения, что предполагает создание для этого комфортной природно-социальной окружающей среды.

Образно говоря, сегодня Север может осваивать только высокообразованный и здоровый человек, способный реализовывать свой потенциал с привязкой на-

учных знаний к местным условиям существования, выработкой для этой цели новых социальных технологий. Очень важны информационно-коммуникационные технологии, которые в принципе способны резко повысить качество жизни северян, начиная от экологического мониторинга и заканчивая обеспечением для них возможности получения качественного образования.

Специалист на Севере (и с Севера) был и остается лучше по многим параметрам по сравнению со специалистом среднероссийского уровня. Сегодня, однако, этого мало: он должен обладать не только высоким профессионализмом, но и широким социальным видением последствий своей деятельности в плане экологическом и антропологическом. В этом его долг перед предками, которые осваивали Север и жили на нем, и перед потомками, поскольку разрушение уже созданной антропогенной среды обитания здесь или неправильное ее функционирование чревато ускорением катастрофических последствий во всем мире. Именно поэтому правомерна идея о том, что на Севере могут быть развязаны затянувшиеся до чрезмерности узлы по линии Восток – Запада, а также Запад – Юг и Восток – Юг. В этом предвидении и заключается пафос приводимых фрагментов из наследия Н. Ф. Федорова, побуждающих разрабатывать в рамках намеченного им вектора фундаментальные проблемы жизнеобеспечения всего человечества. И есть все основания утверждать, что ученые-северяне и ученые, изучающие Север, в наибольшей степени способны осознать безальтернативность мирного и продуктивного сотрудничества в данном поистине общем деле – трансграничном и трансконтинентальном.

Ссылки и примечания:

1. Здесь и далее цитируется собрание сочинений Н. Ф. Федорова в 4 томах.
2. Федоров Н. Ф. Pro et contra. – СПб., 2008. – ТТ. 1-2.
3. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Изд. группа “Прогресс”. – Том 4. – 1999. – С. 145.
4. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Изд. группа “Прогресс”. – Том 1. – 1995. – С. 175-193.
5. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Изд. группа “Прогресс”. – Том 3. – 1997. – С. 301-302, 371-389.

Author I. E. Zadorozhnyuk

The north of Russia as a platform for total productive business of West and East.

Annotation

Centrography treated as one of branches of economical geography and at the same time as a scientific discipline significant for the multifunctional submission about country, region or territory. It compares their spatial centers with centers of population and concentration of natural recourses, as well as various manufacturing industries in statics and dynamics. It's methods are applied to justify the optimal territorial and economical structure of the economy of countries and regions, and also their (geo) political status. Centrography contributes knowledge of Russia, but primarily its north regions; it contains not only cognitive and projective, but also culturological and patriotic educational functions.

Keywords: centrographic researches, quantitative changes in special relationships, geostatistic, interaction of technological processes and economic flows, crossing of communications, behavioral-social geography

Автор В. В. Фалин

Теория социальной коммуникации и методология подготовки специалистов по связям с общественностью в России

Формирующийся в России институт публичных отношений (PR) играет одну из главных ролей в поддержании стабильности общества и обеспечении его поступательного развития. Этим определяется ряд основных требований к подготовке PR-специалистов в современной России. К данным требованиям относятся глубокое понимание теоретических основ коммуникативных процессов; умение учитывать культурную специфику и особенности менталитета; наличие мировоззрения, в котором получатели коммуникационных сообщений, в качестве которых выступают человек, социальная группа и т. д., рассматриваются как полноправные субъекты, а не объекты влияния.

Ключевые слова: публичных отношений (PR), коммуникация, коммуникатор, реципиент, субъект, объект, мировоззрение, ценность, культура.

Аннотация

Формирование общества глобальной информации неизбежно предопределяет рост значимости социально-коммуникативных процессов во всех сферах человеческой деятельности. Технологии управления информационными потоками выступают в роли важного инструмента, обеспечивающего нормальное функционирование общественных систем и институтов. В настоящее время можно говорить о завершающихся процессах становления и институционализации ряда различных социально-коммуникативных практик, владение которыми стало одним из важнейших содержаний профессий современного менеджера, маркетолога, полит-

технолога и др. В этом ряду особое место занимает профессия специалиста по связям с общественностью, поскольку соответствующая ей профессиональная деятельность – публичных отношений или PR – в значительно большей степени направлена на общественные отношения как таковые и, соответственно, методологически более самостоятельна. В то же время она характеризуется широким спектром применения своих технологий, охватывающим экономическую, поли-

тическую, социальную, культурную, рекреационно-развлекательную сферы.

Профессиональная подготовка специалистов по связям с общественностью предполагает высокий уровень владения различными способами управления коммуникационными процессами в обществе, поскольку вне этих процессов невозможно управление общественными отношениями. Необходимый уровень профессиональной квалификации PR-специалиста требует не только наличия необходимого объема практического опыта коммуникационной деятельности, но и его глубокого теоретического осмысления. И именно в теоретической сфере в данной области существует чрезвычайно широкое разнообразие подходов и моделей, что делает непростой задачей выбор достаточно универсальной и всеобъемлющей образовательной стратегии. Поэтому важную роль здесь играет четкое определение базовых теоретических понятий.

Прежде всего, отметим интегративный, междисциплинарный характер предметной области теории социальной коммуникации. Причины этого “кроются в историко-культурной синкретичности самой социальной деятельности человека, основанной именно на пронизывающей и организующей эту деятельность коммуникации” [1]. Междисциплинарность рассматриваемой предметной области проявляется в наличии большого числа подходов к определению содержания базовых понятий. Это относится, в том числе, и к самому концепту “социальная коммуникация”.

Вслед за А. В. Соколовым и рядом других исследователей мы определяем социальную коммуникацию как “движение смыслов в социальном времени и социальном пространстве” [2]. Преимуществом этой дефиниции является достаточно большой объем используемых в ней логических понятий (“движение”, “смысл” и т. д.). Это позволяет избежать редукционизма, возникающего при опоре на понятия “информация”, “канал”, “коммуникатор”, “коммуникант” и т. д.

Категория “смысл” значительно шире категории “информация”. Под информацией обычно понимают совокупность сведений, знаний об окружающем мире, результат процесса познания [3], которые могут быть зафиксированы в знаковой форме. Человеку отводится роль субъекта познания, отражающего в своем сознании явления реальности (в частности, социальной реальности) и осуществляющего перевод этих отражений в знаковую форму. Однако это пассивная роль, и при необходимости этот процесс может выполняться без участия человека компьютерной системой. Собственно человеческое качество проявляется не в процессе информационного обмена, а в преобразованиях социальной реальности, которое осуществляется в соответствии с ценностями, идеалами, убеждениями и т. п.

Категория “смысл” включает в себя все эти элементы – ценности, идеалы и т. д. Кроме того, в нее входит также и информация, рассматриваемая как совокупность знаний о социальной реальности. При этом важно четко различать знания о ценностях, которые являются информацией (в соответствии с нашим определением), от самих ценностей.

Роль аксиологического фактора в детерминации социальной активности человека достаточно очевидна. Идеал, как высшая ценность, тесно связан с целями деятельности и поведения – во всяком случае, это справедливо для европейской культурной среды. Так, по мнению участников круглого стола “Глобализация общества и поиск новых моделей коммуникации” в рамках форума “Балтийский PR Weekend”, в настоящее время в России и странах Запада “...человек до сих пор живет в плену иллюзии о существовании неких идеальных конструкторов, к которым необходимо стремиться: идеальный супруг, идеальный руководитель, идеальный президент и т. д.” [4; с. 12]. С этим обстоятельством приходится считаться при планировании и проведении социально-коммуникативных кампаний.

Поскольку понятие “смысл”, включающее в себя ценности, предметы веры, убеждения, идеалы, оказывается богаче по своему содержанию, чем понятие “информация”, анализ социальной коммуникации с использованием категории “смысл” позволяет лучше отразить реальные процессы в социуме. Отметим, что ценности и идеалы являются предметом изучения аксиологии как философской дисциплины.

Движение смыслов также может быть понято в широком философском контексте. Это не просто обмен информацией, как принято представлять коммуникацию в кибернетическом подходе. Движение смыслов может быть рассмотрено как передача ценностей, убеждений, предметов веры и т. д. от одного человека к другому. Термин “передача” здесь условен, т. к. изменение аттитудов, ценностных ориентаций является следствием субъектной активности, не детерминированной полностью содержанием коммуникативного сообщения. Линейное, механическое представление этого процесса неоправданно сужает область рассматриваемых феноменов и искажает реальность. Движение смыслов может быть рассмотрено и как информационный обмен (что делает вполне уместным кибернетический подход), но оно не исчерпывается им. Передача информации не тождественна социальной коммуникации.

Любое знание (в более широком контексте – также умения и навыки) является осмысленным. Оно имеет деятельный характер, существует лишь в отношении к человеческой деятельности, которая направляется и организуется сознательными целями, имеющими для ее субъекта определенный личностный смысл. В результате знание, необходимо имеющее отношение к этим целям, приобретает аксиологическое измерение. Отсюда следует вывод о том, что и социальная коммуникация, связанная с передачей знаний, всегда имеет аксиологическое измерение, ценностный аспект.

Источник сообщения (коммуникатор) – это, как правило, активная сторона в процессе коммуникации, он инициирует передачу смысла (исключение составляют процессы подражания). Однако и получатель (реципиент), вообще говоря, также является активной стороной, т. е. проявляет свою субъектность как специфически человеческое качество, означающее способность к совершению осмысленного выбора способа реагирования на коммуникативный стимул. Может

иметь место и обратное, когда реципиент не является полноценным субъектом коммуникационного взаимодействия, тогда он может рассматриваться как объект воздействия. В этом случае вполне уместно считать, что движение смыслов состоялось не в полной мере, с меньшей эффективностью.

Передача ценностей и убеждений в данном случае также может иметь место, т. к. они могут быть усвоены субъектом (человеком или группой) не только сознательно. Ценности – это “культурные ориентиры, которые складываются у определенной группы людей в течение длительного периода жизни” [5]. Кроме того, у людей имеются бессознательные установки, стереотипы и т. д. Однако, считая, что ценности – это осознаваемые культурные ориентиры, мы приходим к выводу, что изменение системы ценностей также должно происходить вполне осознанно.

Результатом этого изменения должна быть новая, трансформированная система, в которой исчезают некоторые элементы, появляются новые, формируются новые связи и отношения. Речь идет, в частности, об отношении новых ценностных ориентиров к прежним. Поскольку эти ориентиры являются вполне осознанными, возникающие между ними связи также могут быть построены только сознательно. С другой стороны, исчезновение некоторых ценностей означает разрушение прежних связей, что может отразиться на стабильности системы в целом. Этим отношениям должна быть найдена адекватная замена, тогда результатом процесса изменения будет не разрушение системы как таковой, а трансформация, замена ее новой. Сознательность этого процесса необходимо предполагает субъектный статус носителя ценностей и убеждений.

Так, идеалом западной гуманистической психологии является человек, обретающий себя как личность именно вследствие того, что сам строит свою социальную активность (самоактуализация). В традиционных религиозных культурах (в отличие от псевдорелигиозных экстремистских течений) также всегда уважалась свобода духовного самоопределения человека.

Трансляция ценностей и убеждений, осуществляемая без учета этой свободы, на субъект-объектном уровне (одним из крайних вариантов этого процесса является информационная война), часто не оставляет реципиенту возможности сохранить свою систему ценностных ориентаций даже в трансформированном виде. В результате может возникать, в частности, внутренний конфликт между сознательными и бессознательными установками [6]. Это неизбежно уменьшает внутреннюю стабильность личности или социальной группы. Исследование процесса адаптации личности к новой для нее культурной среде (и, соответственно, новой системе культурных ценностей) позволяет говорить о возникающем состоянии внутреннего кризиса, называемого “культурным шоком” [7]. Некоторые деструктивные последствия могут проявиться и в отдаленной перспективе – спустя десятилетия, в процессе смены поколений.

Поэтому наиболее эффективной в стратегическом плане можно считать такую передачу ценностей, которая осуществляется на сознательном уровне, когда оба участника коммуникационного процесса имеют субъектный статус,

т. е. в процессе диалога. Именно этот случай важен для PR, ориентированных, как правило, на долгосрочный результат. Отметим, что диалог как форма коммуникационного действия более эффективен в целом ряде наиболее сложных задач, возникающих в социальной и политической сферах – разрешение межгосударственных, межнациональных, социальных конфликтов и т. д. [2; с. 63].

Таким образом, эффективная в стратегическом плане передача (трансляция) ценностей не может происходить в том случае, когда реципиент является объектом воздействия. В этой связи является важным вопрос о том, от чего зависит способность реципиента к сознательному принятию тех или иных ценностей. Очевидно, что этот вопрос затрагивает сферу психологии коммуникаций и речь здесь должна идти о различных психологических состояниях реципиента. В его роли может выступать отдельный человек – в этом случае можно говорить о психическом здоровье, возрасте, уровне личностной и гражданской зрелости как о факторах, определяющих готовность к полноценному коммуникационному процессу. Реципиентом может быть группа людей, и в этом случае, помимо вышеперечисленного, необходимо говорить о феномене массового сознания, эффекте толпы и т. д. Нельзя (или, по крайней мере, сложно) манипулировать обществом, но можно легко направить в нужное русло поведение толпы, которая ведет себя именно как объект воздействия. А. Андреев дает описание процесса взаимодействия коммуникатора с массовой аудиторией: “Политические деятели и партии, с пренебрежением относившиеся к “примитивным” формам пропаганды и привыкшие говорить языком логических аргументов, вдруг с недоумением обнаружили, что на массовидную аудиторию такие аргументы не действуют. Более того – она их вообще не воспринимает. В то же время хлесткий лозунг, меткое сравнение, апеллирующая к глубинным чувствам людей символика и, наконец, представление идеи через жест, действие оказывают на массу неотразимое воздействие. Важнее не выстраивать доказательства, а воздействовать на воображение, употребляя слова, способные немедленно вызвать у множества людей очень сходные и очень наглядные образы” [8].

По мнению психологов, для массового сознания при определенных условиях может быть характерен эффект “фантомизации” или “психической смерти”. Это явление, “приобретающее в условиях массовой культуры значительный выраженный характер” [9]. Оно означает утрату людьми полноценной способности к объективной оценке реальности и адекватному реагированию на коммуникативные стимулы. “Фантомное сознание” характеризуется высоким уровнем ригидности, оно статично, не учитывает происходящие изменения, порождает социальные конфликты вследствие своей ригидности. Все это также позволяет говорить о том, что социальная группа, обладающая таким типом сознания, будет проявлять себя в коммуникационном процессе как объект с заданными свойствами, а не самостоятельный субъект.

В случае, если реципиентом в коммуникационном процессе является трудовой коллектив фирмы, организации, важную роль играет степень сформир-

рованности корпоративной философии и корпоративной культуры. Большое значение имеет также характер ценностей, лежащих в основе поведения работников организации, определяющих ее фирменный стиль.

Важную роль в обеспечении смысловой полноты коммуникационного процесса играет коммуникатор. Он инициирует передачу сообщения аудитории, определяет его содержание, способ передачи. Здесь мы также исходим из тезиса о сознательном характере коммуникативного акта. В рамках такого подхода нельзя считать полноценной коммуникацией неинтенциональную передачу сигналов (например, неосознаваемые или произвольные жесты в ситуациях межличностного общения). Восприятие таких сигналов аналогично процессу наблюдения, например, за явлениями природы. В данном случае мы имеем дело не с восприятием сообщения реципиентом, а с наблюдением, объектом которого является поведение социального субъекта, который в данном случае не рассматривается нами как коммуникатор. Такие процессы можно считать неполной (частично состоявшейся) социальной коммуникацией. Следует отметить, что этой точки зрения придерживаются не все авторы. Однако большинство моделей социальной коммуникации содержат такие элементы, которые говорят о сознательном характере коммуникативного акта.

Самой распространенной моделью, принимаемой многими исследователями, является следующая схема [1; с. 25]:

Источник (коммуникатор) – Кодирование – Сообщение – Декодирование – Получатель (реципиент) – Обратная связь.

Коммуникатор формирует сообщение, адресованное получателю. Однако непосредственная передача некоторого внутреннего смыслового содержания от одного субъекта к другому невозможна – в этом едины практически все авторы. Данное обстоятельство имеет важное философское значение: в теории коммуникации источник и получатель мыслятся как изолированные друг от друга субъекты (личности или социальные группы). Они отчуждены друг от друга, причем эта отчужденность имеет онтологический характер. Обоснование такого подхода легко можно найти в рационалистической западной философии, и если учесть, что теория социальной коммуникации создана трудами преимущественно западных авторов, опирающихся на эту философию, то становятся понятными мировоззренческие рамки, в которых обычно рассматриваются социально-коммуникативные процессы. Однако тезис о принципиальной отчужденности субъектов, включенный в коммуникационный процесс, не является логически необходимым. Альтернативный мировоззренческий подход может базироваться, например, на философии С. Л. Франка и других русских философов [10].

В рамках обычного рассмотрения социальной коммуникации автоматически постулируемый тезис об отчужденности коммуникатора и реципиента ведет к появлению необходимости некоторых связующих звеньев между ними, делающих возможным понимание коммуникационного сообщения. Это, прежде всего, процессы кодирования и декодирования. Перевод внутреннего смысла, носителем которого является коммуникатор, в сообщение, и является кодиро-

ванием. А. Д. Кривоносов так описывает этот процесс (применительно к PR-текстам): "...Кодирование предполагает выбор определенной речевой структуры текста, определяемой стилистико-языковой структурой конкретного жанра. Таким образом, мы говорим о генологическом (жанрообразующем) измерении кодирования в конкретном акте PR-коммуникации" [3; с. 31]. В результате возникает сообщение – "содержание (смысл) передаваемой информации"[там же]. Реципиент подвергает сообщение декодированию, которое есть "перевод его на язык получателя, который определяется восприятием получателя-адресата" [3; с. 32]. Большинство исследователей вводят понятие коммуникационного канала, соединяющего источник и адресата. В роли канала могут выступать технические средства, природная среда, СМИ и т. д. И, наконец, обратная связь – отклик реципиента на полученное сообщение – делает коммуникацию завершенной.

Отметим, что необходимость промежуточных звеньев между источником и получателем сообщений, неизбежно связанных с существованием барьеров понимания и искажением передаваемых смыслов, обусловлена степенью реальной отчужденности коммуникатора и реципиента. Эта степень может быть различна для различных субъектов в различных социально-культурных условиях.

Существует большое число моделей коммуникации, детализирующих те или иные ее аспекты. Однако в большинстве случаев их авторы указывают на проблему понимания реципиентом смысла сообщения. В приведенной выше модели эта проблема отразилась в необходимости процессов кодирования и декодирования, смысл которых в действительности является более глубоким, чем принято представлять в рамках кибернетического и близких к нему подходов. А. В. Соколов вводит понятие коммуникационного познания как понимания смысла сообщения, отмечает его сложность: "Коммуникационное познание является творческим познавательным актом, потому что реципиент не только осознает поверхностный и глубинный смыслы сообщения, но и оценивает их с точки зрения этического должностования и прагматической пользы" [2; с. 34]. Н. В. Шеляпин указывает, что усвоение информации происходит через "призму ценностных установок целевой аудитории" [5; с. 132].

Определение социальной коммуникации как движения смыслов позволяет рассматривать коммуникативный акт в широком мировоззренческом контексте. Такие понятия, как ценности, идеалы, убеждения, входящие в категорию "смысл", одновременно принадлежат к аксиологической подсистеме мировоззрения. Система ценностных ориентаций согласована с базовыми мировоззренческими позициями. В роли такой позиции может выступать, например, избранный субъектом определенный способ решения основного вопроса философии [11], религиозные взгляды и др. К. Леви-Стросс считал, что бинарные знаковые системы, включающие в себя пары противоположных понятий, в том числе выражающие собой противоположные ценности – "добро" и "зло", "правда" и "ложь", "свет" и "тьма" и т. д., организуют человеческое поведение [12]. Таким образом, картина мира участвующих в коммуникации субъектов оказывается важным фактором, определяющим характер и содержание коммуникационного процесса.

Действие коммуникационного канала сводится к передаче некоторого сигнала во времени и пространстве. Однако этот объект приобретает определенное социальное значение и становится сообщением исключительно при его интерпретации сознанием (индивидуальным или групповым) субъекта, осуществляющего передачу или прием. Сущность процессов кодирования и декодирования сводится, по сути, к интерпретации смыслов одного субъекта в смысловом пространстве другого. Одно и то же сообщение (один и тот же текст – вербальный, невербальный и т. д.) будет иметь совершенно разное значение в контексте различных картин мира и задаваемых ими систем ценностей.

Коммуникация есть процесс, который “основывается на одинаково понимаемых смысловых значениях” [13], во всяком случае, одинаковое понимание является условием предсказуемости результата коммуникации. А это, в свою очередь, позволяет говорить о возможности построения на ее базе эффективных социальных технологий. Таким образом, способность к интерпретации коммуникационных сообщений в рамках систем ценностей различных мировоззрений (являющихся, в свою очередь, подсистемами различных культур) является, с одной стороны, одним из качеств эффективного коммуникатора, а с другой стороны – важным элементом подготовки реципиента.

Мировоззренческие представления лежат в основе отношения человека к миру и другим людям, которое проявляется, в том числе, и в его коммуникативной активности. В частности, позиция коммуникатора, выражающаяся в оценке целесообразности отношения к реципиенту как субъекту, способному выражать собственные интересы, которые необходимо уважать, имеет характер некоторой мировоззренческой ценностной ориентации. Так, например, пропаганда базируется на пренебрежении интересами общественности, сведении ее к безликой социальной среде, объекту воздействия со стороны того, кто управляет пропагандистской машиной. Такая модель коммуникативной деятельности легко вписывается в тоталитарную идеологию, возникающую и оформляющуюся в рамках соответствующего мировоззрения.

Очевидно, что аксиологическая подсистема такого мировоззрения имеет мало общего с демократическими ценностями. В условиях демократии отношение субъекта, инициирующего коммуникацию (прежде всего, конечно, массовую) к реципиенту (общественности) строится в соответствии с принципами признания его субъектности. Эта субъектность проявляется в активности в публичной сфере – символическом пространстве, где происходит свободная дискуссия, обмен мнениями. Именно формирование публичной сферы является необходимым условием существования демократического режима. Однако это условие выполняется, только если участники коммуникативного процесса являются активными субъектами, имеющими свою сознательную позицию и умеющими ее выражать. По мнению А. Д. Кривоносова, “...публичная сфера есть, прежде всего, демократия в действии, что выявляется в противопоставлении взглядов, мнений, идеологий субъектов. Однако публичная сфера не возникает при наличии свободной прессы, самой свободы слова, – она возникает тогда, когда в обществе

появляются более или менее самостоятельные индивиды, способные составить свое собственное мнение о чем-либо и, что важно, способные определенным образом публично представлять это свое собственное суждение” [3; с. 13].

Демократия базируется на гуманистических идеалах, предполагающих признание каждого индивида самостоятельной ценностью, наделение каждого человека или социальной группы правом иметь свою собственную точку зрения по любому значимому для них вопросу и правом свободно выражать ее. Это означает, что индивиды и социальные общности, участвующие в процессе социальной коммуникации, являются субъектами публичной сферы, без которой, по выражению Д. Вольтона, нет демократии. Пренебрежение этой субъектностью может вести к возрождению тоталитаризма в той или иной форме.

Можно считать продолжением тоталитарной традиции характерное для современной России и многих демократий Восточной Европы отношение практиков в области социально-коммуникативных технологий к общественности исключительно как к объекту манипуляций. Во всяком случае, мы можем констатировать близость мировоззренческих позиций, лежащих в основе манипулятивных технологий, применяемых в условиях демократии, и пропаганды в условиях авторитарного политического режима. Сходство между ними проявляется в занятой коммуникатором определенной социальной позиции, базирующейся на отказе от признания права (или способности) реципиента самостоятельно ориентироваться в потоке социальной информации и определять свое отношение к фактам и событиям в соответствии с собственной системой ценностей (индивидуальных или групповых).

Мировоззренческий фактор играет определенную роль в формировании концепции так называемых интегрированных коммуникаций. По мнению А. Яковлева, роль интегрирующего фактора в различных сферах деятельности (политика, бизнес, благотворительная деятельность) может играть любая из трех составляющих “коммуникационного треугольника” – маркетинг, реклама, паблик рилейшнз [4]. Эта позиция несколько отличается от общепринятого подхода. В его рамках обычно говорят об интегрированных маркетинговых коммуникациях. При этом маркетинговый подход, в рамках которого участники коммуникации рассматриваются прежде всего через призму рыночных отношений, как продавец и потенциальный покупатель, фактически становится основой системы представлений об обществе в целом, являющейся частью картины мира коммуникатора. Реклама также укладывается в рамки этой картины мира. Однако паблик рилейшнз ассоциируются с другими мировоззренческими ориентирами, и попытка рассматривать их как одну из маркетинговых коммуникаций подвергается справедливой критике.

Роль реципиента как покупателя не предполагает обязательного наличия у него полноценного субъектного статуса. Разумеется, он свободен в принятии решения о совершении сделки, однако для маркетера это является, скорее, помехой. Покупатель – это, прежде всего, объект изучения (с точки зрения его потребностей и предпочтений) и объект воздействия в промо-акциях, рекламе

и т. д. (сюда же можно отнести брендинг как формирование имиджа торговой марки). Другие стороны и аспекты не рассматриваются в рамках данной картины мира, иногда называемой панмаркетизмом. Но именно эти аспекты оказываются важны для PR.

Таким образом, можно констатировать, что мировоззрение участников социально-коммуникационного процесса (и, прежде всего, его аксиологическая подсистема) как одна из важнейших подсистем культуры решает следующие задачи:

- определение статуса каждого участника (субъект или объект), и организация коммуникации в соответствии с этим статусом;
- опосредование информационного обмена и взаимодействия коммуникатора и реципиента, проявляющееся в процессах кодирования и декодирования как интерпретации смыслов.

Отметим, что картина мира не является единственным фактором, определяющим характеристики коммуникативного процесса. Кросс-культурное исследование рекламной коммуникации позволяет выявить ряд других особенностей национальной культуры и менталитета, влияющих на успех рекламной кампании: различия экономической, политической, социальной системы; уровня технического развития; развития и использования СМИ и каналов рекламы; культуры, традиций; мироощущения; смысловых, звуковых и прочих ассоциаций; восприятия мира; языка; стилей жизни; стремлений к достижению соответствующего образа жизни; отношения к рекламе; потребностей, вкусов, пристрастий и предпочтений потребителей; потребительских моделей, ценностей и мнений; функций товара; стадий жизненного цикла товара; позиций товара; степени готовности к покупке; способности потребления; конкурентной среды; правовых, деловых [14]. Многие из этих особенностей имеют значение для социальной коммуникации как таковой, что очевидно следует из анализа их природы. Однако мировоззренческое ядро культуры, система наиболее общих представлений человека о мире и о его месте в нем, а также обусловленная конкретным мировоззрением система ценностей (аксиологическая компонента), занимают центральное место среди культурных факторов, влияющих на протекание процесса коммуникации. Вся деятельность человека в духовной сфере соотносится с его представлениями о мире как частное с общим.

Рассмотренные выше аспекты коммуникационного процесса обуславливают целевые установки образовательной стратегии по подготовке специалистов в этой сфере (в частности, пиарменов). Отметим, что сегодня образовательный процесс в высшей школе рассматривается различными исследователями в широком междисциплинарном контексте (в частности – в философском, социокультурном, психологическом и т. д.), что позволяет выявить его главные проблемы и сформулировать национальные приоритеты.

По мнению И. Яковлева, “сегодня возникает острая необходимость определить содержание и статус профессиональной коммуникативной деятельности как родовой для всех ее разновидностей, включая связи с общественностью,

рекламную, маркетинговую и другие. Решение этой задачи должно привести высшую школу к подготовке специалистов по одной интегральной специальности – социальным коммуникациям, но с разными специализациями, число и наименования которых могут меняться в зависимости от развития теории и практики” [4; с. 10].

Такой подход необходимо предполагает, в частности, широкую междисциплинарную подготовку. При этом реально возникает опасность снижения глубины освоения каждой из изучаемых дисциплин. В результате образование может стать поверхностным и значительно обесцениться.

Эта проблема может быть решена в рамках подхода (разделяемого сегодня многими специалистами-практиками), предполагающего выделение в рамках вузовского образования двух составляющих – мировоззренческой и практической. Традиционный процесс преподавания в вузе должен быть нацелен на формирование профессионального мировоззрения, а практическая подготовка должна обеспечиваться специалистами-практиками (что предполагает разработку и социализацию механизма их участия в образовательном процессе).

В результате возникает методическая задача выделения в каждой из изучаемых дисциплин мировоззренческого ядра, содержащего базовые теоретические положения. Они должны позволять при необходимости расширять сферу овладения данной дисциплиной самостоятельно, в рамках самообразования и повышения квалификации, с использованием Интернета, средств дистанционного обучения и т. д. Все это позволит повысить степень адаптивности специалиста в условиях быстро изменяющейся профессиональной сферы, связанной с социальной коммуникацией в формирующемся обществе глобальной информации.

С другой стороны, возникает необходимость включения в образовательный процесс широкого спектра форм практической подготовки. Практическая и мировоззренческая составляющие должны дополнять друг друга, при этом необходимо обеспечивать их взаимную согласованность. Формы и механизмы согласования могут быть различны, однако они, по возможности, должны быть отражены в образовательных стандартах и учебных планах.

Помимо информационной компоненты – базовых знаний по необходимым дисциплинам – мировоззренческая составляющая образовательной подготовки должна включать в себя и ряд особых коммуникативных умений, позволяющих осуществлять интерпретацию сообщений на уровне картины мира и системы ценностей. К ним можно отнести умение вербализовать базовые положения собственной картины мира, адекватно и конструктивно воспринимать системы ценностей, отличные от собственной, успешно вести диалог с представителями иной культурной среды и др.

Для осуществления успешной интерпретации культурных сообщений недостаточно только лишь когнитивных составляющих личности. Умения – это только инструмент деятельности, а ее движущими факторами являются мотивы, установки и т. д., направляющими и организующими – взгляды, убеждения, собственные ценностные ориентиры. Следовательно, необходимо формирова-

ние определенных структур личности будущего специалиста (обеспечивающих, в частности, толерантное отношение, уважение свободы личности, прав человека и др.), что является уже воспитательной задачей.

Само образование может быть рассмотрено как культурная коммуникация, трансляция культуры. Это позволяет применять в образовательном процессе те же самые принципы, которые необходимо сформировать у студентов как будущих специалистов в сфере социальной коммуникации.

Ссылки и примечания:

1. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действие / В. М. Березин. – М.: Изда-во РИП-холдинг, 2003. – С. 27.
 2. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов / Учебное пособие. – СПб.: Изда-во Михайлова В. А., 2002. – С. 27.
 3. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривонос. – СПб.: Изда-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – С. 22.
 4. Яковлев И. Интегрированная лошадь, а не маркетинговая телега / И. Яковлев // PR-диалог. – 2002. – № 3.
 5. Шеляпин Н. В. Психоаналитические компоненты работы с целевой аудиторией / Н. В. Шеляпин // Петербургская школа PR: от теории к практике. Вып. 2: Сб. статей / Отв. ред. А. Д. Кривонос. – СПб.: Изда-во “Роза мира”, 2004. – С. 131.
 6. Weaver R. L. Understanding Interpersonal Communication / R. L. Weaver. – Harper Collins College Publishers, 1996. – P. 159-160.
 7. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохин / Учебное пособие. М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. – С. 122-129.
 8. Андреев А. Л. Политическая психология / А. Л. Андреев. – М.: Издательство “Весь Мир”, 2002. – С. 136.
 9. Абрамова Г. С. Практическая психология / Г. С. Абрамова. – Издание третье, стереотипное. – Екатеринбург: “Деловая книга”, 1998. – С. 19.
 10. Франк С. Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк // Русское мировоззрение – СПб.: “Наука”, 1996. – С. 161 – 195.
 11. Яковлев И. Лестница в небо / И. Яковлев // PR-диалог. – 2004. – № 3. – С. 13.
 12. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М., 1985.
 13. Катлин С. М. Паблик рилейшенз. Теория и практика: Уч. пос. / С. М. Катлин, А. Х. Сентер, Г. М. Брум. – 8-е изд.: Пер. с англ. – М.: Издательский Дом “Вильямс”, 2001.
 14. Назарова Р. Кросс-культурный анализ в рекламе / Р. Назарова // Лаборатория рекламы, маркетинга и public relation's. – 2004. – № 2. – С. 56.
-

Author V. V. Falin.

The theory of social communication and training methodology of PR specialists in Russia.

Annotation

The institute of public relations (PR) that forming in Russia now plays a major role in maintaining the stability of society and ensuring its sustainable development. And by this fact the number of basic requirements is determined in modern Russia. The data requirements include the understanding of theoretical basics of communicative processes; ability to consider the cultural specificity and features of mentality; presence of ideology in which recipients of communicative messages, who are mainly one person, social group, etc. considered as full subject, not the objects of affection.

Keywords: public relations (PR), communication, communicator, recipient, subject, object, ideology, value, culture.

Автор О. И. Беляева

Человек – дом – мир. О некоторых семантических универсалиях в сфере антропоморфной лексики

Аннотация

В статье рассматривается функционирование русской анатомической лексики в различных терминологических сферах, прежде всего географической и строительной. Исследование проводится на диалектном материале. Анализируя антропоморфические метафоры, распространенные в разных языках, автор приходит к выводу об универсальном характере этого явления и объясняет его характерной для традиционной модели мира идеей соотношенности строения человеческого тела (микрокосма) со структурой жилища и структурой космоса (макрокосма).

Ключевые слова: антропоморфная лексика, семантические универсалии, этнолингвистика, традиционная модель мира, макрокосм, микрокосм, этимологические и антропонимические мифы, первочеловек, строительная жертва, метафорический перенос, географический термин.

Под языковыми универсалиями принято понимать закономерности, общие для всех языков или для их абсолютного большинства. Различные взгляды на проблему языковых универсалий отражены в исследованиях Б. А. Успенского, Ю. В. Рождественского, Дж. Гринберга, Ч. Осгуда, Дж. Дженкинса, У. Вейнрейха. – С. Ульманна, Ю. Д. Апресяна, А. Вежбицкой и др. При всех различиях в подходах и толкованиях неоспоримым остается утверждение о том, что, поскольку язык представляет собой форму индивидуального поведения и одновременно форму человеческой культуры, универсалии дают возможность установить связь с психологическими законами (в психолингвистике) и сформулировать выводы относительно человеческой культуры в целом (в этнолингвистике).

В зависимости от того, в терминах какого языкового уровня сформулирована универсалия, называют четыре основных типа универсалий: фонологические, грамматические, семантические и символические. Одна из семантических универсалий состоит в том, что во всех языках есть метафорические значения. К

наиболее важным семантическим компонентам, которые необходимо искать в любом словаре, относится семантический компонент, связанный с “мертвыми” или “стертыми” метафорами.

В самых разных языках широко распространены “стертые” метафоры антропоморфического типа. Поскольку метафора базируется на восприятии определенных сходств, естественно, что очевидные аналогии дают почву для возникновения одной и той же метафоры в разных языках; отсюда широкая распространенность таких выражений, как, например, “подножие горы” или “ножка стола”. Эту распространенность метафор антропоморфического типа еще в XIX веке отмечал итальянский философ Джамбатиста Вико: “Во всех языках большинство выражений, относящихся к неодушевленным предметам, образуются посредством переноса названий человеческого тела или его частей, а также названий человеческих чувств и страстей на эти неодушевленные предметы. Невежественный человек делает себя мерилom Вселенной” [1]. Таким образом, Вико без всяких колебаний рассматривает антропоморфическую метафору как языковую универсалию.

Современные лингвисты более осторожны, однако не может быть сомнения в том, что подобные выражения широко распространены во многих языках. Они могут относиться как к конкретным, так и к абстрактным явлениям действительности. Сравним английские и русские выражения:

the neck of a bottle “горлышко бутылки” (букв. “шея бутылки”);

the eye of a needle “игольное ушко” (букв. “глаз иглы”);

the mouth of a river “устье реки” (букв. “рот реки”);

the brow of a hill “выступ горы” (букв. “бровь горы”).

Наряду с такими метафорами существуют метафоры обратного направления, когда названия неодушевленных предметов или животных переносятся на части человеческого тела: англ. muscle (из лат. musculus, букв. “маленькая мышь”) (ср. русск. мышца); polypus “полип”; apple (of the eye) “(глазное) яблоко” и др. Как отмечает С. Ульманн [2], переходы из человеческой сферы распространены гораздо чаще, чем переходы в эту сферу из других сфер. Можно сказать, что наше тело есть центр как метафорной экспансии, так и метафорного притяжения, однако сильнее проявляется первое свойство.

Существование такого способа номинации, как антропоморфное обозначение реальных, отчасти позволяют объяснить исследования английского антрополога Виктора Тэрнера, утверждавшего, что символы общества обладают структурой и находятся в отношениях трехчленной классификации.

Универсальной Тэрнер считает классификацию, связанную с белым, красным и черным цветами. Эти три цвета, по его мысли, принадлежат к числу древнейших символов, ассоциируются с “продуктами человеческого тела, выделение которых сопровождается повышенным эмоциональным напряжением; иными словами, культура как понятие “надфизиологическое” на ранних стадиях своего развития оказывается тесно связанной с физиологией человеческого тела” [3]. Источнику этого повышенного эмоционального напряжения, избыточной энергии приписываются космическое или социальное происхождение, и аналогии физическому опыту обнаруживаются в природе и социальной жизни.

Три цвета, таким образом, воплощают в себе основной телесный опыт человека. Более того, они обеспечивают своего рода первичную классификацию действительности. По мысли Тэрнера, именно человеческий организм и важный для его существования опыт образуют источник всякой классификации, а осознание триадных и диадных отношений в космосе и обществе, непосредственное или метафорическое, является производным этого изначального психофизиологического опыта.

Выводы Тэрнера нашли подтверждение в этнолингвистических изысканиях (Н. И. Толстой. – С. А. Токарев, В. В. Иванов, В. Н. Топоров и др.), позволяющих связать с такой первичной классификацией действительности развитие антропоморфных наименований, образованных в результате метафорического переноса. Подобные наименования фиксируются как в русском литературном языке, так и в говорах различных областей, причем в говорах они представлены более широко и регулярно. Для анализа данной группы лексики были использованы материалы “Картотеки русских говоров Республики Коми и сопредельных территорий” Сыктывкарского госуниверситета. Часть материалов собрана автором в ходе диалектологических и этнографических экспедиций. В качестве лексикографических источников используются различные этимологические и толковые словари, словари русских говоров.

Анализ показал, что в составе исследуемой лексики выделяются три лексико-семантические группы слов: географические термины (бровь, колено, горло, губа, нос и др.); лексика, связанная со структурой жилища (глаз, устье, зад, череп и др.); так называемая “предметная” лексика, служащая для обозначения различных бытовых реалий (ручка, ножка, ушко, веко, пупок, зобня и др.). Обращает на себя внимание параллельное употребление некоторых лексем (глаз, око, бровь, губа, колено, череп, затылок и др.) сразу в нескольких терминологических сферах: анатомической, географической, строительной и бытовой.

В качестве показательного примера такого параллельного употребления рассмотрим ряд слов “глаз – око – окно”. В русских говорах Республики Коми слово “глаз” находит широкое употребление в сфере строительной терминологии и фиксируется в значении “окно”: “старые избы на Печору глазами”; “дом к реке глазами стоит”; “дом туды глазами стоит, другой дом, вот вам туды и понадобилось”; “дом глазами смотрит”; “глаз против глаз жили мы”.

Однако для других говоров это значение не характерно и представлено лишь в диалектах Архангельской области: “окно на лицевой стороне дома”. В донских говорах отмечено слово глазок в значении “застекленная часть оконной рамы”.

В литературном языке данное значение не обнаруживается, но следует учитывать, что из здесь название предмета, обозначаемого в говорах словом “глаз” – окно – связано с обозначением органа зрения. Этимологически слово “окно” восходит к слав. око (*окъно <*oko).

В контексте данного исследования важно отметить также некоторые типологические соответствия, например, англ. window и др.-исл. vindauga “окно”, букв. “глаз ветра”.

Параллелизм употребления слов глаз / окно в анатомической, строительной, географической сферах прослеживается на материале ряда говоров. В белорус-

ских говорах окном (окнищем) называют “место на болоте, где видна вода, не заросшее мхом и друтой растительностью”, а также “глубокое топкое место на болоте” и “прорубь”. Слово “окно” в этих же значениях распространено в тверских, псковских, архангельских говорах.

В качестве географического термина слова со значением “окно” фиксируются в ряде славянских языков: сербохорв. окно “чистое, незаросшее место на болоте”, “шахта”; болг. окно “шахта”; польск. окно “ключ, родник”, “шахта”, укр. вікно “водоворот, омут”.

Аналогичные значения присущи и лексеме “око”, сохранившейся в славянских языках, кроме общеславянского значения “глаз”, архаичное значение “источник”.

В архангельских говорах известны слова “глазина” – “глубокая лужа на моховом болоте” и “глазовина” – “круглое отверстие в болоте”. В Олонецкой зоне слово глазник имеет значение “отверстие во льду, полынья, провал, место, не поросшее травой на болоте”. В смоленских же говорах отмечается семантический параллелизм: слово “окно” (вокно) имеет значение “глаз”.

Функционирование данного географического термина носит универсальный характер. Параллельные значения “глаз” и “источник, родник” имеют араб. айн, арм. акн, туркм., азерб. гез, перс. чешм и др.

Слово “глаз” в древнерусских текстах встречается в значении “стеклянный шарик” (глазки стеклянные) и в современном значении отмечается лишь с конца XVI – начала XVII века. Этимология его окончательно не выяснена, однако ее связывают с польским *glaz* “камень, скала”, ср.-нж.-нем. *glazen* “пылать, раскаляться”, др.-в.-нем. *glas* “янтарь, стекло”, лат.-герм. *glesus* “янтарь”. Интересно в этом смысле употребление в говорах Республики Коми слова “глазок” в значении “камень в колечке” и слова “глазнецы” в значении “стеклянные бусы”: “супирки всякие бывают, с глазком, у меня было, и не одно, глазки выпали, да и не ношу”; “счас с глазками больше носят”; “на руке супирки носили, глазки у них красивенькие”; “мне матери глазнецы подарила, на шее носить, да я потеряла”; “глазнецы у меня были красные, блестящие, в праздник надевала”.

Итак, первоначально в значении “орган зрения” в русском языке употреблялось слово “око”. Затем вследствие метафорического переноса наименования (“стеклянный, прозрачный, блестящий шар небольшого размера”) в этом значении закрепляется заимствование “глаз”, вытесняя первоначальное слово в область “высокой” лексики (“очи” в современном русском языке – это, скорее всего, “глаза” нематериальные (“очи неба”) или необычайно прекрасные, одухотворенные глаза). Одновременно и в диалектах происходит перераспределение значения слова “глаз”, которое в ряде говоров начинает употребляться вместо общенародного “окно”.

Функционирование данного слова в говорах представляет большой интерес как в лингвистическом, так и в этнографическом отношении. В структуре жилища окно как отверстие в стене для света и воздуха занимало чрезвычайно важное место, поскольку, как и дверь, соотносилось с идеей входа, проницаемости, связи жилища с внешним миром. Как отмечает А. К. Байбурин, “окна связывают жилище не просто с остальным миром, но с миром космических явлений и процессов, таких как солнце (луна), стороны света, ландшафт, чередование света

и тьмы, дня и ночи, зимы и лета и т.п. Причем особая роль отводится солнцу, свету и тьме как активным явлениям, которым окна обязаны своим существованием” [4].

Соотношение окна как отверстия в стене и глаза как органа зрения особенно наглядно проявляется в похоронном обряде, где окно играет значительную роль. Это связано с представлением о смерти как о закрывании глаз, ср. игру в “жмурки”, в основе которой лежит ритуальный образ смерти, ср. также универсальный мотив слепоты героя и ритуальный запрет смотреть (выглядывать в окно), нарушение которого приводит героя к гибели, как, например, в известной сказке “Кот, петух и лиса”.

Таким образом, определяющую роль в метафорах антропоморфического типа, по-видимому, играет идея соотнесенности строения человеческого тела со структурой жилища и структурой космоса. В мифологических системах разных народов имеются соответствия между частями человеческого тела и элементами ландшафта (плоть – земля, кости – горы, череп – небо и т.д.). Такого рода соответствия находят отражение в географических терминах: бровь “крутой берег”, горло “пролив”, губа “залив”, колено “изгиб реки”, лбище “холм”, нос “мыс”, ус “ответвление дороги”, хребет “горная цепь”. Соответствия между макро- и микрокосмом отражены в структуре традиционного жилища и объясняют антропоморфное обозначение частей жилой постройки: глаз “окно”, устье “топка печи”, чело “свод печи” и т.д.

Представленная в языковой системе разных народов соотнесенность “человек – дом – мир” позволяет воссоздать некоторые архаические представления о традиционной модели мира. Понятие традиционной модели мира в самом общем виде определяется в этнолингвистике как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции. Понятие “мир” понимается как человек и среда в их взаимодействии или как результат переработки информации о среде и человеке. Переработка информации происходит как бы в два этапа: первичные данные, воспринятые органами чувств, подвергаются вторичной перекодировке с помощью знаковых систем. Таким образом, модель мира реализуется не как систематизация эмпирической информации, но как сочетание разных семиотических воплощений, которые скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему [5].

В реконструкции традиционной модели мира значительную роль играют топонимические исследования, поскольку в составе топонимии представлены “законсервированные” в своих значениях лексемы, относящиеся к древнейшим этапам развития языка. Это так называемые местные, или народные (в отличие от научных) географические термины. Местная географическая терминология не только включает в себе информацию о географических условиях проживания отдельно взятого этнического коллектива, о его связях (прежде всего языковых) с другими членами социума, но и отражает древние мифопоэтические представления народа.

Для топонимических исследований большое значение имеет привлечение диалектного материала. Н. И. Толстой, рассматривая географическую терминологию (в рамках топонимии) как часть словарного состава конкретного языка,

подчеркивал, что к ней должно быть в полной мере применимо различие между литературным языком и диалектами, между одной нормированной системой – литературной – и множеством ненормированных систем – диалектных [6].

Он пишет: “Диалекты во многих случаях дают нам примеры семантического развития отдельных терминов” [7]. В диалектах встречается ряд географических терминов, которые вовсе отсутствуют в литературных языках.

Семантика географических апеллятивов (имен нарицательных, обозначающих ряд однородных предметов, в отличие от антропонимов, имен собственных, обозначающих единичные предметы), образованных в результате вторичной лексической номинации (метафорического переноса наименования), может быть связана с самыми разными терминологическими сферами. Многие исследователи обращают внимание на существование метафорических географических названий, обычных в топонимии многих стран [8]. Среди метафорических терминов наиболее широко распространены и наиболее частотны термины, образованные переносом наименований частей человеческого тела. Н. И. Толстой называет подобные образования анатомической лексикой и отмечает при этом, что они употребляются в основном в сфере терминов горного рельефа и гидронимических, чаще всего речных, терминов [9], представляющих наиболее древний слой топонимии.

Географические термины-метафоры строятся в однотипные ряды, в которых прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначающих части тела человека и животных, в географические термины. При этом в большинстве случаев метафоры возникают по одним и тем же повторяющимся ассоциациям, независимо от языка (ср. С. Ульман: “Лежащие в основе метафор ассоциации, по-видимому, глубоко коренятся в человеческом опыте и в значительной степени не зависят от культуры или среды” [10]).

Основываясь на данных различных словарей и исследований [11], можно составить терминологические ряды, подтверждающие широкое распространение данного явления. Например, слова со значением “спина” во многих языках имеют также переносное значение – географический термин: лат. *dorsum* – горный хребет; греч. *raxis* – скалистый берег, скала; англ. *back* – гребень горы, холм; болг. *гърб* – гребень холма; турец. *sirt* – горный хребет; финск. *selha* – кряж, возвышенность и др. Еще более показательной картина становится, если привлечь для анализа диалектный материал.

В “Картотеке русских говоров Республики Коми и сопредельных территорий” представлен ряд метафорических географических терминов, образованных путем переноса наименований частей человеческого тела: бровь – крутой берег, верхний край берегового склона; горб – возвышенность, холм; горло – узкое место на реке, пролив между островами; губа – устье реки, небольшой морской залив; колено – крутой поворот, изгиб русла реки, выступающая часть суши, мыс; лбище – возвышенное открытое место; нос – мыс, выступ берега; темя – верхушка горы, холма, бутра; усы (ус) – ответвление дороги; хребет – горная цепь.

Значения рассматриваемых лексем, представленных в русских говорах Республики Коми, как правило, имеют широкое распространение и фиксируются в

говорах различных областей. Исключением являются географические термины “бровь” и “темя”, отсутствующие в региональных словарях. Часть лексем в качестве географических терминов фиксируется словарями русского литературного языка: горло, губа, колено, нос, темя (с пометами устар. и поэт.), хребет, горб (с пометой перен.). Только в диалектах представлены слова “бровь”, “усы”, “лбище” (в литературном языке, однако, существует устойчивое сочетание “лобное место”).

Большинство анализируемых географических терминов имеет соответствия в родственных славянских языках. Не обнаруживается (кроме болгарского языка) таких соответствий для слова нос. Появление этого географического термина в русском языке, очевидно, вполне справедливо расценивают как результат семантического калькирования из финно-угорских языков.

Практически все представленные лексемы по типу семантического развития имеют соответствия в индоевропейских языках и языках других семей. Наличие в языке лексики такого типа представляется возможным связать с некоторыми мифопоэтическими представлениями различных этнических групп. Определяющую роль в них играет идея соотношенности строения человеческого тела со структурой космоса, нашедшая отражение в так называемых этиологических и антропогонических мифах.

Как указывает В.В. Иванов [12], для многих антропогонических мифов характерно то, что первоначально все имеет антропоморфный облик – все существа, животные, предметы и явления и даже вся вселенная, часто описываемая как происходящая из частей тела “первочеловека”. Представление о происхождении вселенной из тела “первочеловека” является одним из случаев, “когда разные возникающие части пространства имеют единый источник происхождения, в частности, когда им ставятся в соответствие разные части некоего другого образа” [13].

В основе образа “первочеловека” лежит характерный для мифопоэтической картины мира параллелизм между “малым” и “большим” миром, между макро– и микрокосмом. При этом как первичное образование выступает человеческое тело, тогда как макрокосм представляется вторичным, производным (именно поэтому в различных лексических системах тело в большинстве случаев является центром метафорной экспансии). Примерами подобных мифов могут служить древнеиндийский миф о Пуруше, описываемом как огромное человеческое “первотело”, заполняющее собой всю вселенную (Пуруша приносится в жертву богам “путем расчленения на составные части, из которых возникают основные элементы социальной и космической организации” [14]: глаза – солнце, дыхание – ветер, голова – небо, ноги – земля, уши – стороны света и т.д.); образ первочеловека Адама, представленный в иудаизме и мусульманстве (голова – небо о семи ветрах, тело – земля, волосы – деревья, кости – горы, жилы – реки и т.д.); русское былинное сказание о богатыре Сухмане, в которой присутствует мотив происхождения реки от крови богатыря, и другие.

Как отмечает Т. В. Цивьян, в содержательном плане архетипическая модель мира ориентирована на предельную космологизированность сущего и его основных параметров. При этом универсальные знаковые комплексы модели мира реализуются в разных кодовых системах. Основой различных кодов могут служить разные объекты мира. Отсюда астральный, зооморфный, антропоморф-

ный, гастрономический, цветовой, числовой и прочие коды. Но весь этот сложный конгломерат на семантическом уровне един, поскольку он описывает один и тот же объект – мир – с точки зрения одного и того же субъекта – человека. На глубокое единство человека (микрокосма) и мира (макрокосма) ориентировано переплетение космологического и антропоморфного кодов [15].

Анализ анатомической лексики, представленной в сфере местной географической терминологии, может служить дополнительным этнолингвистическим подтверждением антропоцентричности как одной из определяющих черт традиционной модели мира. Тело человека как субъект номинации становится, в числе прочего, одним из важнейших источников для создания целого пласта народной географической терминологии, представленного в самых разных языковых системах.

Одной из основных семантем в традиционной модели мира выступает человеческое жилище – дом, который соотносится как с макро-, так и с микрокосмом. Определяющей в этом соотношении является идея трехчастности вертикальной структуры жилища.

Место и структура жилища в традиционной модели мира раскрываются при анализе так называемой “строительной жертвы” – жертвоприношения при возведении жилища, характерного для строительной обрядности разных народов в период раннего родового общества. По объяснению Д. К. Зеленина, “жертвы при основании зданий служили <...> компенсацией древесным духам за срубленные при постройке деревья. Эта рубка деревьев для дома, с точки зрения примитивной идеологии, влекла за собой смерть жильцов, которые одновременно были и строителями дома” [16].

Обряд жертвоприношения при строительстве жилища в определенной степени отражает мифопоэтические представления о сотворении мира. Подтверждением и иллюстрацией служит тот факт, что до момента жертвоприношения на месте сруба устанавливалось деревце, безусловно связанное с той концептуальной схемой, которую принято называть мировым деревом [17]. Этот образ в архаичных представлениях являл собой некую космическую опору, определял внутреннюю структуру традиционной модели мира.

Деревце, устанавливаемое на месте сруба, точно так же маркировало центр будущего жилища, как мировое дерево – центр вселенной, развертывавшейся, согласно мифопоэтическим представлениям, из тела первожертвы [18]. Дом, таким образом, тоже “выводится” из жертвы. Облик жертвы, которая первоначально была или мыслилась человеческой, принимают и мир, и дом. В этой связи представляют интерес антропогонимические мифы, по которым происхождение человека связывается с деревом, особенно с мировым деревом.

Образ мирового дерева делает очевидным параллелизм между структурой человека как первой жертвы, жилищем и макрокосмом. Членение мирового дерева по вертикали (нижняя, средняя и верхняя части) проецируется на членение макрокосма с выделением зон верхнего, среднего и нижнего мира и тела человека (голова, туловище, ноги). Структура жилища повторяет мифопоэтическую картину мира: подполье – нижний ярус, жилая часть дома – средний, крыша – верхний. В то же время дом как микрокосм, созданный руками человека, пред-

ставляет собой один из ярусов макрокосма – средний ярус. Ниже его находится “подземный мир”, выше – небеса.

Итак, в семантическом плане строительная жертва была связана со сложным комплексом представлений о сакральности жилища, его “выводимости” из тела жертвы, соотносённостью со структурой Вселенной и человека. Эти представления отразились в фольклорных текстах, обрядах, в изобразительном искусстве. Значительную исследовательскую ценность в этом отношении представляет корпус правил, запретов, поверий, примет, магических действий, касающихся повседневной жизни, быта. Характерным примером могут служить обряды, сопровождавшие рождение ребенка (особенно при трудных родах), в которых особое значение придавалось открыванию дверей дома, который мыслился, таким образом, женским телом. Не менее показателен обычай занавешивать окна дома в случае смерти жильцов. Перечислим еще некоторые правила: нельзя смотреть внутрь дома через окно, потому что он разрушится (охраняй свой внутренний мир от вмешательства извне, которое может нести опасность); в Иванов день пекут каравай и кладут его на дом: если он останется там, проживешь долго, если скатится вниз, умрешь; если в доме есть маленький ребенок, надо ночью занавешивать окна, чтобы у ребенка не украли сон и т.д. [19].

Корреспонденции между строением человеческого тела и жилища и между макрокосмом и жилищем находят отражение в лексической системе целого ряда языков, а именно – определяют широкое распространение слов, антропоморфно обозначающих реалии, в жилищной группе лексики и наличие соотношений в сфере географической терминологии. В “Картотеке русских говоров Республики Коми и сопредельных территорий” представлены следующие лексемы, для которых характерно параллельное употребление в анатомической и жилищной терминологии: глаз, устье, зад, чело, череп, хребет.

Подробный анализ употребления слова “глаз” в различных терминологических рядах был приведен выше.

Слово “зад” представлено в значении “задняя часть дома, хлев, повет”: “зад позднее привезли, там хлев-от”, “дождь пойдет, так сено в зад перенесли”, “зад лед поставил”. В форме множественного числа (“зады”) с пометой “просторечное” слово представлено в общенародном языке. Трактовка значения может быть связана либо с метонимическим переносом общенародного “зад” как “задняя часть, задняя сторона чего-либо”, либо с корреспонденциями к человеческому телу: “часть тела человека ниже спины”. Но и в том, и в другом случае очевидно соответствие традиционной картине мира, поскольку система оппозиций “верх – низ”, “зад – перед”, “правая – левая сторона” и т.п. изначально определена структурой человеческого тела. Примерами типологического соответствия параллельного употребления в анатомической и географической сферах могут служить монг. ар “спина, зад” и “север”, гэдэрэк “зад” и “асимметричные горы с крутыми южными склонами и пологими северными”.

Слово устье (производное от уста – “рот”) представлено в значении “топка печи”: “вот это устье-то, между сводом и шестком”, “у печи устье и очаг, место, куды чугуны ставили”, “устье-то маленькое, дров мало влазит”. Фиксируется также значение “вход в берлогу медведя”, соотносимое и со строительной тер-

минологией, и с широким значением “выходное отверстие чего-либо, выход”, характерным для общенародного языка наряду со значением “место впадения реки”. Существуют многочисленные типологические соответствия географическому термину “устье”: азерб. агыз “рот” и “вход, ущелье, проход в горах”, монг. ам “рот” и “горная долина, падь”, балкар. ауз “рот” и “ущелье” и др.

Слово “чело” представлено в значении “свод печи”. В истории русского языка существовал дериват “челесник” в значении “устье печки”. Этимология слова связывается с древне-чешским “челесн” – “печь, передняя часть печи”, с греческим “холвос” – “холм”, латинским “коллис” – “холм”, литовским “колнас” – “гора”.

Слово “череп”, и его дериват “черепин”, отмечены в значении “паз в бревне или балке, куда вставляется крыша”. То же значение представлено в русских говорах Приамурья, где череповым рядом называют ряд бревен верхнего венца в срубe. В архангельских говорах слово “череп” имеет значение “кровля на избе”, “надчерепок” – “положенное выше бревно”. В Белоруссии череповым венцом называют верхний венец из более толстых бревен, чем остальные, а также снежный наст, гололедицу. В Костромской области черепом называют верхнюю часть прокопа в горе, через которую прогоняли скот для предохранения от падежа.

Слово “хребет” отмечено в значении “верхний край крыши”. Аналогичное значение фиксируется и в общенародном языке. В украинских диалектах хребтом называют верх соломенной крыши, одну из боковых жердей в крыше для укрепления стропил. Как параллельный географический термин (“горная цепь”) слово фиксируется и в общенародном языке, и в многочисленных говорах.

В картотеке представлен также целый ряд географических терминов, не имеющих жилищных параллелей в говорах Республики Коми. Однако практически для всех них отмечаются такие соответствия в лексике иных русских говоров и других языков.

Так, слово “бровь”, фиксируемое в усть-цилемском говоре в значении “крутой берег” или “верхний край берегового склона”, получает значение “карниз над дверью или над окном” в пермском, архангельском, челябинском, томском, уральском, свердловском говорах, а его дериват “бровка” – значение “резные украшения на деревянном доме” в карельских диалектах. Слово “колени”, отмеченное в картотеке в значении “изгиб русла реки”, обнаруживается в архангельских говорах в значении “изгиб печной трубы”. Слово “лбище”, выступающее как часть топонима Манское лбище и имеющее значение “возвышенность, открытое высокое место”, имеет соответствие в однокоренных вариантах: лоб “фронтон избы” – в тверских, костромских, свердловских диалектах, говорах Красноярского края, русских говорах Чувашии; лобок “фронтон дома” – в псковских говорах; лобан “верхняя поперечная часть наличника окна” – в ярославских и тверских говорах; там же – лобанок “доска над окном в избе, к которой пришивают занавески”. Слово “темя” фиксируется картотекой в значении “верхушка горы, холма, бугра и т.п.”. Употребление как этого слова, так и близких по значению слов “голова”, “череп” в сфере строительной терминологии фиксируется в словаре В. И. Даля (“туменце, маковка”).

Таким образом, представления о соотношенности макрокосма, человека и жилища, связанных структурной схемой, именуемой мировым деревом и реализуе-

мой в системе бинарных оппозиций (“внутренний-внешний”, “верх-низ”, “спереди-сзади”, “открытый-закрытый”, “жизнь-смерть” и т.д.), вписаны в систему не только русского, но и иных языков на уровне древнейшего пласта лексики, каким является анатомическая лексика. Эти лексические соответствия имеют универсальный характер и представляют богатый материал для восстановления традиционной картины мира.

Ссылки и примечания

1. Цитируется по: Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – С. 271.
 2. Там же. С. 276.
 3. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – С. 101.
 4. Байбурин А.К. К описанию структуры славянского строительного ритуала // Текст: семантика и структура. – М., Наука, 1983. – С. 218.
 5. См. Модель мира // Мифы народов мира. – М., 1982. – Т.2.
 6. Толстой Н.И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов // Вопросы географии. – М., 1970. – Вып. 81. – С. 46.
 7. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. – М.: Наука, 2006. – С. 15.
 8. См.: Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды; Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1964; Белецкий А.О. Этимологическая структура основных географических терминов // Вторая республиканская ономастическая конференция. Тезисы выступлений. – Киев, 1962.
 9. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. – М.: Наука, 2006. – С. 246.
 10. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – Вып. 5.– С. 276.
 11. См.: Мурзаев Э.М. Указ. соч. – С. 127-131.
 12. Иванов В.В. Антропологические мифы // Мифы народов мира. – М., 1982. – Т.1.
 13. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 242-243.
 14. Топоров В.Н. Пуруша // Мифы народов мира. – М., 1982. – Т.2.
 15. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: КомКнига, 2006. – С.5-8.
 16. Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах северовеликорусских народов. – М.-Л., 1937. – С. 155.
 17. Байбурин А.К. К описанию структуры славянского строительного ритуала // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 159.
 18. Топоров В.Н. Пуруша // Мифы народов мира. – М., 1982. – Т.2.
 19. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: КомКнига, 2006. – С.114-136.
-

Author O. I. Belyaeva

Man – home – world. It considers semantic universals in amorphous vocabulary.

Annotation

This article deals with the functioning of Russian anatomical vocabulary in various areas of terminology, especially geographic and engineering. Research was conducted on dialectical material. By analyzing the anthropomorphic metaphors common in many languages, the author explores the universal nature of this phenomenon and explains it by the characteristic, for the traditional model of the world, idea of correlation between the structure of the human body (microcosm) and the structure of the home and the cosmos (the macrocosm).

Keywords: anthropomorphic vocabulary, semantic universals, ethno-linguistics, the traditional

Авторы: Д. Н. Безгодов, С. П. Башкиров, Г. Г. Черноусов

К развитию концепции “Ухта – Университетский город”: социологический аспект

Аннотация

Модернизационные процессы в российском образовании побуждают руководство и экспертное сообщество высшей школы к активному поиску и конструированию моделей вузов, отвечающих как универсальной задаче перехода страны к инновационной экономике, так и специфике конкретных вузов. В контексте становления концепции “Ухта – университетский город” в статье приведен сравнительный статистический анализ доли студентов в российских городах, сопоставимых по данному критерию с университетскими городами “Лиги плюща”.

Ключевые слова: модернизация образования, университетский город, англо-саксонская модель образования, “Лига плюща”, наукоград.

“Ухта должна стать университетским городом” – так было озаглавлено интервью с ректором Ухтинского государственного технического университета Н. Д. Цхадая, опубликованное в июне 1998 года в газете “Ухта” – официальном печатном органе администрации города Ухты [1]. Эта публикация могла бы остаться эпизодом в пресс-летописи одного из северных российских вузов, если бы идея, сформулированная в ней, не оказалась в высшей степени релевантной перспективам развития города и региона. Постепенно она превратилась в концептуальный фокус стратегии формирования университетского комплекса в Ухте и стала составной частью имиджа города [2-3].

Впоследствии ректор в различных публикациях выявлял и анализировал разные аспекты идеи. Прежде всего, конечно, – социокультурный как ключевой в ее содержании: она должна создавать установку на культивирование университетской социокультурной атмосферы в Ухте. Такая интер-

претация призвана гармонизировать названную идею со статусом Ухты как одного из крупных промышленных центров Республики Коми [4-8].

Конечно, не мог не учитываться и экономический аспект; новую интересную и весьма конструктивную трактовку идея приобрела в контексте поиска решений проблемы моногородов [9]. Рассматривались её демографический [10-11], экологический [12-13], и даже геополитический [14-17] аспекты. Краткая история ее развития представлена Н. Д. Цхадая в статье, опубликованной в журнале “Высшее образование в России”, которая так и называется: “Ухта – университетский город” [2].

История идеи – это всегда концепция или абрис концепции, то есть некая система воззрений на ту реальность, которая схвачена в ее первоначальной формулировке. Одним из аргументов формирующейся концепции стал аргумент статистический: доля студентов, преподавателей и сотрудников университета в населении Ухты. И, вполне логично, возник замысел сопоставить Ухту как потенциальный университетский город с известными западными университетскими городами; тем более, что реформа российского высшего образования в течение последних двух десятилетий последовательно побуждает профильное экспертное сообщество к внимательному изучению англосаксонской модели высшего образования. В результате обозначилась исследовательская задача, ставшая темой студенческого доклада на межрегиональной молодежной конференции “Коммуникации. Общество. Духовность – 2010”. Тема обнаружила значительное число проблем, требующих отдельных и более глубоких исследований. Нижеследующий текст – это результат первой концептуализации темы.

Опыт заграничных вузов, достигших наивысших результатов в англо-саксонской системе образования, а также особенности условий их функционирования и, в частности, их внешней среды может и должен, по нашему мнению, явиться предметом особого внимания и специальных исследований со стороны представителей экспертного сообщества российского высшего образования – как функционеров Министерства образования и науки, так и самих высших учебных заведений.

Конечно, основное отличие англо-саксонской системы образования от советских традиций – это упор на прикладную науку, которая позволяет напрямую применять полученные знания и навыки на практике. Но, обращая внимание на специфику западного образования, нельзя не упомянуть такую особенность, как то, что наиболее сильные, известные, обладающие мощным авторитетом и имиджем университеты располагаются в небольших населенных пунктах. Напротив, наиболее сильные и престижные российские вузы располагаются в городах-миллионниках, таких как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и др. Всемирно известные университетские города Запада – это, конечно же, университеты так называемой “Лиги плюща” – ассоциации восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США, в которую входят Брауновский университет, Гарвардский универси-

тет, Дартмутский колледж, Йельский университет, Колумбийский университет, Корнелльский университет, Пенсильванский университет и Принстонский университет. Примечательно, что 5 из 8 университетов “Лиги плюща” находятся в городах с численностью населения до 200 тысяч человек. В большей степени эти города известны мировому сообществу именно благодаря успешному функционированию в них университетов. Фактически это города-университеты или университетские города.

В таблице 1 представлены данные, отражающие соотношение численности студентов и населения городов, в которых расположены вышеупомянутые университеты США.

Таблица 1. Соотношение численности студентов и населения городов по университетам США.

Населенный пункт	Численность населения, тыс. чел.	Название вуза	Численность студентов, тыс. чел.	Удельный вес студентов, %
Университеты “Лиги плюща” (США)				
Провиденс	176,862	Брауновский университет	5,711	3,23
Нью-Хейвен	124,001	Йельский университет	5,300	4,27
Кембридж	101,355	Гарвардский университет	6,650	6,56
Итака	29,287	Корнелльский университет	13,665	46,66
Принстон	14,200	Принстонский университет	4,635	32,64
Итого:	445,705		35,961	8,07

Итак, на основе данных соотношений можно вывести некий средний процент численности студентов в численности населения города, который будет давать право определять его как университетский город, по аналогии с западными общепризнанными университетскими городами. На основе проведенных расчетов средний удельный вес студентов по университетам “Лиги плюща” составил 8,1%. Таким образом, в качестве минимального процента удельного веса студентов в численности населения предлагается величина в 8,1%, которая в нашей работе будет проецироваться на российские города и вузы в качестве нижнего порога критерия, позволяющего считать город университетским.

Поскольку количество городов в Российской Федерации довольно велико, для исследования нами была составлена выборка городов, где располагаются вузы и их филиалы, в диапазоне численности от 80 до 120 тысяч человек (данные о численности населения городов взяты из источника [18]), что сопоставимо с численностью населения Ухты. В данную выборку вошло 70 городов общей численностью населения 6822 тысячи человек. Всего в этих городах 195 вузов, из которых 158 – филиалы (данные о наличии учебных заведений и количестве обучающихся в них студентов взяты из источника [19]). Распределение учебных заведений по видам и соотношение численности студентов и населения городов представлено в сводной таблице 2.

Таблица 2. Распределение учебных заведений по видам и соотношение численности студентов и населения городов

Показатель	Всего	В т.ч. по видам учебных заведений			
		Университет	Академия	Институт	Филиал
Общая численность населения в выборке, тыс. чел.	6822,0				
Численность населения городов, включающих данный вид учебного заведения, тыс. чел.	x	801,7	396,5	1828,1	5515,8
Общая численность студентов, тыс. чел.	211,987	45,117	14,364	36,891	115,615
Всего учебных заведений, шт.	195	8	5	24	158
Среднее количество студентов на вид учебного заведения, чел.	1087	5640	2873	1537	732
Удельный вес студентов в численности населения городов, включающих данный вид учебного заведения, %	x	5,63	3,62	2,02	2,10
Удельный вес студентов в численности населения в выборке, %	3,11	0,66	0,21	0,54	1,69

Стоит отметить, что из 195 учреждений высшего образования в данной выборке более 80% приходится на филиалы и менее 20% на университеты, академии и институты. Учитывая тот факт, что удельный вес студентов в численности населения городов по видам учебного заведения заметно выше у университетов, при том что отношение числа студентов к общей численности населения городов, представленных в выборке, максимально у филиалов, можно судить о значительном влиянии филиалов на рассчитываемые показатели. Если согласиться с тем, что статус вуза (университет, академия, институт, филиал) имеет непосредственную связь с качеством предоставляемых услуг, то в целях нашего исследования города, в которых осуществляют деятельность филиалы, из рассмотрения нужно исключить, так как качество образования – это один из важнейших критериев в рассмотрении концепции университетских городов.

Однако исключать филиалы из выборки полностью нецелесообразно, т.к. многие города включают различные комбинации видов учебных заведений, конкурирующих между собой, что в значительной степени отражает распределение числа студентов между вузами в рамках каждого отдельного города. Поэтому нами были исключены из рассмотрения города, включающие только филиалы, т.е. города без наличия головных университетов, академий и институтов. В рассматриваемой совокупности таких городов оказалось 41.

Таким образом, после исключения городов, не имеющих головных вузов, мы получаем новую сводную таблицу, из которой становится очевидно, что доля студентов университетов преобладает в городах, располагающих головными вузами. Это показывает ключевую роль университетов в формировании суммарного удельного веса студентов в численности населения, что позволяет сделать вывод о значительной роли университетов в жизни городов, в которых они располагаются.

Таблица 3. Распределение учебных заведений по видам и соотношение численности студентов и населения городов с учетом исключения городов, в которых расположены только филиалы вузов

Показатель	Всего	В т.ч. по видам учебных заведений			
		Университет	Академия	Институт	Филиал
Общая численность населения в выборке за исключением городов, в которых расположены только филиалы, тыс. чел.	3026,3				
Численность населения городов, включающих данный вид учебного заведения, тыс. чел.	x	801,7	396,5	1828,1	1522,6
Общая численность студентов, тыс. чел.	133,399	45,117	14,364	36,891	37,027
Всего учебных заведений, шт.	102	8	5	24	65
Среднее количество студентов на вид учебного заведения, чел.	1308	5640	2873	1537	570
Удельный вес студентов в численности населения городов, включающих данный вид учебного заведения, %	x	5,63	3,62	2,02	2,43
Удельный вес студентов в численности населения в выборке, %	4,41	1,49	0,47	1,22	1,22

В связи с этим имеет смысл детально рассмотреть ситуацию с городами, имеющими собственные университеты. Соотношение студентов и численности населения в городах, имеющих головные университеты, представлено в таблице 4.

Если отталкиваться от минимального процента численности студентов в населении города, напомним, это 8,1%, то, очевидно, на звание университетского города по формальному признаку не могут претендовать города Елец, Кызыл, Обнинск, Долгопрудный.

Отсев последних двух городов может, на первый взгляд, показаться нелогичным и странным. Действительно, если рассмотреть города выборки, располагающиеся университетами, то в первую очередь обращают на себя внимание Обнинск и Долгопрудный, в которых расположены университеты, являющиеся одними из наиболее известных брендов российского высшего образования. Но, во-первых, вряд ли можно всерьез рассматривать Долгопрудный как самостоятельный населенный пункт, в связи с тем, что он является частью московской агломерации, да и знаменитый физико-технический вуз носит имя Московского. Что касается Обнинска, то несмотря на то, что доля студентов в численности его населения превышает 7%, студентов собственно университета атомной энергетики среди них чуть более половины. Остальные студенты обучаются в филиалах других вузов, в большинстве своем по экономико-правовым специальностям. Поэтому, принимая дополнительно во внимание указанные соображения, с результатом отсева по формальному критерию следует согласиться.

Рассматривая остальные города выборки, удовлетворяющие выбранному нами формальному признаку, нельзя оставить без внимания тот факт, что Элиста и Магадан являются региональными административными центрами, что влечет за собой достаточное количество особенностей, присущих в той или

иной мере любой столице. Во-первых, высшее учебное заведение, находящееся в столице, неизбежно выполняет функцию подготовки управленческой элиты страны либо региона, что влечет за собой акцент на подготовку специалистов в сфере экономики и юриспруденции, выражающийся в большем удельном весе студентов, обучающихся по специальностям указанных направлений, по сравнению с вузами, обучающими студентов по аналогичным направлениям, но расположенными вне административных центров.

Во-вторых, еще одной особенностью, касающейся также Кызыла, является то, что в других населенных пунктах регионов, столицами которых являются Элиста и Магадан, высшие учебные заведения и их филиалы отсутствуют, что способствует более высокой доле студентов по сравнению с административными центрами регионов, в которых вузы и их филиалы распределены по территории. Этот тезис можно наглядно продемонстрировать на примере столицы Республики Коми – города Сыктывкара, где при 18946 студентах их доля в численности населения составляет 8,13%, что заметно ниже, чем в Элисте и Магадане, и в немалой степени связано с тем, что вузы региона располагаются, кроме столицы, еще в четырех городах.

Более того, рассуждая об университетском городе, сложно прилагать этот термин к какой-либо столице вообще, ибо любая столица, в силу своего статуса центра, тяготеет к тому, чтобы “быть всем для всех”, и поэтому университетским городом ни быть, ни считаться не может.

Мичуринску в 2003 г. указом Президента был присвоен статус “наукограда”, в результате город и, соответственно, университет, пользуется непосредственной поддержкой со стороны Правительства России, что позволяет говорить о Мичуринске как о состоявшемся университетском городе, выполняющем особую миссию центра по подготовке кадров для сельскохозяйственных отраслей экономики России.

Если говорить об Ухте, то первая ее особенность, сразу бросающаяся в глаза – это то, что она является самым северным городом выборки. При этом, не имея административных, политических, демографических, социально-экономических, географических и прочих преимуществ, Ухта лишь незначительно уступает тем городам выборки, которые кроме нее удовлетворяют избранному нами формальному критерию. Это, несомненно, дает нам право говорить об ее уникальности и в смысле суммы условий, приведших к настоящему положению дел, и в смысле перспектив дальнейшего развития расположенного в Ухте университетского комплекса.

Результаты нашего небольшого исследования дают нам право утверждать, что курс УГТУ, который избран руководством и поддерживается научным сообществом вуза, – на формирование университетского комплекса, – включающий в качестве фундаментального основания взгляд на Ухту как на университетский город, является полностью оправданным и заслуживает внимания и поддержки со стороны федеральной, региональной и городской власти.

Скоординированные действия по развитию университетского комплекса на базе Ухты позволят повысить и закрепить качество образования, обеспечить формирование профессиональной элиты, мотивировать молодежь остаться в

городе, что в рамках мирового экономического кризиса позволяет решить экономические и демографические проблемы региона.

Таблица 4. Соотношение студентов и численности населения в городах, имеющих головные университеты.

№п/п	Населенный пункт	Численность населения, тыс. чел.	Кол-во вузов, шт.	Численность студентов, чел.	в т.ч. по видам учебных заведений									Итого уа. вес студентов в числе города, %		
					Университет			Институт			Филиал					
					кол-во	числа-ть стуа., чел.	уа. вес, %	кол-во	числа-ть стуа., чел.	уа. вес, %	кол-во	числа-ть стуа., чел.	уа. вес, %			
1	Елец	111,0	1	7946	1	7946	7,16									7,16
2	Кызыл	108,0	4	5767	1	5256	4,87				3	511	0,47			5,34
3	Обнинск	106,0	6	7449	1	3815	3,60	1	1050	0,99	4	2584	2,44			7,03
4	Ухта	103,0	5	10003	1	6223	6,04	1	723	0,70	3	3057	2,97			9,71
5	Элиста	103,0	10	15124	1	7487	7,27				9	7637	7,41			14,68
6	Магадан	98,9	6	10583	1	4095	4,14				5	6488	6,56			10,70
7	Мичуринск	89,5	3	9202	1	5610	6,27	1	3 270	3,65	1	322	0,36			10,28
8	Долгопрудный	82,3	1	4685	1	4685	5,69									5,69
	Итого:	801,7	36	70759	8	45117	5,63	3	5 043	0,63	25	20599	2,57			8,83

Ссылки и комментарии

1. Цхадая Н. Д. “Ухта должна стать университетским городом” // Ухта. – 26.06.1998 г. – С. 2.
2. Цхадая Н. Д. Ухта – университетский город // Высшее образование в России. – 2009. – № 8. – С. 48-53.
3. В мае 2010 года в УГТУ по специальности “Связи с общественностью” была защищена дипломная работа на тему “Технологии формирования имиджа муниципального округа (на примере МОГО “Ухта”). Автор: Вахрамеева Ю. Н., научный руководитель: к.к. Фалин В. В. В работе, в частности, обосновывается наличие в имидже Ухты такой компоненты как, “университетский город”.
4. Цхадая Н. Д. УГТУ: инновационный вектор образовательной деятельности // Горный журнал. – 2007. – № 3. – С. 92-95.
5. Цхадая Н. Д. Развитие инновационных процессов в отечественной системе образования как условие перехода к инновационной парадигме // Концепт. – 2006. – № 4. – С. 2-5.
6. Цхадая Н. Д. “Евроремонт” системы. Реформа: модернизация значит мобилизация // Экономика и образование сегодня. – 2005. – № 5. – С. 41.
7. Цхадая Н. Д. Роль фундаментальной науки в инновационном развитии Республики Коми. Сотрудничество с Коми научным центром УрО РАН как предпосылка эффективной инновационной деятельности УГТУ // Вестник Коми научного центра УрО РАН. – Вып. 25. – Сыктывкар, 2007. – С. 8-15.
8. Цхадая Н. Д. Качество, инновации, комплекс – три кита университетского образования // Регион. – 2007. – № 5. – С. 30-33.
9. Цхадая Н. Д. Внутренняя социально-экономическая мобильность региона как инструмент разрешения проблемы моногородов. // Материалы межрегиональной научно-практической

- конференции “Актуальные вопросы социально-экономического развития моногородов Севера России в современных условиях”. – Сыктывкар, 11.02.2010 г.
10. Цхадая Н. Д. Северный российский вуз в условиях модернизации системы образования в стране // Горизонты экономического и культурного развития: материалы пленарного заседания Второго Северного социально-экологического конгресса (Сыктывкар, 19-21 апреля 2006 г.). – М., 2007. – С. 201-205.
 11. Цхадая Н. Д. Университетский город: ухтинская версия // Регион. – 2008. – № 11. – С. 27-29.
 12. Цхадая Н. Д. Тесные врата экологического образования // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – 2005. – № 11. – С. 58-65.
 13. Цхадая Н. Д. Инновационная парадигма и экологический императив в перспективе формирования университетских комплексов // Социальные перспективы и экологическая безопасность. III Северный социально-экологический конгресс (Сыктывкар, 18-20 апреля 2007 г.). – М., 2008. – С. 169-176.
 14. Цхадая Н. Д. На пути к университетскому комплексу// Высшая школа XXI века. – 2008. – № 9. – С. 38-41.
 15. Цхадая Н. Д. Формирование единого образовательного пространства в циркумполярном поясе // Первый Северный социально-экологический конгресс. Доклады. – Сыктывкар, 2006.
 16. Цхадая Н. Д. Исполнить миссию // Концепт. – 2004. – № 1. – С. 2-5.
 17. Цхадая Н. Д. Университетский проект. УГТУ исполняется 50 лет // Красное знамя. – 2008 г. . – № 54. – С. 11.
 18. Данные о численности городов – материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. Режим доступа: World Wide Web/ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Города_России.
 19. Данные о наличии учебных заведений и количестве в них студентов – Федеральный портал “Российское образование” [Электронный ресурс]. Режим доступа: World Wide Web/ URL: <http://www.edu.ru/abitur/index.php?act=1>.
-

Authors: D. N. Bezgodov, S.P. Bashkirov, G. G. Chernousov

To development of the concept “Ukhta is the university town”: Sociological aspect.

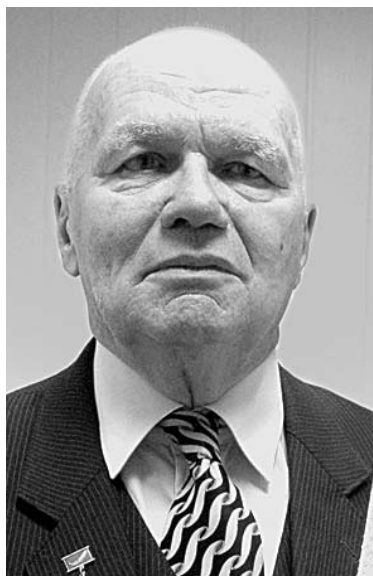
Modernization processes in the Russian education encourage management and expert community of higher school to seek and design actively models of higher education institutions in charge of both the universal problem of the country’s transition to innovation economy. In the context of developing of the concept “Ukhtais the university town” the paper presents a comparative statistical analysis of the proportion of students in Russian cities, comparable to this criterion with university cities of “Ivy League”.

Keywords: modernization of education, a university city, the Anglo-Saxon model of education, “Ivy League”, Science City.

Annotation

Автор Б. А. Витович

Первая гуманитарная специальность

Начало нового века для Ухтинского государственного технического университета ознаменовалось открытием первой гуманитарной специальности “Связи с общественностью” (СО). Потребность в ней назрела давно. Формирование крупных нефтегазовых и иных компаний потребовало создания в них специальных служб, работающих на создание должного имиджа фирмы и поддержание его на должном уровне. Эти подразделения получили название “отделы по связям с общественностью”. С целью обеспечения приведенных выше функций они выпускают корпоративные издания, готовят интервью, освещают деятельность руководителей компаний в прессе, вооружают своих

коллег в средствах массовой информации (СМИ) материалами о жизни предприятий и т.д. Подобные службы уже давно функционируют в региональных компаниях “ЛУКОЙЛ-Коми”, “РН-Северная нефть”, “Газпром трансгаз Ухта”, “Северные магистральные нефтепроводы”. В свое время подобные службы эффективно работали в НГДУ “Тэбукнефть” и на предприятии “Комирегионгаз”. В силу всего перечисленного открытие в УГТУ новой специальности было обусловлено реалиями и требованиями времени.

В 2000 году был произведен первый набор студентов на новую специальность, и к настоящему времени уже состоялось 5 выпусков специалистов по связям с общественностью. Вся организационная подготовка этого процесса была осуществлена будущими руководителями кафедры СО Д. А. Алексеевым и М. В. Михитаровой. Новое дело, естественно, начиналось непросто, было немало проблем и с подбором преподавателей, и с рабочими программами, и с помещениями, и т.д. и т.п.

Много внимания и большую помощь в становлении и развитии новой кафедры оказывал и оказывает ректор университета Николай Денисович Цхадая. Благодаря ему кафедра СО получила в свое распоряжение целый этаж в корпусе “К”, который был отремонтирован, обустроен и оборудован в соответствии с современными требованиями. Просторные аудитории, интерьеры, новая мебель, подсобные службы и многое другое – все это создавало должный настрой для работы!

Навыки работы в прессе (мне довелось печататься в федеральных и региональных изданиях: журналах “Нефть России”, “Нефтяник”, “Регион”, “Север”, газетах “Ухта”, “Красное знамя”, “Республика”, “Усинская новь”, “Заря Тимана”, “НЭП+С” и других) и опыт главного специалиста по связям с общественностью в производственном объединении позволили мне предложить свои услуги кафедре СО и затем проработать на ней в течение 6 лет. За это время мне довелось достаточно интенсивно и полезно участвовать в подготовке специалистов. Считаю, что я имею моральное право подробно проанализировать некоторые аспекты этой сферы деятельности университета, которая по разным причинам, с моей точки зрения, находится несколько в тени, если сравнивать с другими кафедрами и специальностями нашего вуза.

Все начиналось так: известно, что в нефтяной промышленности страны, начиная с 60-х годов, для освоения месторождений широко применялся вахтовый метод. Поскольку на первых порах функционирования кафедры ощущался дефицит преподавателей, то руководством университета было принято решение о применении этого метода подготовки студентов на СО. Была достигнута договоренность с руководством факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета о том, что профессора и доценты этого факультета будут 2-3 раза в год, по согласованному графику, приезжать в Ухту, чтобы читать блок лекций и проводить семинары по одной из дисциплин и тут же принимать экзамен или зачет. Конечно, квалификация этих преподавателей была очень высокой, не говоря уже о петербургской культуре и достойнейшем профессиональном уровне проведения занятий.

Подобная практика применяется и ныне. На протяжении этих лет регулярно вели занятия профессора Д. П. Гавра, А. Д. Кривоносов, Д. П. Шишкин и др. Также “вахтовым методом” участвовали в подготовке ухтинских студентов народный поэт республики Коми Надежда Александровна Мирошниченко и диакон Андрей Кураев.

Было принято абсолютно правильное решение о том, что приобщать студентов ко всем нюансам будущей профессии стоит сразу, с первого курса обучения. Поэтому первым двум потокам студентов – в 2000 и 2001 годах – к изучению была предложена такая дисциплина, как деловая пресса. Занятия по ней складывались из двух блоков. Первый ставил своей целью освещение целей и задач службы по связям с общественностью на предприятии, ее основные функции и обязанности, порядок взаимодействия с другими отделами предприятия и средствами массовой информации и т.п. Второй блок предусматривал детальное изучение и анализ практики функционирования деловой прессы, рассматривая ее формы и виды, организационную структуру редакции, этапы развития журналистики в России и другие разделы.

При рассмотрении этих направлений использовались исторические аспекты разных периодов российской журналистики. Приводились факты и фамилии наиболее ярких представителей деловой прессы, в том числе и современных, давалась критическая оценка некоторых негативных явлений в современной деловой прессе. Приводились достаточно многочисленные

примеры и оценки деятельности российской, региональной и местной деловой прессы.

Не менее мудрым решением руководства кафедры СО можно считать и то, что студентам необходимо знать историю освоения и современное состояние одного из крупнейших российских промышленных регионов России – Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Этому способствовало введение на 1 курсе дисциплины “Нефть и газ Республики Коми”. Помимо исторического аспекта этой дисциплины, студенты получили подробный анализ проблем отрасли, нынешнего ее состояния, роли и месте нефтегазовых корпораций, работающих в регионе. Приводились многочисленные факты, цифры, иллюстрирующие динамику развития нефтегазового региона, фамилии и первопроходцев и продолжателей их дела.

Конечно, в учебных программах Санкт-Петербургского университета, на которые в основном ориентировались при создании специальности, нет такого предмета. Но едва ли в этой части стоит всецело полагаться на опыт старших коллег, тем более, что Санкт-Петербургский вуз готовит журналистов широкого профиля, а Ухтинский – будущих специалистов СО для промышленных предприятий, в первую очередь нефтегазовых компаний.

Одной из основных дисциплин для студентов старших курсов была “Теория и практика массовой информации”. Частично этот курс вели Санкт-Петербургские преподаватели. Бывшие студенты и сегодня с большой благодарностью вспоминают своих наставников, приобщивших их к тайнам будущей профессии. В качестве одной из основных форм изучения этой дисциплины практиковалась подготовка и обсуждение творческих работ студентов по самым разнообразным темам: обзоры практики современной журналистики, деятельность отдельных представителей СМИ, а также глубокий анализ современной трактовки понятия “свобода слова”. Немалый интерес у молодых людей вызвала и проблема чистоты русского языка на страницах газет и в эфире: речь шла не только о ненормативной лексике, но и об элементарной безграмотности, неправильной терминологии, неудачных исторических аналогиях.

Немалый интерес у студентов вызвала проблема чистоты русского языка на страницах газет и в эфире. Разговор шел не столько о ненормативной лексике, сколько подчас об элементарной безграмотности, неправильной терминологии, неудачных исторических аналогиях.

Студентам разных курсов было предложено на выбор 3 блока тем для творческих работ. Первый блок включал в себя следующие вопросы:

- 1) обзор материалов СМИ за определенный период;
- 2) интервью с интересным человеком;
- 3) очерк “мои преподаватели”;
- 4) деловая переписка.

По первому вопросу производилось распределение отдельных СМИ между студентами, причем у каждого из них была “своя” газета, своя сфера действия (газета “Ухта”, “НЭП + С”, “Красное знамя”, “Молодежь Севера” и др.). На основе анализа этих газет студенты должны сделать обзор и определенные

обобщения (видение главных проблем, оценка степени актуальности, ценность и необходимость отдельных материалов, удачи и неудачи, степень “желтизны” материалов и т.д.). Главным в этом разделе должны быть позиция студента и ответ на вопрос: если бы главным редактором был я, что бы я сделал?

Второй раздел – “интервью” – предусматривал анализ результатов собеседования с интересным человеком. Объект собеседования мог быть предложен, а мог быть выбран самим студентом. Обсуждение этого раздела творческой работы также всегда вызывало немало споров и проходило всегда оживленно.

У меня отложилось в памяти интервью, подготовленное студенткой группы СО-02 Е. Фоминцевой, которое она взяла... у самой себя. Она как бы взглянула на себя со стороны, поставила себе достаточно острые вопросы и самокритично на них ответила.

Раздел “Мои преподаватели” ставил своей целью осветить и оценить деятельность педагогов (далее я приведу некоторые из этих отзывов), и ответить на вопрос: что эти преподаватели дали мне как будущему специалисту по СО?

Следует отметить, что по этому разделу было подготовлено немало интересных работ, много было сказано добрых и искренних слов о таких преподавателях, как Т. Шемиченко, А. Тюрина, Н. Мирошниченко, А. Красицкий, М. Михитарова, В. Каюков, О. Павловская, О. Нестерова и др. Очень высоко почти всеми студентами оценивалась деятельность петербургских преподавателей (Д. П. Гавра, А. Д. Кривоносов, Д. П. Шишкин и др.), их эрудиция, их профессионализм, ораторское мастерство и т.д.

Наконец, четвертый вопрос этого блока предусматривал “пробу пера” при подготовке деловых писем, в частности, праздничных поздравлений. Как показывает опыт, немалый объем работы специалистов по связям с общественностью составляет подготовка праздничных поздравлений в разные адреса. В этом случае ставилась задача подготовить праздничные приветствия руководителям смежных фирм, ветеранам и коллегам в связи с разными датами и событиями. Несмотря на то, что этот вид деловой переписки ведется по трафаретам и стандартам, он имеет различные особенности, оттенки и нюансы.

Таким образом, как минимум 3 темы этого блока напрямую касались деятельности специалиста по связям с общественностью и ставили целью подготовить его к будущей работе.

Второй вариант творческой работы по теории и практике СМИ предусматривал следующие слагаемые:

- 1) анализ деятельности предприятия (место прохождения практики);
- 2) очерк “Герой нашего времени”;
- 3) очерк “Мой университет, моя специальность”;
- 4) анализ деятельности отдельных журналистов;
- 5) анкета автора творческой работы.

При этом студентам давались определенные рекомендации, как выполнить тот или иной раздел. В частности, в первом разделе рекомендовалось сделать оценку производственной и экономической деятельности предприятия, где студент проходил производственную практику, а также оценку уровня организации работы

по СО. Обязательным условием было подготовить критическую оценку состояния на предприятии работы по СО с позиции: “Если бы директором был я”.

В разделе “Герой нашего времени” рекомендовалось привести 2-3 примера из истории нашей страны, региона или города и обязательно охарактеризовать, чем именно импонирует студенту этот герой, какими качествами и достоинствами. Надо сказать, что по этому вопросу также имели место интересные сообщения, в числе “героев нашего времени” студенты называли В. В. Путина, Л. М. Рошала. – С. Г. Шойгу, солдат афганской и чеченской войн, российских медиков и др.

Вспоминается такой интересный случай: одна из студенток гр. СО-1-03 подготовила тему “Антигерой нашего времени”, где была проанализирована личность... Адольфа Гитлера. По-видимому, тема была навеяна отдельными негативными проявлениями в нашей стране (скинхеды, убийства чернокожих студентов, проявления ксенофобии и др.); надо сказать, что студентка справилась с изложением своего видения этой проблемы.

Раздел блока “Мой университет, моя специальность” ставит своей целью не только восхищение и дифирамбы, но и критическую оценку отдельных недостатков, к сожалению, имеющих место в университете, на факультетах, в общежитиях. Большинство критических замечаний было высказано в адрес работы гардеробов в корпусах “А” и “К”, организации питания в корпусе “К”, недостатков в отдельных общежитиях. Критика в основном была объективной и конструктивной. Таким образом, 2 и 3 раздела этого блока ставили своей целью усовершенствовать умение готовить очерки.

Наконец, 4-й раздел предусматривал анализ творчества отдельных видных российских журналистов. В работах студентов звучала весьма позитивная оценка деятельности В. Никонова, А. Пушкина, Н. Сванидзе, которые честно и объективно выражают свое видение политической позиции страны и в то же время подвергают отдельные негативные моменты справедливой критике.

И, наконец, 5-й раздел этого блока – анкета автора творческой работы. Здесь, помимо биографических данных, надо было ответить на ряд вопросов: “Какие газеты и журналы читаете, пользуетесь ли услугами Интернета и библиотек, какова ваша оценка деятельности российских СМИ?” и, наконец, традиционный вопрос: “Что бы вы сделали, если бы редактором были вы?” Вот здесь я вынужден, как говорится, внести в бочку меда большую ложку дегтя. Анкеты, к моему великому удивлению и сожалению, показали, что большинство студентов специальности СО как младших, так и старших курсов, общаясь с Интернетом, в то же время очень мало обращаются к газетам и журналам. Об этом свидетельствуют их ответы: “все плохо, все неинтересно, читать нечего”.

Это пришлось учесть при формировании 3-го блока работ. Его содержание было определено следующим образом:

- 1) глубокий аналитический обзор деятельности отдельных российских СМИ;
- 2) очерк “Моя страна, моя республика, мой город”;
- 3) очерк “Люди нашего региона”;
- 4) очерк “Мой любимый писатель, журналист”;

5) передовая статья ко дню 1 апреля.

Учитывая вышеприведенные высказывания о “нелюбви” многих студентов специальности СО к газетам, при подготовке первой темы было предложено детально проанализировать на примере конкретных СМИ ряд факторов: общую направленность издания, актуальность и оперативность отклика на события, наличие и степень “желтизны” материалов и т.п.

С нашей точки зрения, подобный подход и подготовка этого раздела творческой работы вынудил многих студентов более глубоко познакомиться с содержанием отдельных изданий.

При подготовке следующего раздела блока творческой работы “Моя страна, моя республика, мой город” не все смогли отойти от стандартных трафаретов и общих слов. Тем не менее, высказываясь о своем видении этого вопроса, большинство студентов вполне объективно высказались по разделу “Что такое хорошо?” и достаточно объективно по разделу “Что такое плохо?”, высказав критические замечания о том, что мешает нам жить.

Большой интерес у студентов вызвал раздел “Люди нашего региона”. Своими героями студенты назвали А. С. Гуменюка, В. Н. Мишакова, Ю. А. Спиридонова, геофизика Е. М. Романова, Героя Советского Союза Н. Оплеснина. При этом было достаточно подробно аргументировано, чем именно, какими своими качествами эти люди привлекли их внимание.

Честно признаться, я с некоторым опасением думал о том, как студенты готовят раздел 3 блока “Мой любимый писатель”, ожидая в лучшем случае дифирамбов в адрес Д. Донцовой и Б. Акунина. Каково же было мое удивление и радость, когда оказалось, что молодежь читает и достаточно сложную интеллектуальную литературу, и классику: А. Азимова, Р. Шекли, А. Камю и других.

Готовя очерки по перечисленным выше темам, студенты попутно отшлифовывали свое журналистское мастерство.

И, наконец, последний, пятый раздел этого блока предусматривает проверку на чувство юмора: ребятам было предложено подготовить передовую статью к 1 апреля. Студенты в основном справились с этим заданием.

Я сознательно здесь и далее уделяю так много внимания студентам специальности СО, поскольку это новая для университета и первая гуманитарная специальность. Выше я упоминал, что ректор университета профессор Н. Д. Цхадая уделяет этой специальности большое внимание, постоянно интересуется ходом учебы, обязательно посещает защиту дипломов.

Кстати, говоря об интеллекте и культурном уровне студентов специальности СО, я вновь считаю возможным вернуться к тематике отдельных творческих работ, где подчас имели место довольно неординарные темы. Например, темами отдельных разделов творческих работ являлись рассмотрение и анализ творчества звезд российской эстрады: Максима Галкина, Ларисы Долиной, Елены Ханги. Анализировались такие неожиданные темы, как становление американской династии миллиардеров Рокфеллеров, история создания куклы Барби, путь к богатству российских олигархов М. Ходорковского и Р. Абрамовича, жизнь сельской “глубинки” на примере коми села Объячево, а также другие весьма

неожиданные и нестандартные темы. При этом большинство студентов демонстрировало не только умение подбирать материалы из сети Интернет, но и умение их анализировать, излагать свою позицию и подчас делать самые неожиданные и парадоксальные выводы.

Было бы несправедливо не вспомнить добрым словом также таких студентов, как М. Подорова, А. Коблик (гр. СО-00); Е. Заславская, Т. Мосеева, В. Шигапова (гр. СО-01); Т. Бабихина, Е. Седышкова. – С. Захаров (гр. СО-02); А. Савицкая, Н. Зулова, В. Лубенская, Е. Канова, М. Жукова (гр. СО-03).

Я невольно сравниваю студентов специальности СО разных лет и должен отметить, что наиболее яркие и добрые впечатления у меня сохранились о группе СО-01 – как об отдельных студентах, так и в целом о группе. Это была очень сильная и дружная группа, обращавшая на себя внимание. Многие из этой группы по окончании вуза сделали неплохую профессиональную карьеру. Успешно трудятся и первые наши выпускники из группы СО-2000.

В общем, можно сказать, что сравнительно новая и первая для нашего вуза гуманитарная специальность состоялась и ее первые выпускники нашли свое место в городских и корпоративных СМИ, а также в университетской деятельности.

Я горжусь, что в числе других стоял у истоков создания этого нового направления учебы в нашем вузе и, в какой-то степени, причастен к успешной подготовке специалистов по этому направлению деятельности.

Считаю нужным еще раз подчеркнуть и отметить поистине титаническую работу первых руководителей кафедры СО Д. А. Алексева, М. В. Михитаровой, преподавателей разных лет Т. Н. Шемиченко, А. А. Тюриной, Н. А. Мирошниченко, А. Н. Красавицкого, В. В. Фалина, а также упомянутых выше коллег из С.-Петербурга: Д. П. Гавры, Д. П. Шишкина, А. Д. Кривоносова. В становлении и развитии кафедры велика роль ректора университета Н. Д. Цхадая, декана гуманитарного факультета А. Г. Чернышова.

С первых дней создания кафедры на ней трудится Лидия Ивановна Сабитова, правая рука зав. кафедрой, ведающая многотрудное рутинное хозяйство. Приходили и уходили заведующие, а Лидия Ивановна неизменно оставалась их правой рукой и первой помощницей. Всегда приветливая, вежливая, тактичная, обязательная, с ней всегда приятно общаться!

И в заключение я приведу отзывы отдельных студентов о своих преподавателях, которые были приведены в их творческих работах.

Вот что пишет студентка гр. СО-1-03 Юлия Вахнина об одном из своих преподавателей: “Я хотела бы выразить благодарность и глубокую признательность своей учительнице русского языка Шемиченко Татьяне Ивановне. Именно она привила мне любовь к русскому слову, научила видеть, чувствовать и понимать его красоту. Вместе с ней очень интересно проникать в глубины языка. Узнаешь все новое и новое!.. Благодаря ее упорству, трудолюбию и терпению мы успешно “грызем гранит” сложнейшего, но и прекраснейшего языка в мире.

Ее правильная речь, словно чистая горная река, то течет спокойно и тихо, лаская слух своей мелодичностью, то звонко льется по камешкам, демонстрируя красоту и неповторимость каждого звука, каждого отголоска. Мелодичность и

благозвучие слов трогают душу. А глубокий смысл и значимость каждой фразы воспринимаются как призыв к хорошему и светлому.

Она открыла нам многообразие русского языка, отворила потайную дверь в мир, где русский язык вместе с литературой очаровал нас и затронул самые тонкие струны души.

На уроках я впервые почувствовала, что не просто пользуюсь русским языком как средством межнационального общения, а люблю его.

А еще Татьяна Ивановна – человек светлый, добрый, отзывчивый и открытый.

Считаю ее одним из любимейших своих педагогов. Уверена, что в этом со мной солидарны очень и очень многие ее нынешние и бывшие ученики.

Я от всей души благодарна этому наставнику добра за то, что она зажгла в моем сердце костер любви к русскому языку и литературе. Дай Вам Бог много сил и терпения, чтобы быть “Прометеем русского слова” в нашей стране!”

Вот такие искренние и душевные слова!

А вот точка зрения Кати Фоминцевой на своих преподавателей. Цитирую, сохраняя лексические особенности: “... Я бы, наверное, никогда не задумалась над вопросом “кто является моим любимым преподавателем”, если бы не это задание.

Любить можно всех, а нужно – одного единственного. Это уважать можно многих. Уважать родителей за то, что они дали тебе возможность жить на этом свете, бабушек и дедушек за то, что научили жить на этом свете, ну и, конечно же, учителей за то, что научили уважать. Но любить их всех невозможно, им можно симпатизировать.

На протяжении всей жизни у нас есть кровно-посторонние люди, но душевно-близкие, которым мы симпатизируем: в садике – “воспиталка”, в школе – “училка”, а в университете – “клевый препод”. Остановимся на последнем. Почему “клевый”, да потому что и сам умный, и передает нам, немного бес-толковым, свой разум, потому что пробивается через бетонную стену, чтобы направить нас на путь истинный, да потому что у него на это все хватает сил, он не убегает из аудитории в ярости только потому, что какая-то питалица разговаривает на его паре по телефону, и не приходит в ярость, когда какой-то пацан слушает Prodigy вместо его лекций, а популярно объяснит, для чего нам, студентам, нужны его лекции.

У каждого из нас есть свой (или их несколько) любимый преподаватель. Уважаю труд каждого преподавателя.

Понятное дело, что все лекции назубок знать мы не будем, но основные навыки PR-специалистов в нас вложил каждый преподаватель, и каждый сделал это по-своему, как смог, а как мы восприняли – это уже наши проблемы. В первую очередь, это проблемы на экзаменах, ведь то, что мы будем рассказывать, они и так прекрасно знают без нас, а во-вторых, это проблема в жизни.

А что касается преподавателей, так их очень много, обо всех писать и жизни не хватит. Одно могу сказать, что они все очень добрые, хорошие, умные, понимающие и любящие. А все остальное зависит от нас”.

Очень подробно о своих преподавателях высказывается Галина Навазова, студентка гр. СО-1-01: “Весь одиннадцатый класс наши учителя твердили в один голос: “Ребята, в вузе никто с вами не будет “носиться как курица с яйцом”, там все по-взрослому, не сдал вовремя – отчисление”. Наслушавшись страшилок, две недели первого курса я воспринимала любого преподавателя как врага, покушавшегося на мое присутствие в университете. После, присмотревшись повнимательнее, осознала, что все это по глупости. Наши наставники вовсе не стремятся избавиться от студентов, напротив, всеми силами стараются довести обучение до логического завершения, т.е. до диплома.

Первым, кто зародил во мне веру, что не все так плохо, был наш родной и самый любимый на свете декан – Чернышов Алексей Григорьевич. Его можно назвать душой факультета. Не думаю, что каждый студент УГТУ может похвастаться, что с легкостью входит в кабинет декана пожаловаться на “нелегкую судьбинушку” и при этом находит полное понимание и неизменный ответ: “Помогу, чем смогу”. Вообще, Алексей Григорьевич – уникальная личность, отзывчивый и мягкий, с одной стороны, он может заставить вас гореть со стыда от одной фразы: “Слышал-слышал, что вы опять учудили, неужели нельзя было это как-то поаккуратней сделать?!” К сожалению, Алексей Григорьевич не является моим непосредственным преподавателем (немецкий язык не моя стезя), но он сделал так, что я, да что я, все мы чувствуем себя на факультете одной семьей, что играет решающую роль во взаимоотношениях как студентов, так и преподавателей.

В личном плане он, наверное, сам того не подозревая, показал, как можно идти на контакт с открытой душой и не бояться, что тебе в нее плюнут. (А если все-таки плюнут, всегда есть декан, которому можно поплакаться”.

Ну и напоследок о приятном, о кураторе. Вот уж где повезло так повезло. Чудная девушка нам досталась (ну или почти досталась, это я к тому, что мы ее сами у кафедры выпросили). Анне Александровне Тюриной можно поклониться в пояс, терпит нас, любит, понимает. Что же касается ее вклада в мое “воспитание”, она подтолкнула меня к тому, что не только преподаватели в ответе за нас, но и мы за преподавателей. Своих в обиду не даем, надо – будем драться до последнего.

Вот, пожалуй, и все. Возвращаясь к самому началу, скажу: конечно, правы были мои лицейские учителя, ведь в вузе все по-взрослому, но, видимо, я счастливчик по жизни и из лицейской семьи попала в университетскую, чему очень рада”.

В общем, смею утверждать, что инициатива, “задумка” ректора университета Н.Д. Цхадая об организации в вузе обучения по новой гуманитарной специальности полностью себя оправдала и подтвердила свою необходимость.

В настоящее время состав кафедры СО значительно обновился, пришли новые преподаватели, новый руководитель. Верю в то, что это хороший рабочий коллектив, и он успешно продолжит дело подготовки специалистов по связям с общественностью.

Автор И. В. Палладьева

Как родились “Художники Ухты”

В прошлом номере мы уже знакомили наших читателей с материалами электронного каталога “Художники Ухты”, увидевшего свет в 2008 году. Спустя год, в декабре 2009-го, мы наконец смогли взять в руки великолепное красочное издание – печатную версию каталога, ставшую долгожданным подарком всем поклонникам творчества ухтинских мастеров кисти.

“Высокий смысл, что держит ухтинских художников вместе, – это само творчество, основа любой культуры, фундамент для всего нового в жизни города. Без него и дороги не вымостить, и хлеба не испечь, я уж не говорю о крыльях. Чтоб взлетел новый самолет, нужно, чтоб сначала хоть чуть-чуть сумела взлететь душа, расширив свой творческий горизонт.”

Ирина Палладьева. Из предисловия к каталогу “Художники Ухты”.

Когда я показала “Художников Ухты” Государственной думе России, наверное, я могла бы считать свою мечту исполненной, а дело завершенным, но такого чувства не было...

Три года назад, в канун Нового 2006 года, был задуман каталог, а точнее монография “Художники Ухты”. Случилось это на собрании. Идею поддержали. Правда,

один здравомыслящий художник заметил, что мы своему городу вроде и не нужны были никогда и незаметны в нем, может, лучше уж выходить на российский каталог – так вернее. К тому времени благодаря материальной помощи А. А. Каргалиной наши работы уже стали появляться в российских каталогах “Москва”, “Современное искусство России”. Наши художники и там не терялись на общем фоне, но близился шестидесятилетний юбилей города, и мы осознавали свой долг перед ушедшими и перед молодым поколением: ведь они могут так и не узнать о тех, кто делал и делает искусство, достойное своего времени и своего зрителя. Этот долг взял верх. Наверное, это звучит пафосно и даже глупо на фоне всеобщей материальной заинтересованности, но художники – народ безбашенный, они живут чувствами.

Из этого чувства, однако, должен был “вырасти” реальный продукт: монография, каталог, альбом – еще никто не знал, что это будет. Было совершенно понятно: в одиночку это не сделать. Очевидно, что работы для этого альбома должны быть качественно отсняты. Это мог сделать только Олег Сизоненко – классный фотохудожник. Он согласился сразу. Информационную часть, сбор материала я взяла на себя: сказался опыт многолетней работы с художниками, публикации десятков статей – репортажей с выставок, описания творчества от-

дельных художников. Всю эту разнообразную информацию предстояло систематизировать и придать ей нужную форму, а для этого требовались дополнительные сведения о каждом из авторов – где родился и учился, в каких выставках принимал участие, какими наградами отмечен и т.п.

Как и ожидалось, самой непростой оказалась проблема материальная. Финансирование и судьба проекта напрямую зависели от того, удастся ли нам найти и заинтересовать спонсора. Это тоже легло на мои плечи. Логично, что заинтересовать потенциального мецената можно было только чем-то похожим на конечный продукт, при этом он – этот продукт – должен быть доступным для нас по исполнению. К тому времени наши художники уже начали выпускать свои индивидуальные каталоги, выполненные полностью с использованием современных компьютерных технологий. В этом деле мне был необходим помощник. Откликнулась Елена Стрельченя – она стала настоящим мотором проекта. Она печатала варианты, перебирая поступающий материал, сортировала, улучшала, отбирала. Очень быстро был сделан макет – толстенный том в канцелярской папке. С ним я и ходила по организациям, показывала, рассказывала, делая акцент на том, что это нужно для детей и молодежи, для подрастающего поколения. Это им нужно знать, что в нашем городе живут такие совсем нерядовые художники, как Владимир Маслов с его удивительно талантливыми фантазийными и реалистическими композициями. Он так видит этот мир, что становится интересно жить, он раскрывает тайны, о которых никто и не подозревал. Рассказывала о том, как Валерий Семенович Шустов хранит традиции русской школы живописи, восходящие к Серову и Коровину, о том, как лирика его пейзажей помогает понять русскую поэзию и русскую душу вообще. Рассказывала, как сложен и интересен мир художницы Натальи Захаровой, как хрустально ранима душа Валентины Цыбулько, какие “неклаужизмы” придумывает Сапа Тимушев, как прозрачны краски Зои Картаевой, как любит свою землю Коми Анна Зубехина. Мне было о чем рассказать. Слушали внимательно, смотрели с интересом, но приговор был один: денег нет. Потом грянул кризис, а в кризис, как известно, денег нет в принципе. К тому времени Лена Стрельченя уже выпустила электронный вариант “Художников”, совершив свой личный подвиг. К тому же ей пришлось перешагнуть рамки простого пользователя компьютерной техники и частично освоить программирование. Это было сделано для нас...

Когда варианты спонсорства были исчерпаны, пошла по второму кругу. Все-таки прошли три года и новый юбилей города: ему уже 80 лет. И вдруг в управлении культуры мне говорят, что деньги выделены, только гораздо меньше, чем требуется. Конечно, мы были рады любой сумме. К сожалению, с этих пор меня фактически отстранили от проекта. И – не буду скрывать – сам альбом получился не таким, каким задумывался изначально: в частности, моей хрустальной мечте дать хотя бы небольшое описание творчества каждого художника сбыться было не суждено. Не вошли в каталог, увы, и фотографии самих художников, собранные с таким трудом... И все равно я была несказанно счастлива, что мы это сделали. Верстка отличная, картинки выполнены очень хорошо, мелкие нестыковки можно не принимать во внимание. Главное, что все эти художники теперь бессмертны, и о них будут знать. Я несказанно благодарна Олегу Владимировичу Казарцеву за то, что он единственный в городе понял, как это важно. И вот я держу этот альбом перед Государственной Думой России. “Художники Ухты” теперь известны всей стране.

А. В. Глушенко. Перо творца.

Н. П. Захарова. Мыслитель.

И. В. Палладева. Сестра.

И. В. Пушина. Автопортрет.

О. А. Сизоненко. Кокосы.

Н. А. Талсева. Думы о прошлом.

А. В. Тимушев. Отец и его сыновья.

Шустов. Заложных Н.В. – участник парада Победы.

По архивным материалам литературного объединения г. Ухты.
Подготовила И. В. Карабинская

О прошлом – с благодарностью, о будущем – с вдохновением.

В марте 2010 года Ухтинское литературное объединение отмечает свое 55-летие.

В первое десятилетие 21 века “Жемчужину Севера” буквально захлестнула волна юбилейных и праздничных дат. Немало торжественных поводов пришлось на долю градообразующих предприятий, учебных заведений, учреждений культуры и социальной сферы, формальных и неформальных объединений. Это – не череда приятных случайностей или совпадений, а историческая закономерность: немногим более полувека назад все без исключения сферы деятельности в России переживали фазу бурного подъема.

Этот период – не просто время интенсивного экономического и культурного восстановления обескровленного и разрушенного войной народного хозяйства, но эпоха активного обновления и созидания. Воссоздавались не только заводы и фабрики – строились новые школы, открывались профессиональные училища, кинотеатры, музеи и библиотеки. Эпохой расцвета и преобразования стала “оттепель” конца 50-х годов двадцатого столетия в литературе и искусстве. В это время восстанавливаются добрые имена многих деятелей культуры – жертв беззакония: В. Э. Мейерхольда, О. Э. Мандельштама, И. Э. Бабея и др.; после долгого перерыва издаются книги А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко. Широкая аудитория получила доступ к малоизвестным и незаслуженно замалчиваемым произведениям. Этому немало способствовало появление новых литературно-

Первый известный коллективный снимок Ухтинского литературного объединения, сделанный в 1955 году.

художественных журналов “Юность”, “Иностранная литература”, “Москва”, “Нева” и других, второе дыхание обрели уже известные журналы, прежде всего “Новый мир”. В числе лучших художественных произведений жанров той поры были стихи Е. А. Евтушенко, Б. А. Ахмадулиной, А. А. Вознесенского, поэмы А. Т. Твардовского, песни Б. Окуджавы.

Плодотворным этот период пробуждения творческих сил стал и для коми литературы – в ней появились новые имена и таланты. На всю страну прогремела пьеса “Свадьба с приданым” коми драматурга, уроженца села Усть-Выми Н. М. Дьяконова, написанная в 1949 г. Переведенная на русский язык, эта пьеса была поставлена на сцене Московского театра сатиры, а впоследствии неоднократно инсценировалась в России, Украине, Молдавии, Белоруссии, а также социалистических Польше, Болгарии, Чехословакии. По ней был поставлен одноименный советский кинофильм, снискавший всенародную любовь и популярность.

В жанре крупных литературных форм в 1950-х годах вышли в свет трилогия Я. М. Рочева (“Два друга”, “Ижма волнуется”, “Обновление земли”) и роман В. В. Юхнина “Алая лента”.

По всей стране в этот период возникали литературные кружки, общества и союзы. Ухта не была исключением. Архивные материалы прежних лет сохранили упоминания о разного рода литературных объединениях на базе предприятий и творческих союзов. Но понадобились талант, энтузиазм и организаторская воля одного человека, чтобы сплотить и объединить творческую интеллигенцию. Таким человеком стал Александр Евсеевич Рекемчук.

Его приезд в Коми стал судьбоносным для пишущих на русском языке авторов республики. Для нашего города его имя по-особому значимо: А. Е. Рекемчук носит почетное звание “Ухтинец XX века”. Да и для самого Александра Евсеевича этот “скудный материк” (так назывался его роман, опубликованный в журнале “Москва” в 1968 году) стал мощным трамплином творческой карьеры. Свои первые две книги рассказов “Стужа” (1957 г.) и “Берега” (1959 г.) Рекемчук – ныне профессор Литературного института имени Горького, в ту пору – писатель и журналист – издал, живя в Ухте. Здесь же увидели свет его повести “Все впереди”, “Время летних отпусков”, “Молодо-зелено”.

Именно под руководством А. Е. Рекемчука 16 марта 1955 года в газете “Ухта” впервые собрались вместе люди разных профессий, взглядов и жизненного опыта – те, кому было суждено составить основу будущего ухтинского литературно-творческого объединения. Уже через год, в апреле 1956 года, их имена прозвучали со страниц газеты “Ухта”, опубликовавшей информацию о первом годичном творческом отчете городского литго, где перед зрителями выступили поэты Николай Володарский, Марианна Вехова, Василий Журавлев-Печорский, Ирина Махонина, Павел Матвеев, Надежда Смирнова, прозаик Анатолий Знаменский. А в сентябре 1958 года в приложении к городской газете “Ухта” вышел первый коллективный сборник членов литературно-творческого объединения “Стихи ухтинцев”, под обложкой которого были опубликованы произведения двенадцати авторов.

Многие из первых членов ухтинского литературного объединения обрели широкое признание, стали известными на всю страну писателями. Среди них –

лауреат Государственной премии РСФСР Анатолий Знаменский. Свои первые два романа (“Неиссякаемый пласт” и “Ухтинская прорва”) он написал в Ухте.

Путевку в большую литературу получил в Ухте и Василий Журавлев (известен под псевдонимом Журавлев-Печорский), издавший за свою жизнь 19 книг. Этот год юбилейный для поэта. 7 марта ему бы исполнилось 80 лет. Памяти Журавлева-Печорского был посвящен ежегодный поэтический марафон в Сыктывкаре.

Заметным явлением в ухтинской драматургии стал геофизик Борис Купчинкин, под авторством которого увидели свет семь многоактных пьес. Спектакль “Ты увидишь новое небо” по его пьесе стал премьерой сценических подмостков ухтинского ЦДК в 1961 году.

Шестидесятые-семидесятые годы двадцатого века стали в жизни ухтинских литераторов периодом творчески весьма насыщенным и содержательным. Для многих из них это время подведения первых значимых итогов работы, первых серьезных публикаций: в свет вышли сборники Ирины Махониной, Марианны Веховой, Игоря Терновского, Бориса Тарбаева, Александра Журавлева, Ивана Пехтерева, Натальи Гуровой, Виктора Сахарнова, Николая Жукова, Сергея Каратова, Александра Ляпкало и других авторов. В 1959 году в Коми книжном издательстве вышла книга детских поэтов Ухты – Веховой, Сахарнова и других, а также авторский сборник Ирины Махониной.

20 марта 1965 года город отметил 10-летие литературно-творческого объединения.

В ЦДК прошел большой литературный вечер, на котором был представлен литературно-художественный сборник “В краю таежном”. В нем опубликованы стихи, проза, драматургия, публицистика 27 ухтинских авторов. Впоследствии 14 из них издали свои сборники, а семеро стали членами Союза писателей СССР.

Блистательного детского поэта, проникновенного лирика и певца ставшего для него родным северного края Александра Журавлева в Ухте и сегодня не нужно представлять ни юной, ни взрослой аудитории. В ухтинское литературное объединение он пришел, будучи старшеклассником. Сборник “В краю таежном” стал для него дебютным. А спустя почти четыре десятилетия Александр Константинович возглавил городское литературное объединение и оставался на посту председателя до 1997 года. При нем увидел свет сборник ухтинских поэтов “Отражение”. Сам Александр Журавлев – автор 10 поэтических сборников.

В 80-90-х годах к литературному объединению присоединились Геннадий Иванов, Анатолий Пашнев, Анатолий Илларионов, Виктор Карелин, Валерий Жуков, Павел Корюгин, Владимир Аншуков, Анатолий Егоренков, Галина Сологуб, Наталья Фоменко, Наталья Богданова, Светлана Широкова, Владимир Плавинский, Виктор Кравцов, Владимир Миронов, Ирина Кутепова, Римма Лапина, Ирина Попов-

За 55 лет ряд авторов литературного объединения Ухты стали членами Союза писателей СССР и России. Среди них А. Рекемчук, А. Знаменский, В. Журавлев-Печорский, Н. Володарский, Б. Шахов, А. Журавлев, А. Пашнев, И. Терновский.

В разные годы руководителями объединения были А. Рекемчук, Н. Володарский, Б. Купчинкин, Б. Шахов, Г. Иванов, И. Терновский, А. Журавлев, А. Пашнев, А. Илларионов, П. Корюгин. В настоящее время творческим объединением руководит Владимир Петрович Аншуков.

нина, Владислав Афанасьев, Григорий Ботвинник, Надежда Канева, Надежда Подорова, Сергей Рулев, Александр Максимов, Владимир Жебин, Сергей Дробышевский, Сергей Буяков. В эти же годы о себе как о прозаике, пишущем на коми, заявил Борис Федотович Шахов.

17 марта 1995 года литературное объединение г. Ухты, руководимое Александром Журавлевым, отметило 40-летие со дня своего рождения. Этой дате газета “Ухта” посвятила три тематических разворота, а в городском Дворце культуры прошел большой праздничный вечер.

Конец девяностых для ухтинских литераторов ознаменовался выходом в свет альманаха “Ухта литературная”. Его учредителями и соредакторами стали авторы Алексей Леонтьевич Мильков и Игорь Николаевич Терновский. Первый номер издания увидел свет в мае 1998 года. В течение нескольких лет альманах был достойной площадкой для публикации произведений ухтинских литераторов. Под одной обложкой совмещалось все жанровое разнообразие творчества ухтинцев: стихи, рассказы, очерки, пьесы, мемуары и критические статьи. Молодым авторам “Ухта литературная” тоже предоставляла возможность заявить о себе – в частности, неоднократно публиковались сочинения школьников по произведениям писателей города.

Сегодня традиции “Ухты литературной” продолжает ежемесячный альманах “Накануне четверга”, выходящий под редакцией прозаика Сергея Рулева.

С 1998 по 2005 годы ухтинским литературным объединением руководил Павел Федорович Корюгин. Коллеги по творческому цеху вспоминают о нем как о человеке глубокой эрудиции и энциклопедических знаний, тонком философе и настоящем энтузиасте своего дела. Много перспективных молодых имен, вписанных при нем в летопись лито, связаны с появлением детско-юношеской литературной студии “Огонек”, сформированной первоначально по итогам литературного конкурса среди школьников города. В конце 90-х сюда пришли юные поэты Андрей Козеев, Алексей Конаков, Ксения Отева, Дарья Снегирева, Григорий Печкысев, Вера Латышева и другие. Произведения пятнадцати авторов вошли в сборник “Лучик”.

В 2003 году шесть участников студии представлены в первом литературном сборнике молодых поэтов Республики Коми “Душа летит”. К шестидесятилетию города и пятилетию студии “Огонек” при поддержке ухтинской администрации вышла в свет книга “Любимое время”, опубликовавшая стихи “огоньковцев” настоящего времени и прошлых лет.

Традиции работы с талантливой молодежью в ухтинском городском литературном объединении активно поддерживаются и сегодня. Каждые два года

К десятилетию городского литобъединения вышел сборник “В краю таежном”, в котором дебютировали многие ухтинские авторы. На снимке: А. Козулин, В. Журавлев-Печорский, А. Журавлев.

В марте 2005 года Ухтинское литературное объединение отпраздновало свое пятидесятилетие.

среди школьников города проводится литературный конкурс, победители которого занимаются в студии “Огонек”. Ныне ею руководит прозаик и поэт Виктор Антонович Карелин.

С годами крепнут связи городского литературного объединения и поэтического клуба ухтинского государственного технического университета. Руководители клуба: поэты Дмитрий Безгодов, Инга Карабинская, Семен Башкиров – постоянные участники городских литературных встреч, их произведения неоднократно публиковались в республиканских альманахах “Сыктывкар” и “Белый бор”, городских и университетских печатных изданиях. За 12 лет существования поэтического клуба УГТУ не раз проводились совместные с авторами литературного объединения творческие встречи. Нынешние “огоньковцы” – Евгения Перепон, Алексей Наволоцкий другие – студенты и члены поэтического клуба ухтинского университета.

О новейшей истории городского литературного объединения его нынешний председатель Владимир Петрович Аншуков говорит как о периоде весьма активном и плодотворном. Жизнь ухтинских литераторов насыщена событиями, творческими встречами, фестивалями и публикациями. Члены ухтинского лито – постоянные участники литературных встреч в Каблуково Тверской области, гости семинара молодых авторов в Сыктывкаре, их произведения ежегодно публикуются в республиканских альманахах, журнале “Наш современник”. Желанными гостями на мероприятиях ухтинцев не раз становились поэты и писатели, члены союза писателей республики и России: народный поэт республики Коми Надежда Мирошниченко, писатель Елена Габова и другие.

Отдельно стоит сказать о сборнике поэзии и прозы “Перекаты”, вышедшем в 2008 году. Из-за нехватки средств издание книги откладывалось более 10 лет – тем более долгожданным стало “свидание” с читателем. Наряду с творениями современников, в сборник вошли произведения авторов, ушедших из жизни

или покинувших Ухту: Анатолия Егоренкова, Василия Журавлева-Печорского, Павла Корюгина и других.

По словам Владимира Петровича, сегодня в творческом объединении сложилась яркая команда энтузиастов, принимающая живое участие в реализации всех творческих проектов.

19 марта на сцене городского Дворца культуры состоялся большой праздник, посвященный 55-летию литературного объединения. Поздравить ухтинских авторов пришли члены союза писателей России и Республики Коми, работники библиотек, музеев и, конечно, почитатели таланта. И в череде проникновенных поздравлений, стихов и песен Ухта благодарно и бережно в который раз пролистала страницы летописи своего литературного объединения. Летописи, открывающейся словами: “16 марта 1955 года в редакции газеты Ухта собрались люди разных профессий, взглядов и жизненного опыта...”

С тех пор прошло более полувека, но одно остается неизменным: какими бы разными в силу возраста, профессии и взглядов на жизнь ни были люди, собирающиеся в Доме творческих работников в третью среду каждого месяца, их объединяет главное: служение Слову. Творчество в этом служении было, есть и, без сомнения, будет ведущей, направляющей и объединяющей силой. И это вселяет в сердца и талантов, и их поклонников радость и вдохновение.

Это небольшая часть авторских сборников и публикаций ухтинцев в городских и республиканских изданиях, а также в альманахе города Твери.

Вспомним их по именам

Не все из бывших руководителей литературного объединения Ухты, внесших вклад в его становление, живы. Не все по сей день проживают в Ухте. Но их имена увековечены в главной летописи – человеческой памяти.

Александр Евсеевич Рекемчук

“Биография Рекемчука сама напоминает роман, причем роман приключенческий. Военное детство и оборонный завод, желание писать стихи и трезвая самооценка, работа на севере и возвращение из журналистики в литературу... И эти заметки, и проза Рекемчука – знак особого времени, сейчас – минувшего. Так теперь не пишут – добротню, спокойно. Будто читателя не надо привлекать, будто с издателем заигрывать не нужно. Будто на дворе 60-е, страна литературоцентрична и времени вдосталь”. Владимир Березин, “Независимая газета”, 2002 год.

Родился в 1927 году в г. Одессе. Русский писатель.

В 1962 году закончил заочно Литературный институт им. Горького.

В Республике Коми жил и трудился с 1947 по 1963 год.

В настоящее время он профессор, преподает в литературном институте имени Горького. Организатор и первый руководитель литобъединения г. Ухты (16 марта 1955 года).

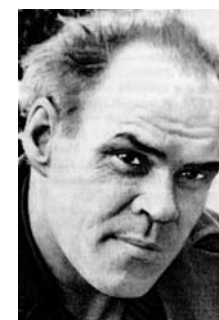
Член Союза писателей СССР с 1957 года.

Первые две книги рассказов на русском языке – “Стужа” (Сыктывкар, 1956) и “Берега” (Сыктывкар, 1958). В Ухте им написаны повести “Все впереди”, “Время летних отпусков” (Москва, 1961; Ленинград, 1962), “Молодо-зелено” (Москва, 1962) и киносценарии. После его отъезда в Москву еще дважды его книги выходили в Сыктывкаре: “Повести и рассказы” (1965) и “Скудный материк” (1968).

Книги А. Рекемчука переведены на десятки иностранных языков.

Василий Степанович Журавлев-Печорский (1930 – 1980)

“Во многих своих книгах он рассказывает о суровом, мало кому известном, но сказочно красивом Печорском севере, который он исходил вдоль и поперек, стремясь узнать его как можно больше и рассказать о нем читателю. Герои его произведений – сильные и красивые люди, неразрывно связанные с бескрайними северными просторами”. Свободная сетевая энциклопедия “История Отечества. Гипертекст”.

Родился в 1930 году в г. Мезени Архангельской области. Служил на Балтийском флоте. После демобилизации с 1955 г. работал в городской газете “Ухта”. Через 3 года переехал в Усть-Цильму.

Член Союза писателей СССР с 1958 года.

Окончил Высшие литературные курсы. Автор 27 книг стихов и прозы, половина из которых вышла в центральных издательствах.

Первые два стихотворных сборника “Моя звезда” (1957) и “Моряна” (1960) написал в Ухте. В Республике Коми вышли его книги: “Междугорье” (лирика, 1962), “Глоток воды” (стихи, 1964), “Разрыв-трава” (рассказы, 1968), “Марьин корень” (рассказы и повести, 1970), “Летят голубаны” (повести, 1973), “Заливень” (рассказы о родном крае, 1978), “Поветерь” (лирика, 1978), “Заплыв” (лирика, 1978), “Федькины угодя” (повести, 1980), “Стреха” (лирика, 1980).

Борис Федотович Шахов (1928 – 2002)

“Ни дня без строчки!” – этому принципу Шахов свято следовал всю жизнь. Бывая с ним в командировках, могу подтвердить: днем он встречался с людьми по работе, а вечером брался за перо. Как бы мы ни соблазнили его отвлечься и расслабиться, он не поддавался, хотя был компанейским человеком и отличным тамадой”. Борис Витович, газета “Политехник” №12 от 9 декабря 2008 года.

Родился в 1928 году в деревне Кекур Усть-Куломского района Коми АССР.

В Ухте с 1945 года. Комсомольский, партийный, профсоюзный работник.

Член Союза писателей России с 1983 года, несколько лет был руководителем городского литературного объединения.

Лауреат Государственной премии Республики Коми им. Куратова и премии им. Кострена (Финляндия).

Писал на коми языке.

Краткая библиография: “Гшотшгьяяс” (в переводе – “Сверстники”, Сыктывкар, 1985), “Сверстники” (Москва, Современник, 1988), “Визув аныд” (“Против течения”, Сыктывкар, 1980), “Горд азоридзьяса сьод шаль” (“Черная шаль с альми цветами”, на коми языке, Сыктывкар, 1989, на русском языке – 1995), “Сибод мено, чужн му” (в переводе – “Привети меня, земля родная”, Сыктывкар, 1991), “Овлісны-ыввлісны” (“Жили-поживали”, Сыктывкар, 1999, на коми языке).

Николай Абрамович Володарский (1914 – 1992)

“Его Герой, как и сам поэт, с такими же зэками трудился на нефтешахте, на строительстве железной дороги на Воркуту. Его стихи автобиографичны, искренни, достоверны. Поэт всегда был рядом с теми, о ком писал: с нефтяниками и строителями, работниками лесного и сельского хозяйства”. Свободная Интернет-энциклопедия “Википедия”.

Коми журналист и поэт. Родился в Кировограде на Украине. С шести лет рос без отца, жил в детдоме. После окончания фабзавуча в Запорожье работал слесарем на заводе “Коммунар”. В 1933 поехал в Москву, работал в газетах. В 1934 был принят в Литературный институт им. А. М. Горького. Еще до войны “за неосторожно сказанное слово” поэт попал за решетку. С тех пор до самой смерти его жизнь была связана с Коми краем. В к.1950-х, после I съезда журналистов в 1959 году, на котором был образован Союз журналистов, он вернулся в журналистику и поэзию и выпустил сборник стихов “Светлый родник”. Вместе с

А. Рекемчуком и А. Знаменским вошел в Ухтинское литературное объединение. Его стихи автобиографичны, искренни, достоверны. Известны и его переводы произведений коми поэтов. С 1964 он – член Союза писателей СССР.

Игорь Николаевич Терновский (1930 – 2006)

“Большинство стихотворений Игоря Терновского не просто выше отличного написания, на многих стоит печать мастера. Это произведения очень большой глубины и философской насыщенности”. Алексей Мильков, журнал “Ухта литературная”, №2/1998.

Родился в 1930 году в г. Москве. После окончания Московского геологоразведочного института в 1954 году приехал в Ухту. 40 лет проработал в геологоразведке на поисках месторождений нефти и газа в Республике Коми. Был техноруком полевой партии, главным инженером геолого-поисковой экспедиции, много лет занимался техническим прогрессом в ухтинской геофизике. За деятельность в геологии имеет немало наград и поощрений.

Член Союза писателей России с 2003 года. В 1967-1968 и 1995-1996 годах руководил литературным объединением.

С 60-х годов многократно публиковался в городских, республиканских и региональных изданиях: газетах, журналах “Нева”, “Север”, в коллективных сборниках и альманахах: “Переключка”, “Радуга свершений”, “Гамма”, “Северный автограф”, “Геология – жизнь моя”, “Негаснущий костер”, “Отражение” (1993), “Белый бор” (2003, 2004).

Автор сборников: “Неудобная земля” (Сыктывкар, 1973), “Возвращение предков”, “Времена”, “Преодоление”, “Стихи очень разных лет” (Сыктывкар, 2001), “Избранное” (Сыктывкар, 2004).

Анатолий Дмитриевич Илларионов (1952 – 2008)

“Анатолий Илларионов не рвался к славе и признанию. Рабочий человек с душой философа и лирика, он навсегда занял место в сердцах почитателей настоящей поэзии. Для его лирики характерен реализм. Художественные образы в его стихотворениях легко узнаваемы жителями Республики Коми. И с годами его творчество будет приобретать новых и новых читателей”. Сетевой портал “Официальные новости г. Сосногорска” (от 21 октября 2009 года).

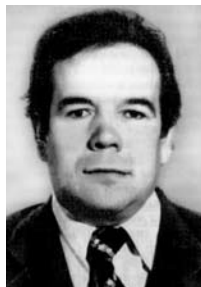
Родился в 1952 году на ст. Ираель Сосногорского района.

Поэт, член Союза писателей России с 1996 года.

Публиковался в периодической печати г. Ухты, г. Сосногорска, в коллективных сборниках “Диалог под звездами” (1990), “Отражение” (1993), “Белый бор” (1995, 1997, 2003, 2004).

Автор поэтических сборников: “Одиночество” (Фонд поддержки творческой молодежи, Москва, 1975), “Маленькая станция” (1997), “Осенним светом” (2001), “Лирика” (2002).

Александр Константинович Журавлев

“Радужно расцвеченный, сверкающий и неведомый, огромный мир окружает наших детей. Каждый день открывает им новые тайны... Известный детский поэт Александр Журавлев из северного города Ухты увлеченно познает мир вместе со своими маленькими читателями, он умеет смотреть их глазами, жить их радостями и огорчениями. Не поэтому ли дети так любят его стихи?” Из предисловия к книге А. К. Журавлева “Прилетела корова” (2002).

Родился в 1938 году в Московской области, в Ухте с 1951 года.

Работал в клубных учреждениях и в системе профтехобразования города.

Руководил городским литературным объединением (1992–1994). С 1994 года – руководитель общества усть-цилемов “Русь Печорская”.

Член Союза писателей России с 1991 года.

Пишет на русском языке. Его произведения публиковались в городских и республиканских изданиях, коллективном сборнике ухтинских авторов “Отражение” (1993). Часто выступает с чтением стихов в детских садах и образовательных учреждениях города и республики.

Победитель 1-го городского конкурса песен о городе (песня “Сердце помнит”, 1998).

Автор детских книжек: “Я, Андрюшка и Артем” (1968), “Полкан” (1970), “Шесть пуговиц” (1972), “Едет вышка по тайге” (1973), “Где зимой снежинки ежатся от холода” (1986), “Веселая страна Вьюжана” (1988), “Что такое Заполярье” (1992), “Кулебяка” (1994), “Прилетела корова” (2002).

Павел Федорович Корягин (1948 – 2005)

Родился 17 июня 1948 в деревне Варнаки Нолинского р-на Кировской области.

Окончил Исовский геологоразведочный техникум и Ухтинский индустриальный институт. Геофизик.

Писал стихи и прозу на русском языке.

Публиковался в газете города “Ухта”, в коллективном сборнике ухтинских поэтов “Отражение” (1993). Автор поэтического сборника “Час прозрения” (1990).

С 1997 по 2005 год руководил Творческим объединением литераторов г. Ухты.

Руководил детско-юношеской литературной студией “Огонек”, организованной совместно с Р. Лапиной в 1997 году после первого общегородского литературного конкурса школьников.

За семь лет работы студии проведены четыре городских конкурса, стихи участников студии “Огонек” публиковались на страницах газеты “Ухта”, в сборниках “Лучик” (Ухта, 1998) – 15 авторов, “Душа летит” (Сыктывкар, 2003) – 6 ухтинцев, книге “Любимое время” (Киров, 2003).

“Время поэтического зренья”

Произведения авторов ухтинского литературного объединения, вошедшие в сборник “Перекаты-2”. Сборник готовится к выходу в 2010 году.

Анатолий Викторович Пашнев

Родился в 1952 году в г. Белгороде. Окончил Белгородский индустриальный техникум и Ленинградский электротехнический институт связи им. М.А. Бонч-Бруевича. Живет и работает в Ухте с 1974 года, Северное ПТУС.

Член Союза писателей с 1996 года, поэт.

Пишет на русском языке. Публиковался в журналах “Советский воин”, “Север”, в газете “Литературная Россия”, в коллективных сборниках “Диалог под звездами” (1990), “Отражение” (1993), “Белый бор” (1997).

Имеет авторские сборники: “Лирика” (творческое объединение “Акварели”, СПб, 1995) – за этот сборник общественной организацией “Русский дом” ему была присуждена первая литературная премия им. С. Есенина.

Заплетает осень нить
Золотую в ветви сада,
Но не может заменить
Мне ни слов твоих, ни взгляда.

Ты далеко... Ну и пусть.
Катит звездная карета!
Так зачем мне эта грусть,
Вся оранжевого цвета?

Этот нежный холодок
Дуновения разлуки,
Будто трогают висок
Мной целованные руки.

Будто хочет изменить
Что-то синяя прохлада,
Где горит и вьется нить
Золотого листопада.

Проявилась слепящая связь
Между черным и белым,
И душа среди звезд разлилась,
Поглотила пределы.

Ни друзей, ни врагов, я – один
Пил вино окаянства
Из ковша безответных глубин
То ль души, то ль пространства.

Безотчетней еще и нежней
Чувства, сжатые в точку.
Ничего нет на свете страшней
Миром быть в одиночку.

Римма Александровна Лапина

Родилась 16 декабря 1956 г. в Троицко-Печорском районе Коми АССР. В Ухте с 1961 года.

Член Союза журналистов России (1995). Зав. отделом информации издательства «Печатный Двор».

Член правления Творческого объединения литераторов.

Печаталась на русском языке в городских и республиканских изданиях, в коллективных сборниках: ухтинских поэтов – «Отражение» (1993) и республиканском – «Белый бор» (2003), в альманахе Каблуковских литературных встреч (Тверь, 2004). Автор поэтического сборника «Налетел апрельский ветер» (2000).

Редактор авторских и коллективных литературных сборников, в том числе молодежных: «Лучик» (1997) и «Любимое время» (2003).

Несерьезные мысли

1

Вслух (и про себя)

Господи, на улице весна –
Время поэтического зренья!
(Не забыть, намаявшись без сна,
Мне принять лекарство от давленья).

Друг мой – о любви. Он так речист,
Что готов воспеть любую мошку!
(Не забыть – береза пустит лист,
Можно начинать сажать картошку).

2

Лунный лик распластался в тумане
И надменно глядит на капель.
Ты ответь, дорогой, без обмана,
Что во мне ты нашел? И во мне ль?
С бледных век опадают ресницы,
И работает сердце в износ...
Мне весеннею ночью не спится.
Ах мучитель, витаминов!

3

Качает по весне мой утлый ботик.
То в жизни все не в лад, то хорошо.
Единственный мужчина в доме – котик –
Вчера с гулянки без когтей пришел.

А солнышко в зените – как в цейтноте,
И расцвела природа – наша мать...
Весенний стих в растрепанном блокноте
Я целый день пытаюсь написать.

**Галина Николаевна
Сологуб**

Родилась 24 января в г. Тейково Ивановской области. Окончила филологический факультет Ивановского государственного университета. Педагог, журналист.

В Ухте с 1982 года. Работает в редакции "Радио Ухты".

Член Союза журналистов России с 1995 года.

Член Союза писателей с 2005 года.

Пишет стихи на русском языке.

Печаталась в городских и республиканских периодических изданиях, журнале "Наш современник" (№11-2004 и №11-2005), в коллективных сборниках и альманахах: "Отражение" (1993), "Белый бор" (1995, 1997, 2003, 2004).

Автор поэтических сборников: "Неверных ног чередование" (Ухта, 1996), "Тропинка у обочины дороги" (Ухта, 2002). Ухтинскими композиторами на ее стихи написаны три песни, которые поют различные творческие коллективы.

Единство

Я буду жить! Все так же. Понимая,
Что полон мир пространственных чудес,
И видеть, как рассветы зажигает
Владыка Света на краю небес.

Я буду знать, откуда дует ветер,
Когда благою весть он принесет,
Я буду верить, что на белом свете
Нас счастье обязательно найдет.

Я буду помнить, что наступят сроки,
И вспыхнет в небе новая звезда,
И заструятся чистые потоки,
И тьма покинет Землю навсегда.

Ну а пока дышу, люблю, мечтаю
И песни распеваю по утрам,
И богатею новыми друзьями ...
Враги мои, за все спасибо вам!

Здесь и там

Если здесь, на Земле,
Наше поле любви зарастает бурьяном,
Есть ли смысл тосковать
О высоких-далеких мирах?
Там мы будем жалеть
О своем наваждении странном
Если здесь, на Земле,
Не живем – превращаемся в прах.
Там мы будем спешить
На знакомой планете родиться,
Чтобы здесь, на прекрасной Земле,
Возводить города,
Чтоб мечтать и любить,
К совершенству и счастью стремиться...
На Земле воплотившись,
Заснем крепким сном, как всегда:
Суета засосет,
Или будничный быт одолеет,
Мы наклеим ошибок,
Разучившись по небу летать,
Будем вновь выяснять,
Кто правее, умнее, сильнее,
И забудем, что поле любви
Все же надо хотя бы вспахать...

Владимир Петрович Аншук

Родился в 1952 году в Усть-Цилемском районе Коми АССР.

Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В Ухте с 1979 года. Преполагает в Ухтинском горно-нефтяном колледже.

Председатель правления Творческого объединения литераторов г. Ухты.

Стихи пишет на русском языке.

Печатался в городских и республиканских газетах, в коллективном сборнике ухтинских поэтов “Отражение” (1993), в литературном альманахе Республики Коми “Белый бор” (2004), альманахе Кабуловских литературных встреч (выпуск 3-й, 2004), “Складчина” (Тверь, 2004).

Автор поэтического сборника “Стремление к бесконечности” (Сыктывкар, 1997).

Победитель 2 городского конкурса песен о городе – “Город надежды” (музыка Г. Музурова, 2003).

18 ноября 2005 года в Ухте на торжествах, посвященных 260-летию со дня основания на р. Ухте первого российского нефтепромысла, впервые прозвучала его песня о Прядунове.

На мели

Отчего же ты так
Обмелела, Двина?
Где твоя ширина
И твоя глубина?

Где русалки твои,
Чародей – водяной?
Где волшебный твой мир
Под зеленой волной?

Я бреду по косе,
Никуда не спеша.
Может, так же моя
Обмелела душа?

Хорошо на мели
Вряться в теплую мать.
Здесь надежно, но вот
Не заплывать, не нырнуть.

Где найти мне прилив
Ощущений и слов,
Чтобы вышла душа
Из своих берегов?

Где найти паруса,
Чтобы, споря с судьбой,
В море Светлой Любви
Мог позвать за собой?

Обмелела Двина,
По косе я бреду,
Наводнения чувств
Как спасения жаду.

Ирина Васильевна Кутепова

Родилась 7 февраля 1964 года в с. Усть-Цильма Коми АССР.

Работала учителем в Усть-Цильме, корреспондентом и ответственным секретарем в газете “Красная Печора”, специалистом по связям с общественностью и редактором газеты ярегских нефтешахт, ныне пресс-секретарь генерального директора Ухтинского экспериментально-механического завода, выпускает заводскую газету. Очерк о нефтешахтах Яреги был опубликован в республиканской газете “Человек и карьера” (2001), об УЭМЗ – в “Красном Знамени” (2004).

Пишет стихи на русском языке. Публиковалась в городских и республиканских газетах, литературном альманахе Республики Коми “Белый бор” (2004)

Автор трех поэтических сборников “Лада милая, мой бажонный...” (1997), “Тринадцатое декабря” (2001), “Или пан, или пропал” (2003).

Прости, зеленоглазый князь,
Твоей княгиней я не стала...
Но, боже мой, какая власть
У поседевшего вокзала!
Где время рвется в небеса!
Где нет счастливее минуты
Поверить снова в чудеса
И перепутать все маршруты!
Взглянуть на звезды в высоте,
По звездам выверить дороги,
Найти свой терем в темноте
И встретить князя на пороге!

В малиновом зареве плещется лето,
И стежки-дорожки ведут в чудеса,
Казалось бы, песни давно перепеты,
Но тайною дышат опять небеса.
А как разгадать поднебесную тайну?
И что там, за кромкой едва голубой?
Плывет над землей лебединая стая,
Как ангел-хранитель над светлой судьбой.
А крылья в малиновом зареве машут,
И слышится песня далеких светил,
И тайны гуляют по небу бесстрашно,
Наверное, Бог им грехи отпустил...

**Виктор Антонович
Карелин**

Родился 11 марта 1952 года в Нижнем Тагиле, в Ухте с 1980 года.

Прозаик, поэт. Пишет на русском языке.

Публиковался в городских и республиканских газетах, в литературном альманахе Республики Коми “Белый бор” (2003, 2005).

Руководитель детско-юношеской литературной студии “Огонек”.

Господи, какая тишина!
Мухи засыпают зимовать.
Луч осенний гладит лист стекла,
и едина в мире благодать.

Я сходил, картошки накопал,
лук зеленый – успевай срывать.
Сел за стол – обжора, великан!
Мир в едином слове – благодать.

Что-то пилят вдалеке сосед,
Улыбаюсь – и легко дышать.
Жить вот так бы мне до сотни лет...
Господи, какая благодать!

Молиться и тихо плакать,
Прошлую жизнь теребя.
Слезами и воском капать
И видеть в Боге – себя.

И ждать от зеркала – чуда,
что сложится тайный знак.
Но слева, справа – откуда
Сойдет Благодать? Как знать?

За стенами утро? Вечер?
Душу открой, как ладонь.
Надейся на скорую встречу,
На встречу с самим собой.

**Наталья Владимировна
Фоменко**

Родилась на Дальнем Востоке в Хабаровске. В Ухте с 1973 года, окончила УИИ, работает в институте “Печорнипинефть”.

Член правления Творческого объединения литераторов г. Ухты.

Стихи пишет на русском языке.

Печаталась в городских и республиканских изданиях, в коллективном сборнике ухтинских поэтов “Отражение” (1993), в литературном альманахе Республики Коми “Белый бор” (1997, 2003, 2004, 2005). Автор поэтического сборника “Из малахитовой шкатулки” (Ухта, 2001).

По хрусталим весенней ночи,
Приникнув к милому плечу,
Сжимая сердце-колокольчик,
Иду, и радостно молчу.
Ты ожидаем, ты желанен,
И впереди счастливый путь.
Мы – хрупкий слепок Мироздания,
И нам судьбу не обмануть.

Не торопя разлуки время,
Кромсая душу на куски,
Глотну невидимого зелья
Постылой и пустой тоски.
Но, процедив сквозь сердца сито
Свет легкий ландышей лесных,
Пойму, что вновь оно открыто
Для добрых весточек земных.

Дарья Сергеевна Снегирева

Родилась 25 августа 1987 года в Ухте. В 2005 году окончила среднюю школу № 3, поступила в Ухтинский филиал Современной гуманитарной академии на факультет психологии. Вуз окончила в 2009 году, защитив на “отлично” диплом по теме “Психология активной личности в художественных произведениях”. С 2008 года работает журналистом в городских СМИ.

Стихи пишет с шести лет. В старших классах посещала детско-юношескую литературную студию “Огонек”, далее – литературное объединение Ухты. Имеет ряд публикаций в городских, региональных, а также московских изданиях (в том числе альманахе “Белый бор”, московском альманахе “Академия поэзии”). В декабре 2008 года выпустила авторский сборник стихов “Взрослым мальчишкам”.

Спасти любовью

Спасти любовью?.. Господи, избавь
От ценности идей такого рода,
От призрачной мечты добраться вплавь
До берега, когда не знаешь брода.

Избавь меня от счастья не дышать,
Даруя смысл бредовым рассуждениям,
За подвиг принимая каждый шаг
Навстречу (и страхуя от паденья).

А если вдруг случится, что Икар
К земле – не к Солнцу – станет резко ближе,
Я не хочу вникать ни в чей кошмар,
Я не хочу, не буду, ненавижу...

Я не хочу оправдывать ничем
То, о чем даже не желаю слушать!
Пусть это будет делом тех врачей,
Которые излечивают души.

Спокойно, все! Меняем срочно галс
На крепкий тыл, свой домик в Подмоскowie...
...Спасти любовью? Господи, дай шанс
Спасти любовью...

Утром

утром все станет ясно все завершится
красочным ли триумфом, концом ли света
утром ты выйдешь в поле топтать душицу
ты босоногий, свежий, похож на ветер
гладкая сталь кинжала дурить не будет
не исказит черты, что в лице от предков
утром всегда затишье, а значит буря
ты потому-то и улыбался редко

где-то горят костры, лошадей седлают
цокот копыт не слышен, но ты уверен
утром его смешает с собачьим лаем
так на тебя похожий свободный ветер
встав над обрывом, резко не двигай ногу
вспомни вчерашний запах цветов и пота

та что тебя считала всего лишь Богом
утром на бой поднимет как на работу

Сергей Юрьевич Рулев

Пишет на русском языке прозаические произведения в жанре фантастики.

Публиковался в газете "Ухта", газете для подростков "Стрелка", журнале "АРТ" (1998), в литературном альманахе "Белый бор".

Автор сборника рассказов "Такси" (1999).

Редактор ежемесячного альманаха Ухтинского литобъединения "Накануне четверга".

солидный животик и мешки под глазами, которые не могли сокрыть от меня большие круглые очки. Кстати, очки уже, хоть и с натяжкой, можно отнести к деталям одежды, а странный вид моего посетителя вызывался именно тем, что на нем висело. Пиджак не по размеру, который, к тому же, ни цветом, ни фасоном не подходил к брюкам, слишком уж яркая рубашка и ботинки типа тех, в которых имеют обыкновение выступать негритянские поп-звезды. В общем, все это смотрелось довольно нелепо, но до странности органично.

Как вы понимаете, я был несколько шокирован. Моим секундным замешательством посетитель и воспользовался, проскочив в квартиру. Что ж, если в твоём доме чужой человек, то он либо вор, либо гость. Так как мужчина проник в дом с моего молчаливого попустительства, то мне пришлось, скрепя сердце, отнести его ко второй категории.

Видя мое удивление, смешанное с некоторой долей раздражения, гость поспешил извиниться.

– Прошу прощения за неожиданное вторжение. Разрешите представиться – Ризинкин Николай Степанович. Ученый.

Второй

Я сидел в своей комнате, культурно отдыхая, то есть при включенном телевизоре с книгой в руках, когда в дверь позвонили. Я вообще-то человек спокойный, но тут мне захотелось завывать и затопать ногами об пол. Черт знает за сколько времени, ценой невероятных усилий мне удалось наконец-то хоть на один день остаться в гордом одиночестве, и вот кого-то принесло.

Отложив в сторону книгу, я тяжело поднялся и зашаркал к двери, словно старик, ругаясь про себя очень нехорошими словами. Кто бы это ни был, решил я, ему не удастся нарушить только что наметившуюся идиллию. О, как жестоко я ошибался!

В проеме открытой двери передо мной предстал довольно странного вида мужчина. На первый взгляд я ему дал лет эдак около пятидесяти. К этой цифре меня склонили его лысина, сверкающая, как медный таз на солнце,

То, как он это сказал, дало мне понять, что передо мной все-таки интеллигентный гражданин. Это несколько успокаивало, но несколько не улучшило моего к нему отношения. Этот человек нарушил мой покой, и будь он хоть самым Президентом, ничто не подняло бы сейчас его рейтинг в моих глазах.

Видя, что я не особо тороплюсь отвечать ему, он продолжил:

– Я пришел по довольно чрезвычайному делу, которое может иметь для Вас некоторое значение. Не позволили бы вы изложить Вам его суть?

Я подумал немного и решил, что просто так мне не удастся от него избавиться. Оставалось только надеяться, что изложение сути дела не займет слишком много времени.

– Заходите, – я указал ему рукой на дверь в гостиную.

Незванный гость поспешно кивнул и прошел в указанном направлении. Я обреченно поплелся вслед за ним.

– Присаживайтесь, – я кивнул ему на кресло.

Он послушно сел, но по его лицу было видно, что ему не терпится начать разговор. Тогда я решил хоть немного отомстить ему.

– Николай... – я сделал паузу, вспоминая отчество.

– Степанович, – поспешно подсказал Ризинкин.

– Вот именно. Николай Степанович, я тут как раз собирался кофейку попить, так я думаю, Вы присоединитесь ко мне, – я старался говорить быстрее, не давая ему возможности открыть рот. – Так что Вы посидите тут, а я пойду и приготовлю кофе, и потом мы с Вами поговорим о том, что Вас интересует.

Последние слова я произнес, выходя из комнаты, так что возражения Николая Степановича моих ушей не достигли. Пусть чуть помучается ожиданием.

Я не спеша, насколько это было возможно, сварил кофе. Люблю делать это по старинке. Затем так же неторопливо налил две чашки и, задержавшись еще на пару минут просто так, пошел в комнату.

К моему удивлению, Николай Степанович все же усидел на своем месте. Однако я не без удовольствия отметил мучительное нетерпение, черным по белому написанное на его лице.

– Хороший кофе. Я думаю, Вам понравится, – я выдавил из себя улыбку. – Так какое же дело привело Вас ко мне?

Николай Степанович сразу же поставил на стол чашку, которую едва успел взять.

– Владимир Юрьевич, дело это не совсем простое. Оно касается моей последней научной разработки.

Увидев мое удивление, он поспешил объяснить.

– Я понимаю, что Вы далеки от науки, но изобретенный... ммм, изобретенное мною устройство должно Вас заинтересовать.

Я рассеяно кивнул.

– Видите ли, мое предложение может показаться Вам необычным. Поэтому начну с того, что являюсь страстным поклонником Вашего таланта.

После этих слов я невольно усмехнулся.

– Да-да, не смейтесь, – моя усмешка, кажется, задела его. – Спорт – это большое искусство. Причем, на мой взгляд, искусство даже более сложное, чем, скажем, живопись или поэзия. Потому что там человек пытается достичь совершенства только с помощью способностей своего мозга, а в спорте человек стремится достичь гармонии между мозгом и телом.

Он сделал небольшую паузу.

– Это, впрочем, не совсем научное и не совсем грамотное объяснение, но я уверен, что Вы меня поймете.

Не желая пускаться с ним в споры, я согласно кивнул головой. Увидев этот знак одобрения, он с энергией продолжил:

– С детства я увлекался спортом, особое предпочтение отдавая большому теннису, – я посмотрел на него с сомнением, но он этого не заметил, – однако различные причины не позволили мне посвятить ему свою жизнь, – он выжидающе посмотрел на меня, и я состроил гримасу сочувствия. Кажется, его это удовлетворило.

– Да, по многим причинам... Волею судьбы я стал ученым. Не буду углубляться в особенности той области знания, которой я занимаюсь, это только утомит Вас. Скажу только, что это имеет отношение к биофизике мозга.

Я понимающе кивнул.

– Как я уже говорил, особую любовь я питал к большому теннису. Мне всегда казалось, что именно тут, в противоборстве мышц и умов двух людей, может родиться гармония Человека, – он поднял вверх указательный палец. – Я всегда следил за миром большого тенниса. Я знаю наизусть имена и биографии всех его великих представителей. Вы – один из них. Скажу больше, Вы – самый большой мастер.

Тут я чуть не поперхнулся кофе, который уже, кстати, успел остыть.

– Ну так уж и самый...

Николай Степанович взмахнул рукой, по всей видимости, призывая меня к молчанию.

– Извините меня, Владимир Юрьевич, но я знаю, о чем говорю. Я наблюдал за Вами, впрочем, как и за многими другими, с самого начала вашей карьеры. Я лично лицезрел все Ваши выступления за последние пять лет. Может, это покажется Вам слишком самоуверенным, но я могу заверить Вас, что я хорошо изучил Вас как спортсмена. На своем пути к совершенству Вы прошли девяносто девять сотых этого расстояния! Вы ближе всех подошли к последнему рубежу. И поэтому...

Тут я не удержался и решил задать ему вопрос.

– Тогда почему же, как Вы думаете, мне до сих пор не удалось взять ни одного главного приза?

– Вот! – он заерзал в кресле, и на лице его расплылась довольная улыбка. – Все дело в везении! Вы мастерски выигрываете у всех своих соперников, доходите до финала, там тоже показываете такой уровень игры, который Вашему противнику и не снился, но... – он сделал паузу, как мне показалось, для большего эффекта, –

но там вмешивается тот самый фактор везения. В итоге – вторые места на всех крупных соревнованиях. А ведь заметьте – перед каждым турниром Вы – главный фаворит.

Мне осталось только согласно кивнуть головой. Действительно, после многих решающих встреч у меня было чувство, что мне опять не повезло. Но я всегда гоню прочь подобные мысли. Я – спортсмен. Спорт для меня – это все. И если я проигрываю, то всегда ищу ошибки в своей игре, а не сетую на неисповедимые пути Господни. Я не считаю это самохвальством, это черта характера, которой я горжусь. Но я не стал говорить этого Николаю Степановичу, а сказал другое.

– Что ж, возможно, Вы и правы. Может, все дело в везении. Но согласитесь, что в этом случае ничего нельзя изменить.

Мой визави опять заерзал в кресле.

– Можно! В том-то и дело, что теперь можно. Я занимаюсь этим уже много лет. Вы знаете, что у каждого человека есть биополе. Биополе – это обобщенное понятие. Не самом же деле это совокупность множества полей, которые окружают человека и которые созданы его мозгом. Так вот, одно из этих полей, как мне удалось выяснить, регулирует вокруг человека заряд неопределенности, то есть то, что мы обычно называем везением или невезением. Все зависит от того, какой заряд преобладает – положительный или отрицательный.

Николай Степанович сделал небольшую паузу, чтобы отдышаться, и тут же продолжил.

– Выяснив это, я загорелся мыслью создать прибор, способный влиять на величину и знак этих зарядов. Совсем недавно я создал его. Опыты, проводимые мною в течение месяца, показали, что он действует! Теперь с помощью моего прибора можно нормального среднего человека, у которого заряды колеблются около точки равновесия, превратить в счастливчика или неудачника. Для этого надо просто увеличить положительный или отрицательный заряд соответственно. Мой прибор способен сделать это!

Николай Степанович закончил. Я тоже не спешил что-либо говорить. Теперь мне было понятно, какое дело привело ко мне этого полусумасшедшего ученого. И, скажу честно, от этой догадки мне почему-то стало не по себе.

– Ну и...

– Чего я хочу? – догадался Николай Степанович. – Я хочу увеличить положительный заряд Вашего поля. Поверьте, Владимир Юрьевич, мне просто больно видеть, как удача постоянно отворачивается от Вас. Такой мастер, как Вы, достоин быть только первым, но никак не вторым. Я хочу Вам помочь добиться того, чего вы заслуживаете. Но, разумеется, только с Вашего согласия.

Он откинулся в кресле, довольный своей речью. Я так думаю, он действительно хотел помочь мне и предполагал, что я сразу же приму его предложение. Но тут он ошибся. Мне почему-то не особо хотелось соглашаться. Собственно, я и сам точно не знал, почему. Душа была против. В голове роились мысли. Скажу честно: мне было не просто сказать ему то, что я оказал.

– А почему Вы считаете, что я хочу быть обязательно первым? Меня вполне устраивает быть вторым.

Николай Степанович явно опешил от этих слов. Он недоуменно вытаращился на меня, открыв рот.

– Но... почему? – наконец спросил он.

Я на секунду задумался. Решив говорить только то, что сам скажет мой язык, я начал:

– Потому что слава первого быстро портит. Я думаю, Вы знаете, что такое “звездная болезнь”. Она не даст мне дойти до того самого предела в достижении совершенства, о котором Вы говорили. Ведь то, что мне не удастся победить, толкает меня к постоянному поиску ошибок и их устранению. Пока я второй, у меня есть стимул к борьбе, к достижению чего-то нового. Есть цель, наконец. А цель – это главное в жизни. Ведь счастье человека заключается не в конечном достижении цели, а в пути, который ведет к ней.

– Так что я не спешу быть первым, – заключил я.

Возможно, моя речь была несколько сумбурной, но Николай Степанович меня прекрасно понял.

– Вы говорите ужасные вещи, – прошептал он.

Я усмехнулся.

– Вы знаете, я сейчас подумал, что, может быть, то самое поле невезения, о котором вы говорили, это не недостаток невезучего человека, а его достоинство. Может, мозг специально создает его, чтобы человек развивался?

Кажется, Николей Степанович был убит наповал. Но моему языку этого было мало. Что поделать, я ведь решил не контролировать себя.

– Может быть, Ваш прибор – вещь нужная. Но ведь нельзя же, в конце концов, всех сделать счастливыми.

Николай Денисович Цхадая

ректор Ухтинского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор, председатель совета ректоров вузов Республики Коми

Тамара Телекмуратовна Новикова

писатель, журналист, член Союза журналистов России

Наталья Васильевна Вулих

доктор филологических наук, профессор УГТУ

Игорь Владимирович Горенко

кандидат философских наук, доцент РГГУ

Яков Юрьевич Васильев

старший преподаватель кафедры философии, директор центра социологических исследований УГТУ

Георгий Владимирович Данилов

кандидат технических наук. Доцент УГТУ

Иван Евдокимович Задорожнюк

кандидат философских наук

Оксана Игоревна Беляева

начальник отдела стратегических коммуникаций УГТУ

Владимир Викторович Фалин

кандидат культурологии. Доцент УГТУ

Дмитрий Николаевич Безгодов

проректор по учебно-воспитательной работе и социальным вопросам

Семен Петрович Башкиров

начальник управления по учебно-воспитательной работе и досуговой деятельности

Григорий Георгиевич Черноусов

лаборант кафедры философии, социологии и политологии УГТУ

Борис Александрович Витович

доцент кафедры организации и планирования производства УГТУ

Ирина Васильевна Палладьева

художник

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Ухтинский государственный технический университет

Институт повышения квалификации – независимый аттестационно-методический центр

ПРЕДЛАГАЕТ:

Программы профессиональной переподготовки

- Безопасность технологических процессов и производств
- Бурение нефтяных и газовых скважин
- Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений
- Проектирование, сооружение и эксплуатация газонефтепроводов и газонефтехранилищ
- Стратегическое управление кадровым потенциалом предприятия
- Бухгалтерский учет, анализ и аудит
- Финансовый менеджмент
- Ценообразование и сметное дело в строительстве

В 2010 году ИПК-НАМЦ начнет обучение по новым программам профессиональной переподготовки: «Экономика и управление на предприятиях топливно-энергетического комплекса», а также «Менеджер строительства», «Менеджер городского хозяйства» с присвоением дополнительной квалификации (свыше 1000 часов)

Программы повышения квалификации специалистов

- Контроль скважины. Управление скважиной при газонефтеводопроявлениях (52 часа)
- Пожарная безопасность
- **Строительство (72 часа):**
Повышение квалификации специалистов строительного комплекса. Данный вид обучения с августа 2009 года осуществляют организации, входящие в единую сводную базу учебных заведений России, в которую включен ИПК-НАМЦ (www.sro-s.ru).
- Подготовка к аттестации работников, осуществляющих контроль за качеством строительства объектов
- Повышение квалификации бухгалтеров
- **Менеджмент малого и среднего бизнеса (72 часа)**

Программы начального профессионального образования

Цель обучения: овладение определенным видом профессиональной деятельности; получение новой рабочей профессии. Форма обучения: очная, срок обучения: от 2 до 4 месяцев.

Лаборант химического анализа, слесарь по ремонту автомобилей, оператор по добыче нефти и газа, штукатур, маляр, стропальщик

Программы предаттестационной подготовки в области промышленной безопасности

Семинары

169300 Республика Коми, г. Ухта, ул. Мира, 4

Тел.: (82147) 36-101, 33-292

Наш сайт: <http://ipk.ugtu.net>, E-mail: ipk@ugtu.net

Институт повышения квалификации – независимый аттестационно-методический центр (ИПК-НАМЦ) является структурным подразделением Ухтинского государственного технического университета. Образовательную деятельность ИПК осуществляет на основании Лицензии Министерства образования РФ серия АА № 000872 от 24.02.2009г. и Свидетельства о государственной аккредитации Министерства образования РФ серия АА № 001780 от 26.02.2009г.

